

ГОД
КЫРГЫЗСКОЙ 2003
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В.М. Массон

ДРЕВНИЙ КЫРГЫЗСТАН: ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Бишкек • Илим • 2003

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИРЕКЦИЯ КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГОСПРОГРАММЫ
КОМПЛЕКСНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА ОШ НА 2001-2010 ГОДЫ

В.М. Массон

**ДРЕВНИЙ КЫРГЫЗСТАН:
ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА
И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ**

историко-культурологические очерки

**Под редакцией
акадeмика А.Ч. Какеева**

Массон В.М. Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие. Отв. ред. академик А.Ч. Какеев. НАН КР, – Бишкек, Илим. 2003. – 158 С.

ISBN 5-8355-1305-4

Книга посвящена актуальным проблемам многовековой культуры и государственности народов Центральной Азии. Предназначается для преподавателей вузов и студенчества.

**Отв. редактор
академик А.Ч. Какеев**

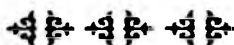
**Рецензенты:
академик В.М. Плоских
член-корр., д.и.н. Д.Д. Джунушалиев**

**Рекомендовано к изданию
Ученым Советом гуманитарного факультета КРСУ**

ISBN 5-8355-1305-4

© В.М. Массон

**П о с в я щ а е т с я
2200-летию
Кыргызской
государственности**

В.М. Массон – один из виднейших ученых-археологов, теоретик древнейших этапов истории и культур Центральной Азии. Человек исключительной энергии и интуиции, он всегда старался сосредоточиться на той исторической проблеме, которая казалось в данный момент важнейшей.

Автор обладает исключительной особенностью: увидеть за местной спецификой универсально важные проблемы, найти для результата своих исследований место в контексте развития теоретической мысли на евразийском пространстве.

Почти полвека творческие контакты связывают В.М. Массона с кыргызской исторической наукой. Начиная с координации археологических исследований и до подготовки национальных кадров-археологов Кыргызстана, от совместных экспедиционных исследований до организации международных конференций, от юбилейных мероприятий по проведению трехтысячелетия Оша до 2200-летней Кыргызской государственности.

В предлагаемой читателю книге представлены методологические разработки автора по культурогенезу, этногенезу, политогенезу и культурному наследию древнекочевнических обществ Центральной Азии и их вкладу в мировые цивилизации.

Надеемся, предлагаемое издание, посвященное 2200-летию Кыргызской государственности, послужит хорошим стимулом для продолжения научных исследований в этом направлении кыргызских ученых и будет полезно преподавателям ВУЗов и школ в их педагогической деятельности.

*Академик А. Какеев, доктор философских наук,
профессор, ректор КНУ.*

*Академик В. Плоских, доктор исторических наук,
профессор КРСУ, вице-президент НАН КР*

Несмотря на объективные трудности, переживаемые наукой, соответствующие разработки продолжают в различных сферах, в том числе, и в сфере гуманитарии. Здесь прежде всего следует отметить продолжающееся поступление новой информации такого надежного источника как археологический. При определенном сокращении масштабов исследований эти работы практически не прерывались. Следует отметить продолжающиеся исследования В.Д. Горячевой по древним городам Семиречья, прежде всего, по Краснореченскому городищу. Энергично ведет поиски в зоне Иссык-Куля экспедиция под руководством В.М. Плоских. Экспедиция С. Табалдиева практически не прекращала исследования в горных районах, где успешно изучались средневековые кочевнические могильники и были открыты новые рунические надписи, успешно дешифрованные С.Г. Кляшторным. На Ак-Бешиме определенное время велись исследования учеными НАН Кыргызстана и экспедицией Государственного Эрмитажа. Здесь выдающимся событием стало обнаружение в руинах средневековой церкви древней рукописи, которую предстоит отреставрировать и тщательно изучить. Президентская программа Ош-3000 послужила стимулом для продолжения исследований в районе этого важного городского центра Кыргызстана, ныне объявленного второй столицей республики. Здесь ряд памятников был исследован Ю.А. Заднепровским. Отряд НАН Кыргызстана под руководством Б. Аманбаевой в ходе раскопок городища Ак-Буура обнаружил руины города предарабской эпохи, явного предшественника средневекового города Ош.

Изучение и использование этих новых материалов может происходить по ряду направлений. Прежде всего необходимо продолжить усилия по публикации всех этих материалов. Именно включение новых данных в информационное поле через их публикацию придает этим сведениям информационную ценность. Поэтому следует уделить большое внимание

изданию коллекций, сосредоточенных за многие десятилетия в музейных собраниях. При этом сложилось ложное представление о т. н. авторском праве на материал, добытый экспедициями, возглавляемыми тем или иным лицом. Строго говоря, авторское право распространяется на произведения, созданные самим индивидуумом. Таковыми в данном случае являются отчеты о проведении исследований, тогда как подлинники авторов найденного при раскопках материала ушли из жизни много веков и даже тысячелетий тому назад. В данном случае ложно понятое «авторское право» принадлежит к числу своего рода этических традиций научного социума и не имеет юридической силы. Лица, претендующие на подобную необоснованную информационную монополию, несут за дискриминационные действия моральную ответственность перед ученым миром. Это легко преодолимое с правовой точки зрения препятствие на пути превращения новых данных через публикацию в информацию, имеющую научное значение.

Одним из возможных направлений оценки полученной новой информации и включения ее в повседневную интеллектуальную систему общества является ее рассмотрение с позиций культурного наследия. Всемирное культурное наследие представляет собой объединенную систему многообразия различных цивилизаций и культурных традиций.

В этом региональном аспекте материалы, характеризующие все многообразие культурного наследия народов Кыргызстана еще слабо разработаны. Поэтому хотелось обратить на это особое внимание и предложить серию очерков, отдельные статьи и разработки проблем культурного наследия, развернутое изучение которого открывает огромные научные и общественные перспективы.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Археологическое и культурное наследие страны

Многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы, и стереотип поведения, и фольклорные системы от мира образов и бродячих сюжетов до музыкального лада, и многочисленные материальные проявления. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Оно охватывает все виды археологических памятников: руины замков и крепостей, оплывшие погребальные курганы, остатки древних стойбищ и городов, эффектные монументальные строения наподобие дольменных гробниц или британского Стоунхенджа. Должным образом раскопанные и музеефицированные, исследованные профессионалами, они зримо несут информацию об ушедших веках и народах. Памятники, еще не изученные, представляют собой бесценный информационный фонд человечества, его нерушимую материальную память, что не всегда по достоинству оценивается из-за невежества современных технократов. Важнейшей особенностью археологического наследия, помимо доставляемых раскопками шедевров древних культур, являются массовость, надындивидуальность, характеризующие деятельность простого народа, его повседневное бытие. Именно археология изучает эту важнейшую часть культурного наследия в его истоках и историческом развитии.

В XX столетии сложилось такое понятие как археологическое наследие и связанный с ним весь блок организационных мероприятий (archaeological heritage management). Информационное поле, заключенное в археологическом наследии, широко. В качестве примера достаточно взять такое направление археологической науки, как церковная археология, получившее заметное развитие в дореволюционной России. Это направление открывает большие возможности в изучении духовной культуры и истории православных народов в их материальном воплощении. Здесь отражены как специфические особенности христианского вероучения, так и общеисторические культурные процессы. Таково, например, сильное византийское воздействие на стилистику христианских объектов ранней Скандинавии в пору до утверждения там католических стандартов и канонов. Предприняты усилия по возрождению, конституированию этого важнейшего направления археологических знаний (Церковная археология, 1995).

Исключительное значение приобретает весь блок культурного наследия для современных обществ. Он получает особое звучание в эпоху научно-технической революции и электронных средств информации, когда утверждаются новые массовые стереотипы, ведущие к своего рода глобальной стандартизации, размыванию индивидуальности как отдельных личностей, так и целых народов. Утрачиваются многие, сложившиеся веками, культурные традиции, в том числе поведенческие и моральные. Односторонне технически развитый человек, Номо Faber, в конце концов, не намного культурнее дрессированной обезьяны. Недаром журналисты пишут, что в будущем нас ожидает неандерталец, живущий в комфортабельной пещере с современной аудио- и видеотехникой. Необходимо полноценно использовать богатство разнообразных культурных традиций в их прогрессивных формах и проявлениях. Например, бесспорна важность использования добрых традиций культур Востока и мусульманской религии, но нереальна реставрация музейного ислама VII в.

Цивилизованные страны XX века все с большим вниманием относятся к проблемам сохранения и использования культурного наследия, в том числе и археологического. В развитых странах повышение уровня благосостояния способствовало

развитию массового туризма, формированию целой туристской индустрии, что экономически стимулирует внимание к культурному наследию в его репрезентативных формах. Совершенствуется соответствующее законодательство, идут поиски наиболее эффективных форм организации. В Европе первым соответствующим законодательным актом считается указ короля Швеции 1666 г., объявлявший все объекты древности собственностью короны. С тех пор базовые юридические разработки по проблемам культурного наследия, в том числе и археологического, превратились чуть ли не в целое направление законотворческой деятельности. Достаточно сказать, что в Англии в университете Саутгемптона Э. Фиртом подготовлена диссертация, специально посвященная вопросам законодательства западноевропейских стран в области подводной археологии. Эти проблемы стали объектом внимания и организационной деятельности международной общественности, прежде всего, по линии ЮНЕСКО. В 1959 г. был создан международный комитет по памятникам и историческим местам (ИКОМОС). Его базовая концепция изложена в так называемой Венецианской хартии, где, в частности, предложены строгие рамки реставрационной деятельности, предупреждающие создание под видом «реставрации» эклектических новоделов. В 1985 г. в этой системе был образован Международный комитет по археологическому наследию (Stanly Price, 1989). Эти вопросы активно обсуждаются на международных форумах. В частности, этому направлению было уделено большое внимание на Всемирном археологическом конгрессе, состоявшемся в Саутгемптоне в 1986 г., соответствующие материалы которого изданы отдельной книгой (Cleer 1989).

Наряду с практической деятельностью разрабатываются и базовые методологические принципы. Достаточно четко обрисовал соответствующую ситуацию датский ученый К. Кристиансен в докладе, прочитанном на конгрессе в Саутгемптоне и опубликованном затем в его материалах. Он прямо пишет, что в трактовке и использовании культурного наследия можно наблюдать развитие от политической идеологии к научному подходу и обратное движение. В результате в современном беспокойном мире получается как бы балансирование на лезвии бритвы. Как отмечает этот исследователь, этническая

идентификация древних культур зачастую оказывается напрямую связанной с идеологическими установками — либо с научным подходом, либо с прямым политиканством. В результате весь блок сохранения и использования культурного наследия становится как бы частью политической системы и ее идеологических установок (Kristiansen, 1989: 23–24). Наша общественность хорошо знакома с этой ситуацией и с ее последствиями на примерах СССР и СНГ, когда и культурное наследие, и непосредственно данные археологии старались использовать в межнациональных конфликтах с самыми трагическими последствиями. В традиционных формулировках прямолинейного детерминизма, основанного на методологии формационного эволюционизма, безапелляционно утверждалось, что данная территория — «исконная земля» такого-то народа, хотя первыми сюда приходили неандертальцы, если даже не их предки. Нельзя не признать, что такие крайние проявления характерны или для слаборазвитых стран, или для держав с тенденцией к тоталитаризму, либо пережиточно сохраняющемуся, либо искусственно культивируемому.

Практически культурное наследие и разумное отношение к нему в современном мире выступает как показатель цивилизованного общества. Это касается и законотворческой ситуации, и нравственного настроя. В этом отношении достаточно показателен пример Дании. Здесь в серии законов об охране археологического наследия особое значение имеет Государственный акт, принятый в 1969 г., четко трактующий вопросы его охраны. На этой правовой и финансовой основе в Дании в зоне хозяйственной деятельности ежегодно осуществляется от 400 до 500 охраняемых раскопок различных по масштабам, но в равной мере способствующих сохранению и изучению национального достояния страны. Весьма примечательны нравственные установки, утвердившиеся в психологии общества. Этому способствовала и широкая демонстрация достижений археологии. Археологические экспозиции имеются в 48 музеях Дании, широко ведется популяризаторская деятельность, издается специальный археологический журнал для школ. Древности стали предметом национальной гордости, а необходимость их сбережения вошла интеграционным компонентом в общественный менталитет. Широко

представлена и общественность, объединяющая разным образом организуемых любителей археологии. Музейные хищения являются уникальным событием. Наоборот, на выставке «25 лет датской археологии», с которой можно было ознакомиться в 1993 г. в Вайле, значительную часть образуют стенды с экспонатами, доставленными любителями. В их числе имеются и массивные золотые изделия римского времени, принесенные школьниками младших классов. Безусловно, все это составляет важную веху на пути движения к цивилизованному обществу XXI столетия.

В сфере археологического наследия Россия и СНГ, как и во многих других областях, находится в плену противоречивых тенденций. Гангстеры-кладоискатели организуют целые экспедиции, пытаются создать инфраструктуру сбыта варварски добытых древностей. В этом отношении показательна ситуация, складывающаяся в Крыму, где соответствующие действия происходят буквально среди бела дня. Порою неподготовленные любители пытаются проводить «раскопки» на свой страх и риск. Законодательская деятельность, начавшаяся в пору существования СССР, практически приостановлена. Вместе с тем, налицо и процессы противоположной направленности. Сами вопросы культурного и археологического наследия со времени перестройки все больше обращают на себя внимание (Массон 1989). Важно отметить становление различных негосударственных структур, нацеленных на охрану и изучение разрушаемых и расхищаемых богатств национального достояния. Опираясь на существующую законодательную базу и на распорядительную деятельность местных властей, успешно работают историко-культурная ассоциация «Поволжье» в Самаре и аналогичное объединение в Екатеринбурге. В тех случаях, когда государственные органы разумно используют льготное налоговое стимулирование, на охрану и изучение культурного, в том числе и археологического, наследия направляются средства частного сектора. Такова, например, деятельность Фонда развития гуманитарных наук и образования (Фонд Шаталова в Удмуртии).

Проводятся и методико-методологические разработки проблем культурного наследия. С этой целью в 1993 г. в Тюмени была проведена целевая международная конференция,

организованная ИИМК РАН, ассоциацией «Всемирный археологический конгресс» и объединением «Тюменский областной краеведческий музей» (Проблемы культурогенеза, 1993). В условиях формирующейся полицентрической инфраструктуры российской науки и культуры совершенно ясно, что для решения этих проблем необходимо объединение как государственных, так и общественных структур. Здесь вырисовываются три блока первоочередных задач. Во-первых, это последовательная законодательная деятельность. В условиях нынешней низкой эффективности общегосударственного парламентаризма наиболее перспективна в обозримом будущем деятельность на региональном уровне – республиканском, краевом и областном. Во-вторых, необходим, прежде всего, как отмечают все исследователи, сплошной учет всех ресурсов археологического наследия (Trotzig, 1989). Такая работа неоднократно начиналась и в СССР, и в России, но продвигается как бы пульсирующими порывами при остающейся несогласованности действий и финансовых усилий местных и центральных органов. В-третьих, важнейшим блоком является утверждение в обществе соответствующего психологического и нравственного настроя. В условиях психологии массового ажиотажа – по схеме «доллар прежде всего и немедленно» – это наиболее сложная проблема. Но без движения по пути ее решения Российская Федерация едва ли имеет перспективу разумного развития как цивилизованное государство.

Литература

- Массон В. М.* 1989. Археология сегодняшнего дня – некоторые тенденции развития и общественное звучание // Первобытная археология. – Киев: Наукова думка. С. 514.
- Проблемы культурогенеза.* 1993. Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы к конференции (часть I: Культура и культурное наследие в современном мире; часть II: Археология и изучение культурных процессов и явлений; часть III: Этнография и изучение культурных процессов и явлений). СПб.
- Церковная археология.* 1995. Церковная археология. Материалы первой всероссийской конференции (часть 1: Распро-

странение христианства в Восточной Европе; часть 2: Христианство и древнерусская культура; часть 3: Памятники церковной археологии России). СПб.

Cleer H. P. (ed.). 1989. Archaeological heritage management in the modern world. London.

Kristiansen K. 1989. Perspectives of the archaeological heritage: history and future // Cleer H. P. (ed.). 1989. Archaeological heritage management in the modern world. London.

Stanly Price N. H. 1989. Archaeology and conservation training of the international level // Cleer H. P. (ed.). 1989. Archaeological heritage management in the modern world. London.

Trotzig G. 1989. The cultural dimension of development – an archaeological approach // Cleer H. P. (ed.). 1989. Archaeological heritage management in the modern world. London.

Культурогенез, этногенез, глотогенез

1. Обостренное внимание к вопросам этногенеза обычно упрощенно понимается как однолинейное объяснение процессов происхождения того или иного народа и не всегда сопровождается, даже в научной литературе, углубленными методологическими разработками. Еще в большей мере это касается околонушной литературы, авторы которой с нарочитой бойкостью стремятся завоевать сиюминутную популярность,
2. При этногенетических разработках существенным методологическим упущением является поспешное отождествление этнического и лингвистического наследия. В результате из разумного внимания исследователей выпадает такой важнейший блок как культурное наследие, использование которого составляет одну из стратегических перспектив строительства сбалансированной цивилизации XXI века. Многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания.

3. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы и стереотипы поведения, и фольклорные системы от мира образов и бродячих сюжетов до музыкального лада, и многочисленные материальные проявления. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Оно охватывает все виды археологических памятников: руины замков и крепостей, оплывшие погребальные курганы, остатки древних стойбищ и городов, эффектные монументальные строения, наподобие дольменных гробниц или британского Стоунхенджа.
4. Стабильность и преемственность культурного наследия ярко выступает в его материальных проявлениях. Преемственность и традиционализм представляют собой базисные генетические факторы оседлых оазисов и городского образа жизни, с особой отчетливостью проявляющейся в сфере материальной культуры. Этот материальный традиционализм проявляется и в обществах, основанных на степном образе жизни и номадизме, связанных с определенным набором артефактов, проявляющимся в материалах археологии.
5. Подобный материальный традиционализм ярко проявляется при переменах, происходящих при различной лингвистической ориентации населения в условиях смены политической ситуации и утверждения иноязычной лидирующей группы. Это ярко видно на примере городской культуры Месопотамии, где лидирующее положение приобретали сменяющие друг друга лингвистические группы — сначала протошумеров, затем шумеров, семитов, аккадцев, гуттиев и касситов и, наконец, ираноязычных Ахеменидов. Материальная преемственность через устойчивый набор артефактов, привязанных к степному образу жизни и номадизму, проявляется и в зоне евразийских степей в течение всех лингвистических перемен, из которых наиболее значительным было распространение языков тюркской лингвистической группы.

6. Все это позволяет считать культурное наследие одним из важнейших проявлений процессов культурного этногенеза, весьма впечатляющим, наряду с процессами антропологической преемственности. Глубинные истоки культурного наследия в его различных хронологических пластах характерны для большинства современных народов, не без оснований заботящихся о его сохранении и использовании.

Научное пространство СНГ и Евразийские блоки культурного наследия

Научное пространство является составной частью того явления, которое сформировалось в процессе развития человечества и которое В.И. Вернадский именовал ноосферой или сферой разума. Научное пространство представляет собой зону взаимодействующих научных центров и школ, объединяемых общностью тематики и проблематики, методическими и методологическими подходами и приемами процедур научного исследования, включая язык самой науки. Это была подвижная система, образующая порой масштабные единства, меняющая свои границы в условиях различной политической и культурной ситуации. Обширное научное пространство образовывала в домонгольское время наука мусульманского Востока. Здесь языком научного общения для стран разной лингвистической ориентации был арабский язык, единый для многих центров научной мысли и научных разработок. В это пространство вовлекались представители разных народов. Происхождение отдельных ученых определялось прозвищем (нисбой), указывающим на их родину. В истории науки они так и известны: Хорезми, Фергана, Фараби и т. д. Однако это указывало только на родину самого исследователя, научная деятельность которого могла формироваться и разворачиваться в иных центрах. Так

деятельность астронома Фергани протекала в Египте в условиях развития египетской астрономической школы. Важными научными центрами, объединявшими ученых разного происхождения и разных национальностей, была Бухара при Саманидах и Хорезм при династии Мумунидов. К сожалению, выявление и характеристики таких подлинно научных школ еще мало исследуются учеными, предпочитающими более легкий путь истолкования по нисбе, указывающей на место рождения того или иного деятеля.

В настоящее время усиливается тенденция к глобализации научного пространства, но, тем не менее, мощные региональные его подразделения сохраняют во многом свое значение. Таково, в частности, научное пространство значительной части Евразии, политически объединявшееся в разное время в имперской России, Советском Союзе, а сейчас входящей в политическую структуру СНГ. Научное пространство СНГ можно рассматривать как систему взаимодействия независимых научных центров, опирающихся на традиционные связи, общность предмета и объекта исследования, на научный потенциал, созданный в значительной мере в процессе творческого сотрудничества (Массон, 1999).

Формирование этого научного пространства активно разворачивалось на протяжении XIX–XX веков. Пространства образовывали государственные учреждения, прежде всего университеты. Постепенно возрастает роль научно-общественных организаций, наподобие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Со второй половины XIX века эти два вида научных организаций, взаимопереплетающихся и взаимодействующих, распространились почти на всю страну. Таковы, например, архивные губернские комиссии, объединяющие широкую научную общественность (Рябинин, 1996). Особенно важно массовое краеведческое и музейное движение, охватывающее буквально все уголки российского государства и знаменовавшее частное проявление феномена конца XIX – начала XX веков, который с полным правом можно именовать «серебряным веком» русской культуры. В массовой просветительской деятельности огромную роль играла русская интеллигенция, активно действовавшая во всех основных центрах страны. В Средней Азии были, например, орга-

низованы кружки любителей археологии (Туркестанский – в Ташкенте и Закаспийский – в Ашхабаде), регулярно публикующие различного рода издания.

При подавлении краеведения, как общественного явления, произошедшем в 20-е годы, на первый план стали выдвигаться меры государственного характера, когда по этой линии научные структуры создаются повсеместно, особенно в регионах, ставших союзными и автономными республиками. Эта организационная деятельность подкреплялась активной издательской работой и целевой подготовкой местных кадров в основных научных центрах страны, прежде всего, в Москве и в Ленинграде. Создана была государственная структура, ставшая костяком научного пространства. Ее отрицательными чертами были чрезмерная бюрократическая централизация и политизация, которая в пору существования Советского Союза пронизывала все сферы идеологической и интеллектуальной деятельности.

С распадом Советского Союза как политической структуры этот государственный рычаг почти перестал действовать, особенно в масштабах всего СНГ. Транспортные и информационные связи прерываются, «политизация наоборот» с преувеличенным вниманием к «своему» этносу не способствует развитию объективной научной среды, да и развитию научных связей. Тем не менее научное пространство, созданное на протяжении почти двух веков, продолжает функционировать, в чем проявилась, в частности, функция науки как самоорганизующейся системы. При этом научным языком межгосударственного общения остался русский язык, что отнюдь не исключало развитие популярной и учебной литературы на языках новых независимых государств. Это закономерное явление для крупных регионов, образующих традиционные научные пространства. Например в Индостане, где в настоящее время функционируют четыре самостоятельных государства – Пакистан, Индия, Бангладеш и Шри-Ланка, языком межгосударственного научного общения остается английский язык, на котором выходит большинство научных изданий.

Общие научные интересы и в СНГ ведут к сохранению и развитию научного пространства в новой политической ситуации. Так в Молдавии с 1999 года выходит фундаментальный

научный журнал «Stratum Plus», в редколлегии которого работают ученые Молдавии, России и Украины. Объективные тенденции науки как самоорганизующейся системы в ряде случаев получают государственную поддержку. В Кыргызстане по инициативе президента республики А.А. Акаева создан и успешно функционирует в Бишкеке «Кыргызско-Российский (Славянский)» университет. На юге республики соответственным образом создан Кыргызско-Узбекский университет. В Туркменистане президент республики С.А. Ниязов выдвинул как главную национальную задачу на ближайшие годы программу по развитию культуры и науки «Рухнама». Функцию развития в целях содействия этой программе по линии культурных и научных связей взяли на себя общественные организации – созданное в Санкт-Петербурге Общество культурных связей с Туркменистаном и созданное в Ашхабаде Общество культурных связей Туркменистана с Россией. Определенную роль в рамках научного пространства СНГ начинает играть Российская академия естественных наук, образованная как неполитическое негосударственное сообщество ученых. Помимо включения в число ее членов многих достойных ученых из стран СНГ, РАЕН предпринимает шаги по созданию региональных центров и отделений в других государствах СНГ.

Особое значение в перспективной тематике научного пространства СНГ приобретают вопросы культурного наследия. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и менталитет, определяющий нравственные нормы и стереотипы поведения, и фольклорные системы от мира образов и бродячих сюжетов до музыкального лада, и многочисленные материальные проявления. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие. Принципиальной особенностью археологического культурного наследия, помимо доставляемых раскопками шедевров древних культур, являются массовость, надындивидуальность, характеризующие деятельность простого народа, его повседневное бытие. Именно археология изучает эту важнейшую часть культурного наследия в его истоках и историческом развитии (Массон, 1998).

На протяжении истории в разных частях Старого и Нового Света, в частности в Евразии, формировались целые блоки культурного наследия. Эти блоки складывались в условиях культурной и экологической специфики. На протяжении истории блоки претерпевали определенные изменения, в условиях меняющейся исторической и политической ситуации формировались новые группировки. Внутри макроблоков формируются общности более мелких масштабов и временной протяженности. Таким блоком является блок славянского культурного наследия, важнейшим этапом формирования которого было расселение в Восточной и Центральной Европе славянских племен, протекавшее для восточной зоны, видимо, из двух центров с ориентацией Северо-Запада России на поморские связи. Культурная интеграция в рамках этого блока качественно усилилась в пору Древней Руси, с утверждением процессов урбанизации и распространения христианства. В глубинных истоках этого блока лежит прошлое оседлоземледельческих народов, первыми освоившими новые просторы для передовых форм хозяйственной деятельности.

Важным явлением был блок культурного наследия евразийских степей. Еще в пору палеометалла здесь стал формироваться особый степной образ жизни, традиции которого до наших дней живы в культурном наследии монголов, казахов, башкир, хакасов, калмыков и многих других народов. Степной, а затем кочевой образ жизни и породил ряд особых черт материальной культуры, глубинные истоки которых убедительно прослеживаются по материалам археологии. Таковы тип жилища разборного и легко переносимого, специфические виды посуды, специфические, как по материалу (предпочтение портативных и негромоздких кожаных и деревянных изделий), так и по формам (корытца и подносы часто на ножках, изделия шаровидной или уплощенной формы в виде ялыг). Показательны и специфические виды одежды — от мягкой бескаблучной обуви до шаровар и поясного ремня, который часто носил престижно-знаковый характер. Формировались здесь и особые эстетические модели и каноны, что нашло яркое отражение, например, в неувядающих шедеврах т. н. скифо-сибирского звериного стиля.

Важным этапом в эволюции блока культурного наследия евразийских степей стала эпоха Золотой Орды, привнесшая в степную среду традиции урбанизованного общества с ориентальными канонами, что в итоге дало яркие образцы культурного синтеза. Изучение этого феномена золотоордынской эпохи для процессов культурогенеза в определенной мере более важно, чем выяснение политических приоритетов.

Важным компонентом культурного наследия человечества стала культурная и поведенческая система, созданная северными народами, освоившими природные зоны повышенной дискомфортности и выработавшими здесь формы хозяйствования и образа жизни, сохраняющие непреходящее значение. Это целый блок культурного наследия, истоки формирования которого в условиях социокультурной адаптации весьма глубоки.

В разное время на территории, занимаемой сейчас республиками СНГ, формировались и трансформировались и различные иные блоки культурного наследия. Именно подобный блок, связанный с исламской урбанизацией, интегрировавшей домусульманское культурное наследие, представляет собой культура государства Саманидов. Она является важным компонентом культурного наследия таджикского народа, также как и узбеков, и других народов Средней Азии (1100-летие ..., 1999).

Культурное наследие особо значимо для изучения истории народов, их происхождения и путей формирования. Следует иметь в виду, что этническое наследие отнюдь не идентично наследию лингвистическому. При определении того или иного этноса как исторического феномена огромную роль играют такие признаки как язык и самоназвание. Вместе с тем изучение истории сложения этноса невозможно без учета всего длительного процесса развития культурного наследия, не говоря уже о самом популяционном пласте, представляющем своего рода антропологическое наследие.

Изучение и истолкование процессов развития культурного наследия, блоков культурного наследия, объединявших различные народы еще в незапамятные времена, является важной задачей научного сообщества, и именно совместные усилия различных научных центров и школ, соединенных в научное пространство СНГ, могут дать здесь особо значимые и обоснованные результаты.

Литература

- Массон В. М. 1998. Археология и культурное наследие страны // АВ. № 5. – СПб: Дмитрий Буланин. С. 9– 11.
- Массон В. М. 1999. Научное пространство СНГ границ не имеет // Санкт-Петербургская панорама. № 3.
- Рябинин Е. А. 1996. Российское краеведение и российская археология // Традиции российской археологии. СПб. С. 71–75.
- 1100-летие образования государства Саманидов. 1999. Материалы международной конференции. СПб.

Культурное наследие Кыргызстана: пласты культурного наследия и культурные Взаимодействия

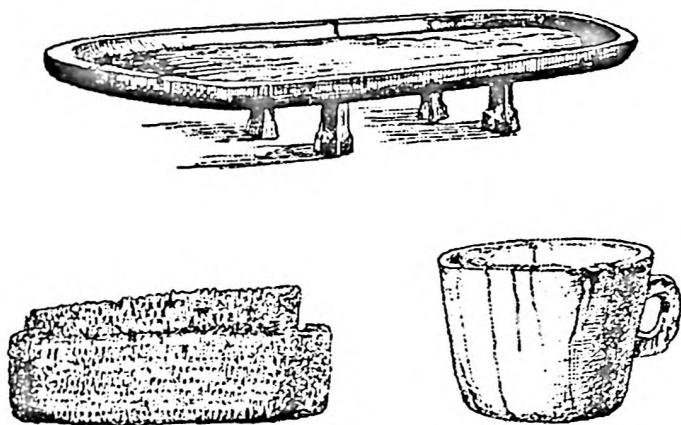
Культурное наследие является сложным и многоплановым понятием, охватывая различные проявления материальной культуры, интеллектуальной деятельности и ценностно-поведенческих ориентаций. Так, отдельно можно говорить о художественном наследии, наследии лингвистическом и даже наследии политическом. На ранних этапах культурное наследие в значительной мере связано с адаптационными процессами в обществе и в культуре, в ходе освоения различных экологических ниш, когда вырабатывается оптимальная форма их адекватной эксплуатации. Вместе с тем, в отличие от животного мира, в обществе, особенно по мере технического прогресса, нарастают силы, сами отказывающие обратное воздействие на окружающую среду, с приспособлением ее к своим потребностям и склонностям. Именно поэтому культурологи рассматривают общество как адаптивно-адаптирующую систему.

При анализе самого культурного наследия и процесса его формирования важную роль играет такое генерализирующее понятие как образ жизни. Е. Марков характеризует образ жизни как типичные условия жизни, нормы и формы жиз-

недеятельности, взаимоотношения людей, отношение общества к окружающей среде (Марков, 1985). В более формализованном определении под образом жизни понимается устойчиво воспроизводимая объективизация человеческой деятельности и жизнедеятельности, взятая в «фактах повседневности». При этом имеется в виду повседневная жизнь, взятая в ее различных сферах и областях – от трудовой деятельности до быта и досуга.

При естественном многообразии и разнообразии видов образа жизни разных народов в различных экологических зонах важны такие макроявления как степной образ жизни, включающий и его кочевые формы, и городской образ жизни. Степной образ жизни, ярко представленный на бескрайних просторах евразийских степей, связан с такими проявлениями в области материальной культуры как разнообразные легко переносимые жилища, колесные экипажи, удобные и легкие для транспортировки портативные предметы повседневного бытия от посуды до мебели, изготовленные из дерева или иных органических материалов (рис. 1). Противоположным образом городской образ жизни, связанный в первую очередь с прочной оседлостью, повседневной стабильностью, не знал таких трудностей перемещения, использования и изготовления громоздких и тя-

РИС. 1. Изделия, характерные для степного образа жизни. Деревянные и плетеные предметы из погребений древних кочевников Кыргызстана

желовесных объектов от глиняной посуды до монументальной архитектуры. При степном образе жизни последняя практиковалась лишь при устройстве надмогильных сооружений, не подлежащих переносу и транспортировке.

Городской образ жизни с присущими ему чертами постоянства и оседлости дает совершенно отличный набор составляющих компонентов, своеобразным символом которых являются жилища долговременного обитания. Соответственным образом отличны пути формирования менталитета и ценностных ориентаций в социальной психологии. При степном и, особенно, кочевом образе жизни необходимость частой смены угодий хозяйственной деятельности с поиском оптимальных вариантов способствовала развитию инициативы и, в конечном счете, расширению слоя населения с чертами пассионарности. Городские центры, образующиеся за счет притока нового населения, естественным образом привлекали ту его часть, которая инициативно стремилась к новшествам в повседневной жизни. С течением времени, развитие международной торговли и так называемой рыночной экономики в целом способствовали отбору в среде горожан личностей с пассионарными склонностями.

Изучение культурного наследия, его компонентов, процесса формирования является достаточно сложным и многоплановым, будучи связанным с различными областями гуманитарного знания. Здесь, в частности, необходима пространственная и временная организация материала. Для организации материала во временном положении можно использовать такое понятие как пласт культурного наследия. Пласт культурного наследия характеризуется устойчивым набором его компонентов на определенном хронологическом отрезке. Последовательная цепочка пластов культурного наследия, порой разделена периодами культурной трансформации, когда может происходить обновление или обеднение этого набора. Блок культурного наследия подразумевает наличие на определенном пространстве, обычно региональном или макрорегиональном, устойчивых наборов компонентов культурного наследия, близких, но не идентичных друг другу.

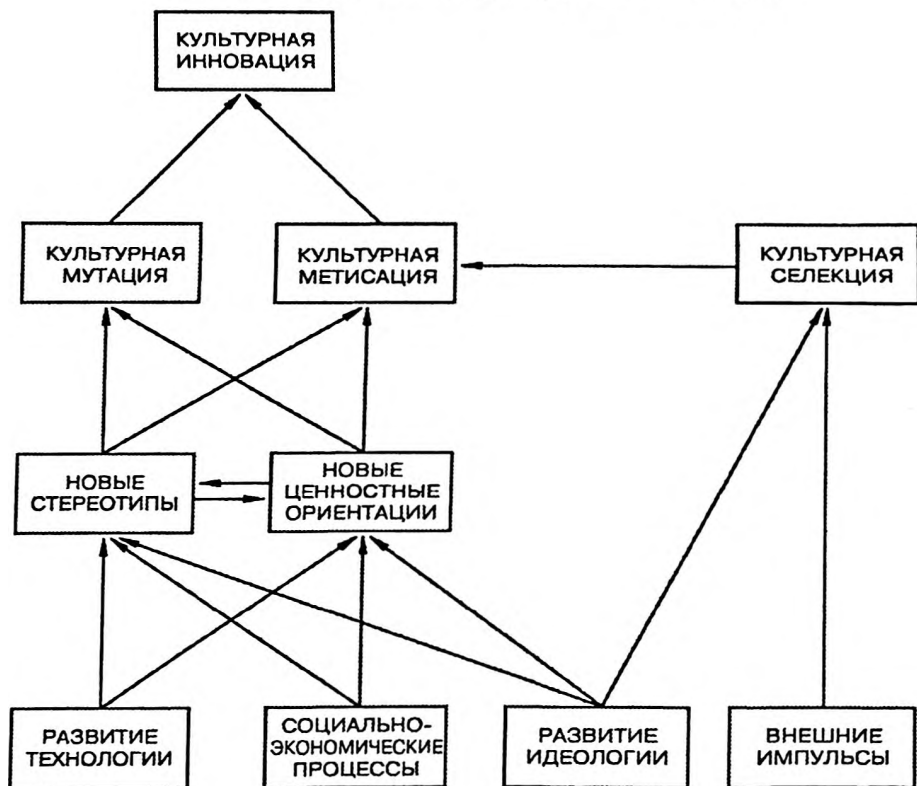
Для Средней Азии вопрос о пластах культурного наследия разрабатывался для Туркменистана (Массон, 2002). Здесь вполне отчетливо выделяются три таких пласта —

пласт цивилизаций бронзового века, уходящий истоками в раннеземледельческую эпоху; пласт парфянского культурного наследия и пласт сельджукского культурного наследия. Несомненная преемственность в историческом развитии культур, образующих эти три пласта, сопровождалась лингвистическими сменами общей ситуации. В этом проявляется специфика культурного наследия как явления культурогенеза, отнюдь не идентичного глоттогенезу.

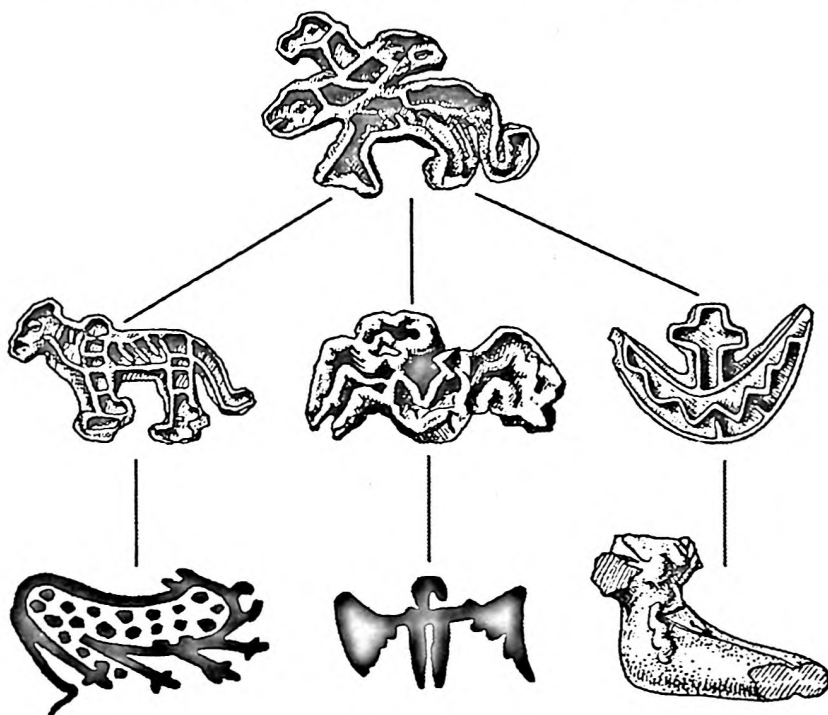
Формирование культурного наследия является частью самого процесса культурогенеза, его неотрывной составной частью, следуя его общим особенностям и закономерностям. Этот процесс сам по себе во многом связан с диалектическим взаимоотношением традиции и инновации (рис. 2), преобладание

РИС. 2. Формирование культурных инноваций

или угасание которых определяло весь облик культурного комплекса в целом. Стереотипизация этих проявлений хорошо улавливается на массовых проявлениях археологической типологией. Ю.В. Бромлей определяет традиции как компонент или сторону культуры, характеризующиеся устойчивостью, преемственностью, повторяемостью (Бромлей 1973: 67–68). В целом сам термин «традиция» недалеко отошел от первоначального значения в латинском языке, где он означал «предание». Под инновацией понимается введение новой технологии и, соответственно, новых материальных форм и новых моделей деятельности. Зачастую создание новой модели происходит путем абстрагирования стереотипичных объектов и функций и соединения их в новой комбинации (рис. 3). Таков внутрен-

РИС. 3. Культурная инновация. Сложение образа монстра из традиционных элементов в новом сочетании.
По материалам поселения бронзового века Алтын-депе в Южном Туркменистане и анауской культуры.

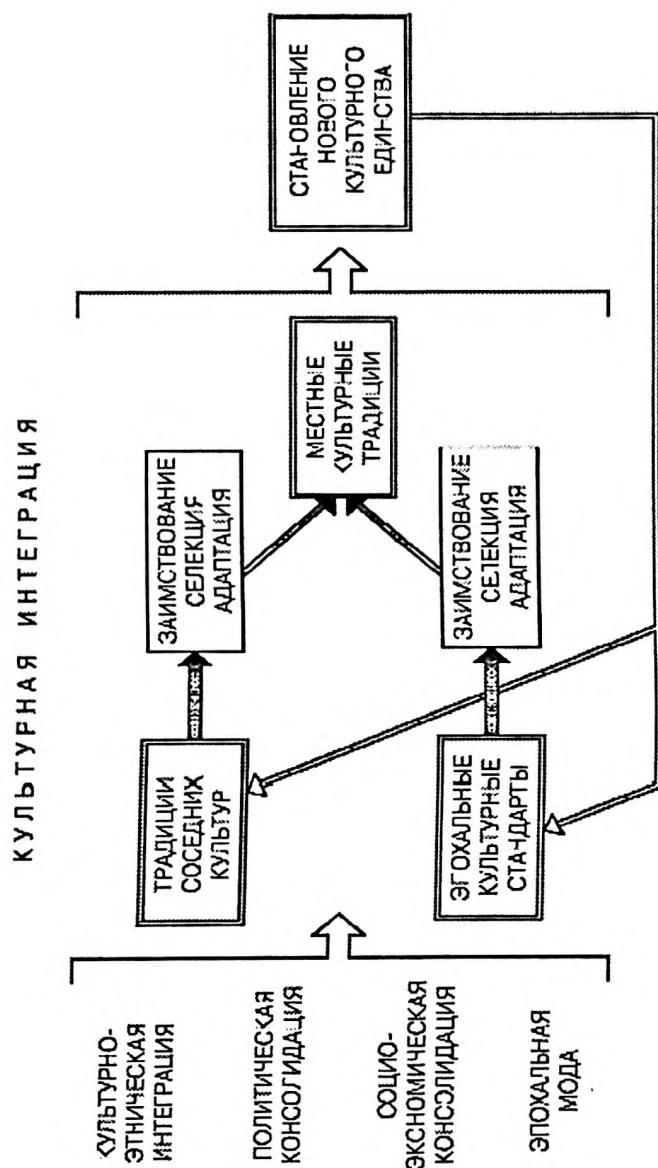

РИС. 4. Процесс культурной интеграции.

ний путь появления в культурном комплексе культурных инноваций. Могли быть и более радикальные новшества в технологии или культурных формах, которые возникают мутационным путем как абсолютно новаторские изобретения.

В принципе различается два основных типа культурных изменений – спонтанная и стимулированная трансформация. При спонтанной трансформации нововведения, новые модели, формы и эталоны (инновации) в основном складываются в местной среде, развитие идет за счет внутренних механизмов и стимулов. При стимулированной трансформации культурные изменения происходят под косвенным воздействием внешних импульсов. В отличие от этого вида трансформации при прямом заимствовании какая-либо переработка прототипа или его селекционное преобразование полностью отсутствуют. Разные варианты культурной трансформации ярко представлены в древней истории Центральной Азии (Массон, 1996: 46 и сл.).

Важнейшим явлением культурной истории была культурная интеграция. Под ней следует понимать ассимиляцию различных культурных элементов в единую гомогенную культуру (рис. 4). Движущим стимулом процесса могли быть и внекультурные силы, восходя к особенностям социально-го или экономического развития того или иного общества или группы обществ. Понятие культурной интеграции является категорией высокого рангового уровня в отличие от понятия «влияние» или «заимствование». Эти последние понятия связаны с явлениями механического характера, тогда как понятие «культурная интеграция» отражает движение культуры через трансформацию к новому качественному состоянию. При этом в формировании новых культурных эталонов играют роль явления селекции и адаптации.

В культурном пространстве, особенно взятом в крупномасштабном измерении, отчетливо проявляются два противоположных по своей сути процесса культурогенеза. Это явление культурной изоляции и второе – степень открытости для культурных связей и взаимодействий. Явление изоляции, прямым образом воздействующее на общество, на темпы и характер его развития, в географическом аспекте подробно разработано Б. Суббарao (Subbarao, 1958). Он различал тип абсолютной изоляции и тип относительной изоляции. В истории общества так-

же бывают представлены явления культурной изоляции, чаще всего частичной. Налицо и тенденции к своего рода лингвистической изоляции. Это явление, восходящее к первобытному принципу «свой – чужой», на уровне централизованных государств может приобретать политическую окраску, как это было, например, в Японии XVIII–XIX веков. Этому могло способствовать и слабое развитие средств коммуникации. Тем более это свойственно режимам, склонным к тоталитаризму. Как об антитезе можно сказать, что степной образ жизни, особенно на стадии кочевничества создает исключительно благоприятные условия для интеркультурных связей и взаимодействий. Выведение особой породы быстроаллюрных коней, покрывающих в течение недели почти тысячу километров как бы раздвинуло границы мира, способствовало почти мгновенному распространению новой информации, в том числе, культурных стандартов и эталонов. Это блестяще видно на примере скифской триады – устойчивому набору предметов вооружения, конской упряжи и предметов искусства скифо-сибирского звериного стиля. Можно сказать, что широкое общение и взаимодействие были имманентно присущи степному образу жизни и номадизму.

Ряд особенностей культуругенеза отражают такие явления как конвергенция и дивергенция. Так, формирование многих аспектов степного образа жизни, в частности его материальных проявлений, носило для огромной зоны от Молдовы до Монголии конвергентный характер с формированием ряда центров импульсивных инноваций, затем взаимодействующих и, в конечном итоге, консолидирующихся в новую культурную систему, что особенно заметно на примере кочевников.

Процесс развития культуругенеза, как и всего общества в целом, носит сложный неоднолинейный характер. Методологическим препятствием в понимании этого обстоятельств служил упрощенный формационный подход, ориентированный на своего рода формационный эволюционизм. Считалось в догматизированной форме и политически предписывалось считать, что за первобытным обществом обязательно должно было следовать общество рабовладельческое, затем феодальное и так далее вплоть до утопического коммунизма. Между тем в реальной конкретной истории в жизни общества существовали различные перепады, периоды замедления и даже приостановки про-

грессивного развития. В культуре соответственным образом проявлялись периоды стагнации, деградации и своего рода эволюции с обратным знаком. Это было реальным проявлением такого явления мировой истории как серия ритмов развития. Пульсирующая динамика ритмов культурогенеза составляла живую ткань исторического процесса. Причины перепадов со всеми последствиями замедления и даже деградации были различны. Могли сыграть свою роль экологические стрессы и военно-политические события. Данная социально-экономическая система могла исчерпать заложенное в ней возможности и не обеспечить последующее развитие. Иногда видимо исчерпывались биологические ресурсы данной популяции, не обновлявшей, вольно или невольно, свой генофонд.

В связи с разработкой вопросов динамики культурного наследия народов Кыргызстана можно высказать некоторые предварительные соображения.

Исходный пласт этого культурного наследия, безусловно, восходит к бронзовому веку, когда на просторах евразийских степей прочно утвердился степной образ жизни. В пределах этой макрозоны формируются отдельные культурные блоки, один из которых по наиболее яркому археологическому комплексу может носить наименование андроновского. Локальный вариант памятников этого типа был выделен Е.Е. Кузьминой под названием семиреченского (Кузьмина, 1970). Судя по находкам оружия, в Семиречье в бронзовом веке, как и во всей степной зоне, лидировала военная элита, передвигавшаяся на колесницах. На кинжалах эпохи бронзы, найденных в Семиречье, имеются изображения лошадей. Пространственное распространение памятников указывает, что в это время сложилась система скотоводства типа отгонного с сезонным выпасом в высокогорных районах, как свидетельствуют находки А.Н. Бернштама в урочище Арпа. Коневоды и овцеводы бронзового века со сходной культурой были распространены и в Южном Казахстане и видимо речь должна идти о целом блоке культурного наследия как общем истоке последующих поколений.

Второй пласт культурного наследия относится к эпохе ранних кочевников. В это время в Кыргызстане и примыкающем к нему Южном Казахстане формируется блок культурного наследия, который можно назвать сако-усуньским. Ряд черт

этого пласта характерен для многих народов степной зоны Азии, в том числе и для Минусинской котловины, где соответствующее локальное формопроявление, согласно археологической систематике, относится к тагарской культуре. Исключительная значимость этого типа пластов культурного наследия во всех его блоковых проявлениях не только для древнего Кыргызстана, но и для множества народов степной зоны бесспорна. В это время сложился устойчивый образ жизни кочевников со всеми его проявлениями в хозяйственной, бытовой и поведенческой сферах. Могут быть отмечены и цепочки соответствий в культурной сфере, начиная с орнаментальных узоров, явно выработанных в сфере изготовления ковровых изделий и художественно орнаментированных кошм.

В сакскую эпоху, судя по всему, были широко освоены высокогорные районы. Недаром среди фигурок животных, представленных в художественной бронзе Семиречья имеются изображения такого высокогорного животного как як, чего нет ни в одной другой культуре ранних кочевников.

Показательна следующая бытовая деталь. В греческих и древнеиранских текстах южные саки, нуклеарной областью обитания которых, судя по всему, было Семиречье, характеризуются как носящие высокие шапки. Именно с такой высокой шапкой изображен на бисутунском рельефе сакский вождь Скунха. Высокие конусообразные головные уборы, в парадном варианте снабжаемые золотыми нашивками, найдены и в богатых сакских гробницах. Вполне вероятно, что как общая идея высокого головного убора с парадным и бытовым вариантами как функционально удобного имеет прямое продолжение и что к этой традиции восходят современные головные уборы кыргызов.

Весьма важно сакское и особенно усуньское политическое наследие. В усуньском обществе шло формирование структуры принципиально нового типа политической организации, близкой по параметрам кочевой империи хунну. Этот новый тип политической системы евразийских степей можно именовать кочевой империей. По целому ряду показателей по пути его формирования развивалось усуньское общество. Тот же путь развития мы видим и в киргизском обществе IX–X веков, так удачно названного В.В. Бартольд эпохой киргизского великодержавия.

Весьма важен для разработок и следующий пласт культурного наследия, который можно назвать тюрко-согдийским. Здесь сближались и взаимодействовали несколько потоков культурного развития. Тенденции к оседлому образу жизни, наличествовавшие во многих кочевых обществах, в том числе, в усуньском, в постусуньское время, скорее всего, способствовали частичному переходу от кочевий к поселениям долговременного обитания. Одновременно с юга шел мощный импульс согдийской цивилизации, бывшей в VI–VIII веках эталоном урбанизированной культуры Центральной Азии. Передвигались согдийские купцы, просто первопоселенцы, начинался важный процесс культурной, а затем и лингвистической взаимной ассимиляции. В пору тюркского каганата и последующих образований с тюркоязычной политической доминантой этот процесс все более усиливался, стимулируемый переселениями иноэтнических групп и вхождением их в состав обитателей семиреченских замков и городков. В домонгольскую эпоху здесь прочно складывается местный урбанистический культурный комплекс с обще мусульманскими стандартами и эталонами в его средневековом воплощении, пестрым многоязычием и этнической ассимиляцией как дальних согдийских наследников, так и различных тюркоязычных группировок. На лингвистическом уровне эти процессы хорошо отражены в словаре Махмуда Кашгарского.

Исключительную сложность исторических процесс приобрел в пору развитого средневековья. Ритмы культурогенеза и этногенеза проявлялись в двух направлениях. В Минусинской котловине за периодом этнической и политической консолидации наступил период явной дивергенции. Насильственно разрушена система урбанизированного общества в Семиречье. Но культурное наследие не исчезает, сохраняется, во всяком случае на уровне кочевого образа жизни, в горных массивах. О сохранении мощного жизненного импульса народа свидетельствует создание грандиозного эпоса «Манас», само появление которого было бы невозможно при отсутствии культурной и эпической традиции. Предстоит немало работы над изучением этих процессов в разных аспектах их проявления. Кыргызский народ не растворился в среде близкокультурных и близкоэтнических образований, как это не раз бывало со многими народами степей с их нестабильно пульсирующей

историей. Археология не оставляет сомнений в сохранении традиций номадизма в горных районах Тянь-Шаня. Воссоединением всех этих культурных потоков стал новый этап консолидации – этнической культурной и политической, развернувшийся в пору позднего средневековья на Тянь-Шане и прилегающих областях. Нет сомнений в том, что разработка конкретных и общеметодологических проблем культурного наследия народов Кыргызстана – это одно из перспективных направлений гуманитарных наук республики.

Литература

- Бромлей Ю. В. 1973. Этнос и этнография. – М.: Наука.
- Кузьмина Е. Е. 1970. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. Вып. 122. С. 44–48.
- Марков Г. Е. 1985. Структура и исторические типы образов жизни // Этнографические исследования развития культуры. М. С. 7–30.
- Массон В. М. 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.
- Массон В. М. 2002. Культурное наследие Туркменистана в истории мировой цивилизации // Вопросы культурного наследия. Ашгабат.
- Subbarao B. 1958. Personality of India. Poona.

Культурное наследие и современная цивилизация ¹

Многообразие и богатство культурного наследия является основополагающим правилом цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Оно исключительно важно для самоидентификации народов и государств.

---

¹ Выступление перед академической общественностью Ханоя 10.12.2001 г.

Содержание понятие культурное наследие

Культурное наследие – широкое понятие. Оно включает в свой состав различные проявления в материальной культуре, менталитете, определяющем нравственные нормы и стереотипы поведения, фольклорные системы от мира образов и сюжетов, музыкальный лад и многое другое. В ряде случаев в состав культурного наследия входят и религиозные системы, давно и прочно включенные в жизнь народа, ставшие составной частью общественного сознания и стереотипов поведения. Вместе с тем, именно конкретные формы культурного наследия того или иного народа характеризуют и особые, специфические черты религиозных установлений, особенно на обрядовом и поведенческом уровне. Тем более, что так называемые мировые религии, да и другие религиозные системы, инкорпорировали и приспособили к своему идеологическому блоку многие народные обычаи и традиции. Например, довольно широко распространена такая форма как национальная модель народного ислама, искоренить которую как раз и старается крайний фундаментализм. В Средней Азии, где традиционным был культ коня, о чем свидетельствуют такие памятники, как каменные кормушки и следы копыт, конь объявлен конем халифа Али. В такой форме народные культы сохраняют свое назначение. В Туркменистане, например, представлен туркменский вариант народного ислама, сформировавшийся на основе менталитета туркменского народа, многое принесшего из мира степей. Таково, в частности, и разумное женское равноправие, представленное в Туркменистане, где нет ни чадры, ни особых «женских» частей дома.

Культурное наследие формируется в результате длительного процесса адаптации к экологической среде. В результате были выработаны соответствующие стереотипы в материальной культуре, начиная с типов жилых строений, и поведенческие нормы, образовавшие в целом народный менталитет.

Культурное наследие в современном мире

Разумное использование прогрессивных традиций культурного наследия является, на первый взгляд, антитезой глобализации с ее тенденцией к культурной и поведенческой стандар-

тизации. Здесь безусловно необходимо использовать разумное сочетание различных тенденций, привлекая механизм культурной интеграции. Определенных успехов в этом отношении добилась Япония, последовательную политику сохранения культурных и лингвистических традиций проводит Франция. Очень важны не крайние формы, а именно прогрессивные традиции в рамках культурного наследия, включая и мировые религии. Сейчас нарастает ненужная антитеза ислама и христианства. Следует иметь в виду, что в самом исламе отнюдь не заложено концептуально отрицательное отношение к христианству. Иисус признается одним из пророков и, когда его имя упоминается в текстах средневековых арабских авторов, неизменно в скобках выставляется благопожелание – «мир ему!». Выпячивание негативных аспектов прошлого или стремление к монополизации культурного наследия лишь дополнительно создает напряженность и конфликтные ситуации.

Культурное наследие и культурная изоляция

Индийский ученый Б. Субборао подробно разрабатывал вопросы изоляции, делая упор на естественной изоляции, обусловленной географической ситуацией. Имеет место и искусственная изоляция – политическая, культурная или лингвистическая. Весь процесс развития мировой культуры показывает, что не это явление, а взаимодействие культур, народов и цивилизаций является магистральным путем исторического прогресса. Президентом Туркменистана С.А. Ниязовым создан Институт культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока. Мы издаем журнал «Мирас» (от арабского «наследие»), информационный бюллетень, книги. Одним из стратегических научных направлений Института является именно изучение взаимодействия культур, народов и цивилизаций. Например, взаимодействие в истории Средней Азии ислама и христианства. Институт, естественно, занимается в первую очередь культурным наследием Туркменистана, но, что подчеркнуто самим его наименованием, в сферу его внимания входит и культурное наследие других народов, особенно их творческое взаимодействие.

Культурное наследие имеет исключительно важное значение для изучения сложных путей истории того или иного

народа. Здесь едва ли оправдано исключительное внимание только к истории языка. Вместе с тем культурное наследие, с его глубинными истоками, это часть истории народа, который мог менять параметры, в частности, языковые. Достаточно назвать пример Египта, где блестящим культурным наследием является древнеегипетская цивилизация, процветавшая и до ислама, и до распространения арабского языка.

Методологические аспекты изучения культурного наследия

Здесь следует остановиться на трех вопросах. Первое – вопрос о характере самого исторического процесса. Он носит отнюдь не упрощенно эволюционный характер, а сложный, диалектический. Учение о формациях, в принципе достаточно перспективное направление, было ослаблено именно примитивным эволюционизмом, когда декларировалась обязательная последовательная смена одной формации другой. В реальной истории были этапы замедления, стагнации и даже возвратного движения. Это отчетливо видно на ритмах культурогенеза. Причины упадка и стагнации могли быть различными. Это и экологические стрессы, и военно-политические события. Иногда данная социально-экономическая система, исчерпав заложенные в ней возможности развития, не благоприятствовала реформам, ведущим к новому состоянию. Иногда, возможно, сама популяция без обновления генофонда, вольного или невольного, исчерпывала свой потенциал. Поэтому в развитии самого блока культурного наследия как части культурогенеза нет примитивной поступательности, а налицо пульсирующие ритмы.

Во-вторых, следует иметь в виду, исходя из ритмичного характера культурогенеза, наличие своего рода культурных пластов, переживающих определенную трансформацию с общим сохранением преемственности, но с естественной утратой ряда компонентов. Эти пласты в целом и составляют само культурное наследие в его временном развитии. Для Вьетнама, видимо, можно говорить о пласте культурного наследия ранних земледельцев, на основе которого формируется пласт первой цивилизации, блистательно представленной Донгшоном.

И третий аспект. Это вопрос о пространственной организации культурного наследия, выступающий (наряду с проблемой его хронологической организации) через систему блоков культурного наследия. Устойчивые культурные комплексы, представляющие собой воплощение культурного наследия данного народа на данном отрезке времени, часто близки и образует целые блоки культурного наследия. В эти глубинные истоки уходят корни связей и взаимодействий отдельных народов, проявляющихся как в культуре, так и в других областях. В Евразии существовал блок культурного наследия, связанный со степным образом жизни, простиравшийся от Молдавии до Монголии. К этому блоку восходят традиции культурного наследия многих народов, в том числе, говорящих на разных языках. В Юго-Восточной Азии, видимо, можно говорить и хоабинском блоке культурного наследия, куда входил целый ряд локальных культурных проявлений, к которым восходит наследие многих современных народов региона, в том числе, если иметь в виду локальный вариант, сложившийся на территории Вьетнама, вьетнамского народа.

Культурное наследие и перспективы его археологического изучения

Именно археология открывает большие возможности для изучения культурного наследия отдельных народов, в первую очередь, в его материальном формопроявлении. Артефакты, изучаемые в рамках археологической терминологии, в различных группировках образуют стандарты и модели, выводящие исследователей на понятие культурного наследия. Культурологически здесь очень существенно понятие образа жизни, формирующегося из суммы материальных проявлений, но имеющего также четкие особенности в быту и поведенческой сфере. Таковы степной и городской образ жизни. Видимо, таков образ жизни в условиях влажных тропиков, имеющий различные локальные вариации. Образ жизни, закрепленный традицией, образует весьма устойчивый феномен, часто нуклеарный для той или иной культурной традиции. В материалах археологии находят отражение и выражение такие важ-

ные аспекты процесса культурогенеза, как инновации и пути их образования через культурную мутацию как антитезы столь излюбленных многими исследователями заимствований. Наконец, исключительное значение имеет изучение такого сложного явления как культурная интеграция. Культурная интеграция подразумевает органическое включение уже устоявшихся стандартов и эталонов, обычно на селективной основе, в тот или иной культурный комплекс, доминирующее базовое значение которого и составляет культурное наследие. Именно такой подход представляет собой антитезу глобальной стандартизации, выбирающей к тому же на уровне массового сознания отнюдь не лучшие образцы. Я, например, убежден, что «Макдональдсы» — это элемент, чуждый культурному наследию многих стран, включая Россию и, видимо, Вьетнам. Но это не значит, что в блоке современных достижений, скажем, североамериканской цивилизации, нет эталонов, которые на основе селекции и адаптации не могли бы успешно быть интродуцированы в культурное наследие многих народов, образуя его очередной пласт. Он уже будет датироваться не эпохой каменного века, а XXI столетием.

СТЕПНАЯ АРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ АЗИИ

Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии

Взаимодействие разноуровневых и разнокультурных обществ является одной из характерных особенностей исторического процесса, сохраняющей свое значение до наших дней. В древнюю эпоху важную роль играли взаимодействия древневосточных цивилизаций урбанистического облика с обществами обширной зоны евразийских степей. Значимость таких взаимодействий возросла с развитием в степной зоне пастушеской, а затем и кочевой системы ведения хозяйства и, соответственно, с формированием достаточно активных и подвижных местных обществ. Здесь наиболее известными событиями являются киммеро-скифское проникновение в Переднюю Азию, а затем сложение при активном участии кочевых обществ парфянской и кушанской держав.

Одним из наиболее ранних событий этого круга является распространение племен индоиранской языковой группы, фиксируемой письменными источниками и литературной традицией на двух концах возможного ареала таких взаимодействий – в Северной Месопотамии и в Индостане. Анализ понятийного набора терминов свидетельствует, что первоначально индоиранские племена были пастушеско-земледельческим населением. Их передвижение в южном направлении получило отражение в этих свидетельствах.

В свое время установление наличия среди богов, упоминаемых в перечне митаннийских правителей XIV в. до н. э., Индры, Варуны, Митры и Насатъи, а в трактате о коневод-

стве, составленном приблизительно в это же время митаннийцем Киккули, — индоиранских числительных и коневодческих терминов, связанных с тренингом лошадей, вызвало настоящую сенсацию. Начались поиски других свидетельств, указывающих на присутствие и активную значимость индоиранцев в зоне древневосточных цивилизаций. Знатные воины на запряженных лошадьми колесницах стали считаться активной силой политических событий в Передней Азии II тыс. до н.э., и в именах многих правителей этого времени стремились найти индоиранскую этимологию. Более тщательный анализ, итогом которого стала книга А. Камменхюбер (Kammenhuber, 1968), а у нас — статья И.М. Дьяконова, во многом дополнившая и развившая основные положения немецкой исследовательницы (Дьяконов, 1970), показал, что прямолинейные построения не всегда самые правильные. Целый ряд этимологий оказался сомнительными или допускающими поливариантные трактовки, а бесспорные свидетельства стали получать взвешенную оценку. Было отмечено, что коневодческие термины и имена божеств выступают уже в хурризированной языковой оболочке. Это позволило заключить, что, по крайней мере, в XV в. до н.э. на земле Митанни живого «арийского» языка уже не было. Как пишет И.М. Дьяконов: «Арийские имена собственные и глоссы, идущие из Митанни XV–XIV веков, указывают на наличие некоего индоиранского этнического компонента, однако, он тогда уже был, видимо, мертв» (Дьяконов 1970: 47). Имена божеств индоиранского происхождения были включены в обширный список 200 божеств, призванных придать авторитет составленному договору и они занимают в этом списке отнюдь не первое место. Причем это божества из двух различных групп: Митра и Варуна — боги-асуры, а Индра и Насатьи — девы. Это свидетельствует, что заимствование произошло еще до разделения ираноязычных и индоираноязычных племен на две ветви со своими религиозными традициями и сонмами божеств. Все это позволило исследователям заключить, что речь, видимо, должна идти о группе индоиранских племен, оторвавшейся от общего движения, происходившего путем просачивания, скорее всего еще с начала II тыс. до н.э.

Наряду с лингвистическими оценками исследователи обратились к вещественным свидетельствам, прежде всего, к распространению на Древнем Востоке лошадей и колесниц. Вывод в этом отношении как бы следовал за их общим негативным настроением по отношению к «арийской проблеме». Соответственно, лошадь и колесницы определялись как местные явления, не связанные с какими-то вторжениями и переселениями племен. Открытие за последние годы в евразийских степях целой серии элитных гробниц с остатками легких двухколесных экипажей, на чем мы остановимся в дальнейшем, расширяет соответствующую информационную базу. Тем более, что удревание этих степных комплексов до XX–XVIII вв. до н. э. позволяет вернуться к вопросу об изобретательских приоритетах. Разумеется, достаточно сложная конструкция легких колесниц, особенно их поворотных устройств, требовала развитой технологической традиции, в том числе и столярной. Особенно, если вспомнить достаточно тяжелые телеги с массивными сплошными колесами, которыми издревле пользовались степные племена. Однако наличие специфической терминологии в трактате о коневодстве – непреложный факт, и И.М. Дьяконов, сторонник изобретения колесниц на Древнем Востоке, полагает, что именно индоиранцы выработали свою, высоко эффективную систему тренировки запряженных в колесницу коней, которая и была, по крайней мере частично, заимствована вместе с соответствующей терминологией (Дьяконов, 1970: 53).

На другом конце древневосточной ойкумены, в Индостане основным источником, используемым при изучении индоарийской проблематики, является Ригведа, формирование которой началось, скорее всего, еще до XIII–XI вв. до н. э. (Бонгард-Левин, Ильин, 1985: 133). Появлению создателей Ригведы предшествовало распространение своего рода «протоариев» (Burrow, 1973), носителей группы дардо-кафирских языков, сохраняющихся как своего рода реликты в горных районах. В таком случае речь должна идти о времени до середины II тыс. до н. э., причем кафирская языковая группа являлась наиболее ранней (Harmatta, 1992: 357). О характере передвижений свидетельствуют первоначальные значения терминов, применяемых для стран света. Так, пурва-восток

первоначально означало «передний», дашина-юг — «правый», а пашчима-запад — «задний». Это свидетельствовало о том, что длительное время продвижение шло с запада на восток, имея юг по правую руку. Топонимика и гидронимика Афганистана свидетельствует о наличии здесь индоарийского пласта, видимо, оставшегося в этой стране, ныне занятой народами иранской языковой группы, со времени продвижения индоариев в Индостан.

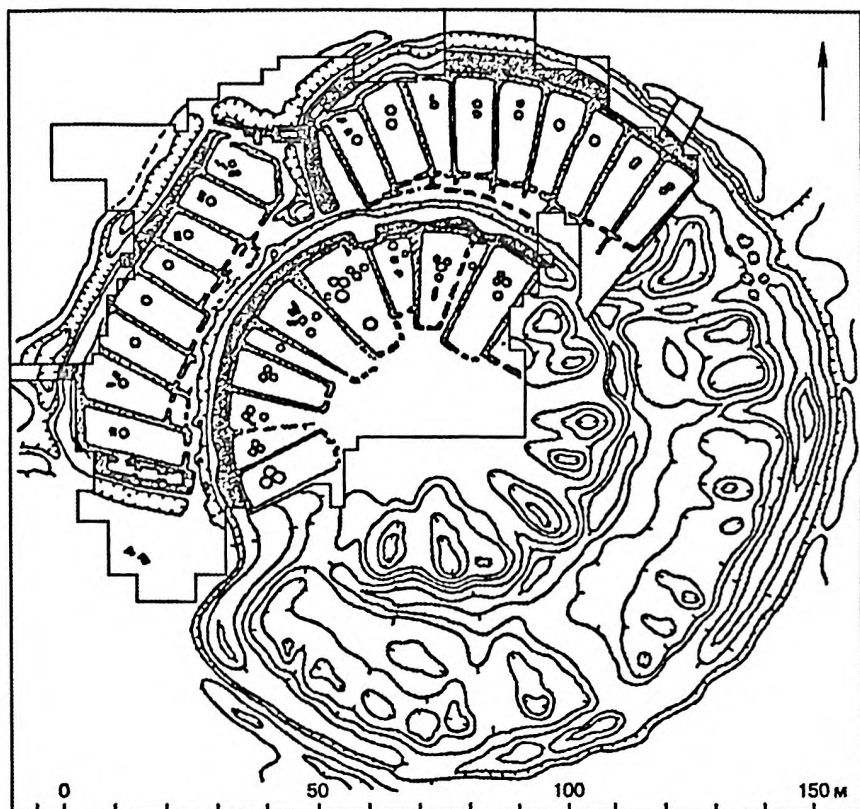
Индоиранские заимствования в языках финно-угорской группы свидетельствуют о соседстве индоиранцев с лесными и лесостепными массивами Евразии, традиционно являвшимися зоной расселения народов этой языковой семьи. Естественно, что эти свидетельства наряду с реконструируемым обликом индоиранцев как пастухов-земледельцев, издавна позволяли считать зоной их первоначального обитания восточноевропейские степи. Отсюда вполне естественно протекало стремление прямого сопоставления с племенами индоиранской языковой группы носителей тех или иных культур, обитавших в этой зоне и далее в казахстанских степях. А.Н. Бернштам, открывший в горах Тянь-Шаня могильник степных племен бронзового века (Бернштам, 1952), едва ли не первым высказал мнение, что ариев можно отождествлять с носителями андроновской культуры. Много внимания подобным сопоставлениям уделила Е.Е. Кузьмина, многочисленные публикации которой на эту тему были обобщены в специальной книге (Кузьмина, 1994). Новые археологические открытия на Южном Урале и в Поволжье, прежде всего таких памятников, как Синташта (Генинг и др. 1992) и Аркаим (Аркаим, 1995), вызвали вполне понятный энтузиазм исследователей, несколько прямолинейно распространившийся и на этнические отождествления в чрезмерно детализированной форме (Григорьев, 1996). По существу, здесь как бы повторяется ситуация с «первооткрытием» арийцев на Ближнем Востоке. Следует иметь в виду, что информационные возможности археологии велики, но отнюдь не безграничны. Прямолинейная этническая атрибуция древних культур, а также, добавим, и антропологических типов, часто бывает весьма поспешной. Основной блок познавательных возможностей археологии лежит в сфере культуры, материальную выборку которой и составля-

ет предмет ее исследований. Разумеется, культурогенетические реконструкции в определенной мере приближают к познанию этногенетических процессов, которые зачастую и являются движущей силой процессов, происходящих в сфере культурогенеза. В настоящей работе приводятся некоторые археологические материалы, имеющие отношение к индоиранской проблеме, но рассматриваются, в первую очередь, культурогенетические аспекты возможных заключений. Таких блоков вопросов намечается три. Первый – это культурологическая и историческая значимость новейших открытий степной археологии, особо ощутимо проявившихся в Поволжско-Южноуральском регионе. Второй блок – это свидетельства, теперь довольно многочисленные, распространения степных памятников на юг, вплоть до границ южносреднеазиатских цивилизаций бронзового века. И, наконец, третий блок – это компоненты степных традиций, наблюдаемые в культурных комплексах южных цивилизаций.

Итак, первое, на чем следует остановиться, это необычайно яркая картина общества степных племен, обитавших на Среднем Поволжье и Южном Урале в бронзовом веке. Это была пора инновационного взрыва в сфере культурогенеза, и недаром В.С. Бочкарев ставит вопрос о существовании особого волго-уральского очага культурогенеза (Бочкарев, 1991). Два открытия были особенно важными – обнаружение круглопланых укрепленных поселений типа Аркаим (Аркаим, 1995; Виноградов 1995) и гробниц вооруженной знати с колесницами типа Синташты (Генинг и др., 1992; Васильев и др., 1994).

Аркаим имеет двойное кольцо обводных стен с диаметром внутреннего кольца в 85 м и внешнего – в 143–145 метров (рис. 5). Вдоль стен идет обводной коридор, из которого ведут проходы в жилища, располагавшиеся также по кругу. Исследователи насчитывают во внешнем обводе 39–40 жилищ, во внутреннем – 27. Поселения типа Аркаима были далеко не одиночными. В принципе такими же оказались структура и параметры поселения в Синташте, располагавшегося около знаменитого некрополя и исследованного уже после основных раскопок могильника (Генинг и др. 1992: 17 и сл.). Тщательные разведки и аэрофотосъемка установили, что подобные поселения широко распространены вдоль восточных склонов

РИС. 5. Аркаим. План поселения по Г.Б. Здановичу.

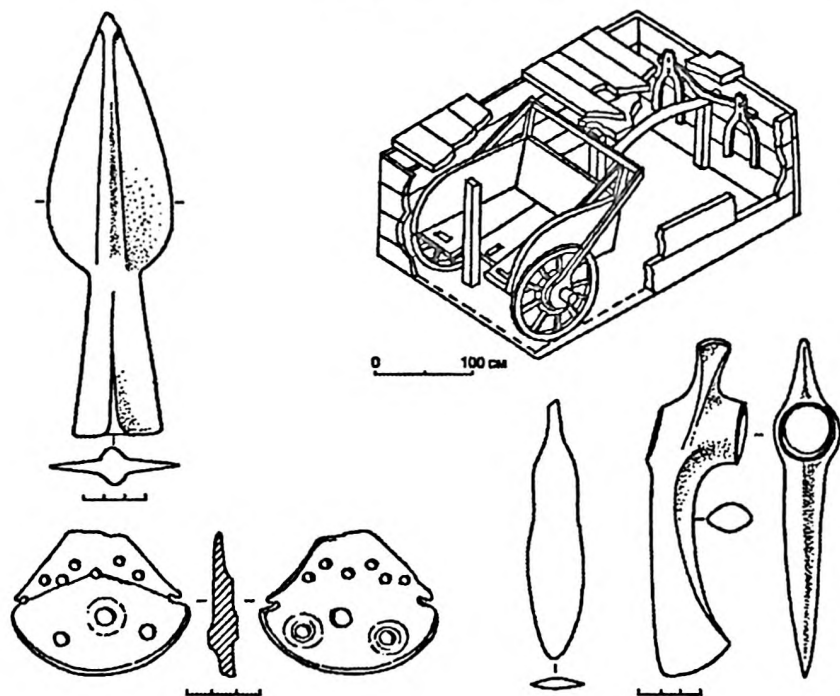
Урала, охватывая территорию размером 400 x 120 x 150 км. Здесь отмечено пять или шесть поселений, овальных в плане. Имеются и памятники прямоугольной планировки со скошенными углами. Иногда поселения перестраивались, меняя свои очертания, но неизменно следовали четкому плану, исключавшему неорганизованную хаотичность. Ряд памятников этого типа был исследован экспедицией Педагогического института Челябинска. Они, как правило, сооружались по заранее разработанному плану и были достаточно укреплены. Например, на поселении Устье 1 каркас оборонительной стены составляли бревна, врытые вертикально через равные расстояния. Имелся здесь и обводной ров.

В памятниках этого типа прежде всего обращает на себя внимание заданная организованность. Совершенно ясно, что это заранее спланированные центры, сооружение которых требовало четко организованного и достаточно масштабного труда. Открытие памятников такого типа в зоне, которая для эпохи бронзы считалась относящейся к безбрежным просторам степных скотоводов, вызвало у исследователей естественный энтузиазм. Они обратились к тем возможностям понятийной сетки, которые представлял мало трансформированный к тому времени формационный эволюционизм. Была использована модель протогородской цивилизации, и область наибольшей концентрации памятников в Зауралье даже стала условно именоваться «страной городов». Однако мало оснований видеть в этих памятниках какие-либо урбанистические начала. Небольшие поселки равномерно разбросаны по всей зоне обитания, и нет особых признаков концентрации населения. Функционально эти поселки немногим отличаются от обычных селищ степной бронзы. Это были места обитания скотоводов и земледельцев, занимавшихся также изготовлением орудий и предметов быта, в том числе, и металлообработкой. Следы такой деятельности носят делокализованный характер. Обращает на себя внимание подчеркнутая функция убежища. Видимо, военно-политическая ситуация стимулировала подобную организацию мест обитания, а лидеры общества взяли на себя организационно-управленческую деятельность, выработав тип поселков-крепостей, наиболее отвечающих данным условиям.

Имеются и прямые свидетельства наличия такой лидирующей группы. Первой ласточкой стали раскопки могильника Синташта, что было одним из важнейших открытий свердловской школы В.Ф. Генинга. Синташта представляет собой целый археологический комплекс, состоящий из памятников разного характера. Здесь имеется поселение, овальное в плане, явно следующее стандартам, проявившимся в Аркаиме. Расположен здесь и большой курган сложной конструкции и, видимо, столь же сложных функций. Имеются два грунтовых могильника — большой и малый и смешанный некрополь, в который входили и грунтовые могилы, и столь типичные для степняков курганы. Погребения, имеющие достаточно высокий показатель состоятельности, объединяют две важных

РИС. 6. Синташта.

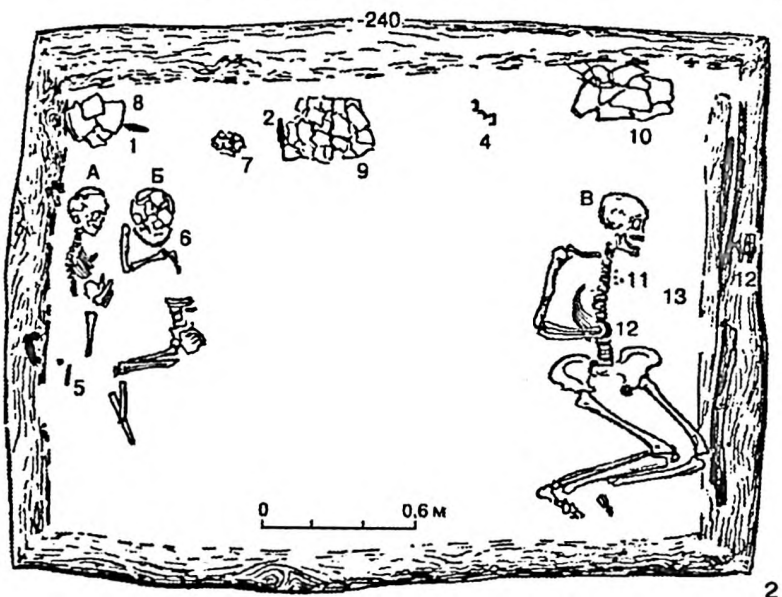
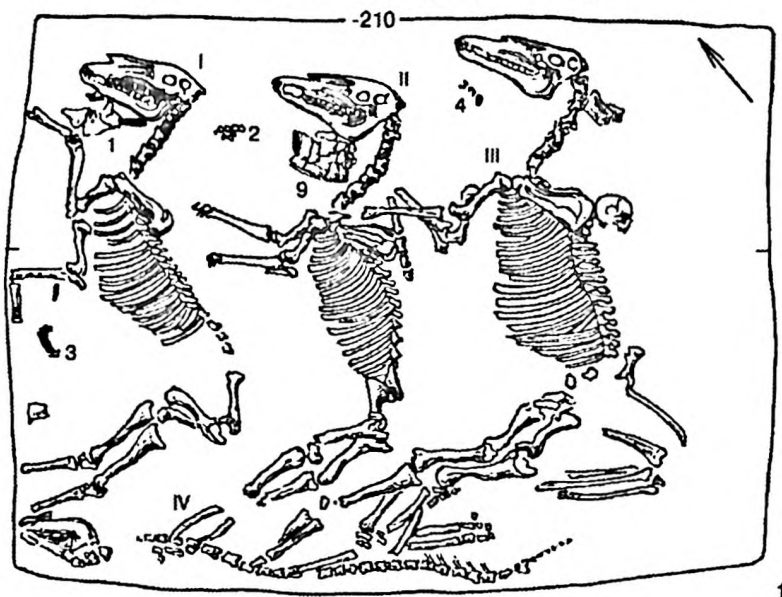
Реконструкция колесницы, псаали и предметы вооружения из элитных гробниц.

черты. Таковы свидетельства культа коня и распространение вооружения, хотя крупные бронзовые изделия, вроде наконечников копий, обычно попадали в руки грабителей, орудовавших, судя по всему, почти сразу же после совершения погребального обряда (Д. Зданович, 1995: 48).

В грунтовом могильнике широко представлены большие гробницы, обычно оформлявшиеся как срубы с бревенчатым перекрытием. Военную функцию представляет достаточно устойчивый набор инвентаря: кремневые наконечники стрел, боевые бронзовые топоры и бронзовые втульчатые наконечники копий (рис. 6). Принципиально новым становится способ передвижения этих воинов – в семи гробницах обнаружены остатки легких двухколесных колесниц. Многочисленны

РИС. 7. Синташта.
План элитной гробницы и костяки лошадей,
расположенные на перекрытии сруба

находки как псалий, так и самих коней. Имеются полные скелеты лошадей и их части. Нередко скелеты коней числом от 2 до 6 располагались над бревенчатым перекрытием основной могилы (рис. 7). Судя по всему, предпочтение отдавалось парным запряжкам, причем по принципу часть вместо целого в могилы могли быть помещены и головы двух коней, и даже их челюсти.

Как сейчас выясняется, это был типичный обряд, характерный для новой эпохи, наступившей в зоне евразийских степей. Гробницы такого типа открыты в ряде мест в урало-казахстанских степях (Зданович, 1988), в Поволжье (Васильев и др., 1994) и даже на среднем Дону (Пряхин и др., 1989; Синюк 1996: 199–203).

Социологическая значимость этих гробниц достаточно ясна. В них погребены лица, занимавшие высокое положение в структуре общества, связанное, прежде всего, с выполнением ими воинских функций. Центральное положение в некрополях и специфические отличия погребального инвентаря по сравнению с рядовыми могилами позволяют видеть в них представителей страты лидеров, вооруженных модным бронзовым оружием и передвигавшихся на колесницах, имевших, скорее всего, парную запряжку. Возможно, их сопровождали колесничие, как это, например, изображено на одном бронзовом поясе из Армении (Массон, 1987: 131, рис. 21). В принципе, это был, видимо, устойчивый набор оружия воинов, передвигавшихся на колесницах. В одном из древневосточных текстов приводится перечень вооружения такого воина, где упомянуты два колчана стрел, копья и кинжал (Zaccagnini, 1978). Правда, на Южном Урале и в Поволжье, видимо, отдавали предпочтение не кинжалу, а боевому топору.

Находки в гробницах степных лидеров объектов, связанных с металлургией и, в частности, сопел от горнов, скорее всего, подчеркивают полифункциональность власти этой элиты, стремившихся взять под контроль наиболее передовое производство того времени – бронзолитейное дело.

Показательно, что эти социологически однозначные черты проявляются как эпохальные в обществах разных культурных традиций, что видно, прежде всего, в керамических наборах (Гончарова, 1999).

Автором было предложено трактовать общество, оставившее памятники этого типа, как раннее комплексное общество, видимо, с олигархической структурой правящей элиты (Массон, 1998). Таким образом, новые открытия в зоне евразийских степей свидетельствуют, что здесь, в пределах XX–XVIII вв. до н. э., как показывают данные серии радиоуглеродных датировок (например, Кузнецов, 1996), наблюдается всплеск социальной активности, скачок в сфере культурогенеза. Общество воинов, передвигавшихся на колесницах, стало играть определяющую роль в этом макрорегионе. Вместе с тем, интересно, что на следующем этапе развития племен степной зоны гробницы этого типа исчезают, признаки социальной иерархии как бы трансформируются, становятся не столь броско выразительными. Имея в виду отсутствие ярких данных о процветающей элите, А.Т. Синюк осторожно пишет: «...археологическая информация в этом плане заметно приглушается» (Синюк, 1966: 320). В.С. Бочкарев прямо говорит о социальной деэволюции (Бочкарев, 1995). Исчезают лидеры, разъезжающие на колесницах и руководившие возведением круглых поселений-крепостей и явно доминирующие в этой зоне культурно, интеллектуально и, видимо, политически. Упрощением было бы говорить только об уходе активного компонента руководящей элиты за пределы евразийских степей, хотя, как будет показано ниже, такие данные начинают появляться. Скорее всего, это могло быть одним из факторов достаточно обычного для ранних комплексных обществ процесса замедления и стагнации. Но как бы то ни было, культурный и, видимо, политический взлет степных обществ, ярко демонстрируемый на определенном этапе их развития памятниками типа Синташты и Аркаима, несомненен.

Второй блок вопросов культурогенеза связан со свидетельствами распространения комплексов степного типа в Средней Азии. Такие свидетельства в настоящее время весьма многочисленны. Им уделяли особое внимание многие исследователи, особенно многочисленны публикации Е.Е. Кузьминой, обобщившей свои обзоры в книге, увидевшей свет в 1994 г. (Кузьмина, 1994).

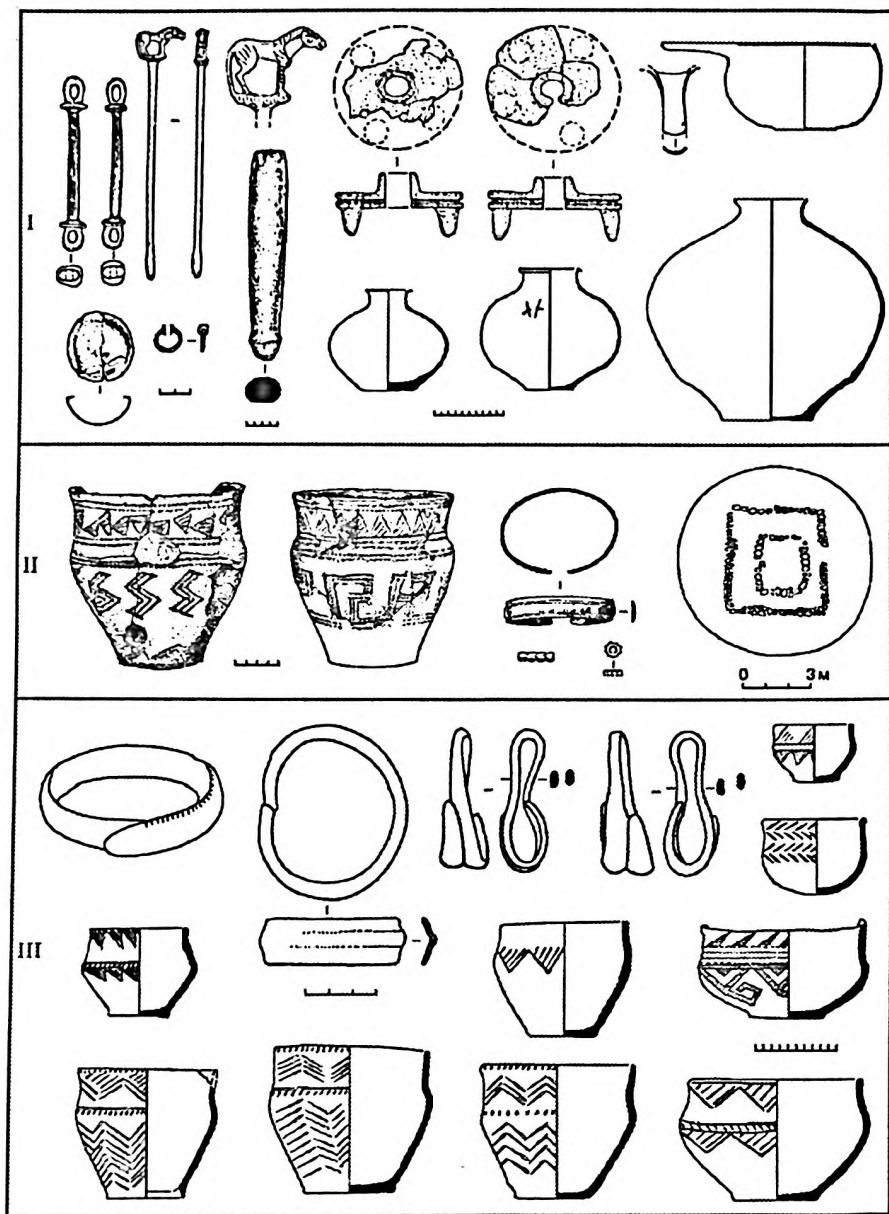
Следует отметить, что, обнаруживая комплексы степного облика в пределах среднеазиатского региона, исследователи

привычно следуют их организации в комплексы и хронологические этапы по разработкам, осуществляемым в нуклеарной зоне евразийских степей, хотя и отмечают то и дело местное своеобразие. Относительная хронология соответствующего археологического материала разрабатывается достаточно успешно со всей большей детализацией и заменой неких глобальных схем конкретной локальной спецификой. Вместе с тем весьма существенно, что происходит в результате серий радиоуглеродного анализа удревнение традиционных дат абсолютной хронологии. Так, яркие комплексы типа Синташты, охарактеризованные выше, следует относить к XX–XVIII вв. до н. э. Соответственно должна сдвигаться вся колонка более поздних памятников восточного региона с отнесением (до дальнейших уточнений) Алакуля к XVII–XVI вв. до н.э., Федорова – к XV в. до н.э. и памятников круга Саргара-Алексеевка – к XIV–XIII вв. до н.э.¹ Поскольку основным аргументом в пользу такой длинной хронологии стали результаты радиоуглеродного анализа, в литературе прозвучал определенный скепсис в отношении них в связи с определенным разбросом получаемых датировок (Епимахов, 1977). Однако как будто эти заглубляющие датировки подтверждаются и типологическими сопоставлениями с более западными европейскими комплексами, датирование которых производилось по независимым линиям, а не только на основании одних результатов радиоуглеродных определений. Разумеется, предстоит большая работа по стыковке с хронологическими схемами, принятыми для урбанизированных культур юга Средней Азии (которые традиционно продолжают схему, предложенную автором этих строк тридцать лет назад), приходящими в противоречие с хронологическими построениями ученых, разрабатывающих вопросы хронологии культур Индостана. Возможно, эти традиционные датировки оседлых культур юга придется несколько углубить, возвращаясь к длинной хронологии Д. Маккауна, в которой автор предпочел в свое время схему, выдвигавшуюся Г. Чайлдом (ср.: Массон, 1981: 94–95). Пока характеристика степных комплексов среднеазиатской зоны

---

¹ Автор выражает признательность В.С. Бочкареву за соответствующую консультацию.

РИС. 8. Комплексы степного типа в Средней Азии:
I — Зардчахалифа; II — Арпа; III — Тазабагъяб.

будет даваться на основе схемы археологической систематики, которая в плане относительной хронологии остается вполне надежной (рис. 8).

Наиболее ранним памятником является гробница Зардчахалифа на верхнем Зеравшане (Бобомуллоев, 1993; 1999). Она обнаружена в ходе хозяйственных работ, и можно лишь говорить, что это была крупная могильная яма, возможно, имевшая частичную каменную обкладку. Рядом со скорченным костяком усопшего располагался скелет барана. В состав погребального инвентаря, располагавшего в стороне от погребенного, входили 32 предмета, в том числе три сосуда, сделанных на гончарном круге, золотые и бронзовые украшения, включая булавку с навершием в виде фигуры лошади. Последний тип изделий достаточно типичен для ареала высокоразвитых культур юга, но изображение именно лошади является уникальным и указывает на степные связи. Это полностью подтверждается находкой шести костяных псалий, идентичных аналогичным изделиям из комплекса круга Синташты. Они указывают на сравнительно раннюю датировку в пределах XX–XVIII вв. до н. э., может быть, с учетом запаздывания на время распространения из приуральских областей, на конец этого этапа. Керамические сосуды, по справедливому заключению С. Бобомуллоева, принадлежат к числу предметов сапаллинской культуры, как он полагает, к ее жаркутанскому или второму этапу. Отметим, что более близкие аналогии один из этих сосудов имеет в комплексе раннего Сапалли. Во всяком случае, это одно из свидетельств весьма ранних контактов со степным миром. В этой связи можно вспомнить, что Н.А. Аванесова сообщала о находке в Саразме, находящемся в том же районе, что и Зардчахалифа, керамики петровского типа с шагающей гребенкой (Аванесова, 1987: 55). Она появляется на местной посуде лишь в пору развития культурного синкретизма степных и урбанистических традиций (рис. 8). Затем ею было открыто и частично раскопано поселение Тугай, расположенное на первой террасе Зеравшана, в 18 км к востоку от Самарканда (Аванесова, 1996). Здесь, помимо остатков двух углубленных в землю жилищ прямоугольного плана, были отмечены и следы металлургического про-

изводства. Керамика петровского типа при некотором местном своеобразии не оставляет сомнений в ее идентичности североказахстанским комплексам.

К числу ранних находок можно отнести черепок лепного сосуда степного облика, найденный в Шортугае в верхних слоях хараппского периода (см. Кузьмина, 1994: 234), тогда как основные находки керамики этого облика на данном памятнике сосредоточены в слоях, связанных уже с культурой Сапалли, а выше – с вахшской культурой (Francfort, 1989).

Возможно, сравнительно ранними окажутся и погребальные памятники, открытые на юге Таджикистана и выделенные А.М. Мандельштамом в бишкентскую культуру (Мандельштам, 1968). Она была отнесена к XIV–XIII вв. до н. э. Здесь две особенности резко выбиваются из устойчивой традиции раннеземледельческих погребальных обрядов юга Средней Азии и всего соответствующего макрорегиона. Это трупосождение и выкладка из камней фигуры в виде свастики. Это элементы, чуждые всем местным традициям. При всем орнаментальном богатстве культур расписной керамики юга там нет прямых изображений свастики. Правда, трудно найти прямые аналогии раннетулхарским погребениям и в степном мире, хотя кремация в той же андроновской культурной общности представлена в Центральном Казахстане, начиная с раннего, нуринского этапа и позднее сохраняет свое значение, несмотря на распространение обряда трупоположения.

Позднее свидетельства наличия в Средней Азии комплексов степного типа или их компонентов становятся все более многочисленными, и они захватывают практически всю территорию региона от Каспия до Памира.

При этом в более западных областях налицо свидетельства связей, да и прямого проникновения племен Поволжья. Таковы прежде всего открытые А.М. Мандельштамом в Юго-Западной Туркмении погребения, срубные по обряду, но, правда, с маловыразительной и трудно культурно диагностируемой керамикой (Мандельштам, 1966). Одним из первых культурных проявлений зоны степей, открытых в среднеазиатской археологии, была тазабагьябская культура, первоначально выделенная С.П. Толстовым по весьма ограниченному подъемному материалу (Толстов, 1948: 66 и сл.). Интуиция не подвела ис-

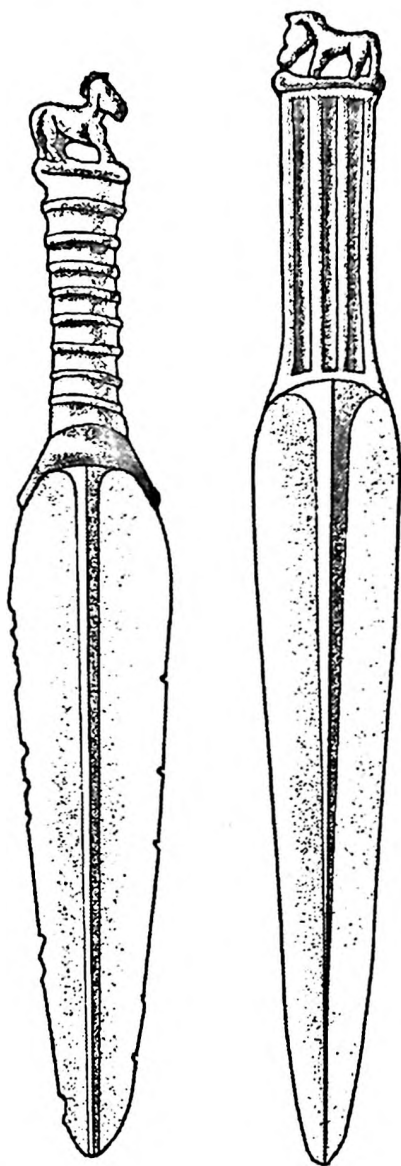
следователя, и вскоре его экспедиция открыла и полностью раскопала целый могильник Кокча 3 (Итина, 1961), а затем и большую серию весьма примечательных поселений (Толстов, 1962: 47 и сл.; Итина, 1977). Подробно рассмотревшая материал могильника Кокча 3., М.А. Итина не без оснований пишет, что при общих андроновско-срубных связях наиболее активную роль играли срубные компоненты, и это хорошо видно на примере бронзовых височных подвесок достаточно специфического облика (Итина, 1961: 89). Поразительным фактом стало установление основ хозяйственной деятельности тазабагьябцев. Бывшие степняки, они стали заниматься в первую очередь поливным земледелием. Их каналы стали провозвестником будущей развитой ирригации древнего Хорезма. При этом сам облик материальной культуры Тазабагьяба в полной мере оставался степным. Позднее, возвращаясь к этой проблематике, М.А. Итина подчеркнула, что чисто срубных комплексов в низовьях Амударьи нет и что тазабагьябские памятники можно включать в смешанный срубно-алакульский культурный ареал (Виноградов и др., 1986: 148, 151).

Тазабагьябское население освоило область низовьев Амударьи, ранее занятую неолитическими племенами охотников и рыболовов кельтеминарской культуры. Более южные пункты соответствующих находок связаны уже с окраинными районами оседлых урбанистических цивилизаций, а иногда и прямо включены в культурные слои соответствующих памятников. Находки здесь сосредоточены в двух районах – в подгорной полосе и в дельте Мургаба, области, которая у античных авторов известна как Маргиана. Самые ранние разрозненные находки в Анау и в дельте Мургаба как будто могут быть отнесены к алакульскому времени. Наиболее позднюю, весьма многочисленную группу Ю.Г. Кутимов (Кутимов, 1999) считает возможным относить по систематике степной зоны к саргари-алексеевскому типу, что частично близко заключению Е.Е. Кузьминой (Кузьмина, 1994: 232), хотя она в целом предпочитает срубные аналогии. Особенно многочисленны находки соответствующей керамики в дельте Мургаба, где она представлена как в культурном слое оседлых поселений с культурой урбанистического характера (Массон, 1959; Сарияниди, 1975), так и вне их, на местах

расположения временных стоянок. Скорее всего, появление нового населения с культурой степного облика было связано с продвижением его из Хорезма, где тазабагьябские общины образовывали устойчивую культурную группу с достаточно развитой экономикой, связанной с поливным земледелием. Вместе с тем на поселениях подгорной полосы находки лепной посуды степного облика порой столь многочисленны, что позволяют предполагать наличие в числе его обитателей определенной части лиц, пользующихся этим видом керамических изделий. В восточных областях среднеазиатского региона аналогии степным материалам уходят в значительной мере в северном направлении, в области Казахстана.

Соответствующие материалы, происходящие из Северной Киргизии, Е.Е. Кузьмина даже предлагала выделить в особый вариант андроновской культуры — семиреченский (Кузьмина, 1970; см. также Кузьмина, 1994: 229 и сл.). Одно поселение здесь относится к алакульскому времени, но основная масса материалов сопоставляется уже со стадией Федорове, что, в частности, видно по широкому распространению обряда кремации и характерной керамики от высокогорного Арпа (Бернштам, 1952: 19–22) до рав-

РИС. 9. Бронзовые кинжалы с навершиями в виде лошадей из Северного Кыргызстана

нинных некрополей. Здесь весьма многочисленны различного вида бронзовые изделия как из случайных находок, так и целых кладов. Примечательны относительно редкие находки кинжалов с навершиями, оформленными как фигуры лошадей (рис. 9), что достаточно четко вписывается в сеймино-турбинскую традицию (см., например, Кузьмина, 1994: 256).

Н. А. Аванесовой был поставлен вопрос о выделении особого, зеравшанского варианта степной бронзы (Аванесова, 1985). В территориальном отношении это достаточно логично, но в культурном плане сами памятники пока единичны и достаточно разнообразны. Так, несколько погребений Муминабада дают степной обряд, керамику степного круга и такие зеркала и украшения, в том числе височные кольца, обтянутые золотой пластиной (Аскаров, 1966). На верхнем Зеравшане в районе Пенджикента, где была открыта гробница Зардчахалифа, раскапывался целый могильник Дашти-Козы, где представлена лепная керамика степного круга, относимая исследователями ко времени Тазабагьяба, и украшения степного круга, в том числе золотые серьги с растреском. Погребения совершены по обряду ингумации, но сам обряд весьма отличен от степных традиций. Здесь были распространены подбойно-катакомбные захоронения, типичные для оседлой культуры Сапалли. Вместе с тем, налицо и культ огня, который совершенно не характерен для культовой практики оседлых культур юга. Во всех могилах есть следы кострищ, а на площади некрополя выявлены большие ямы со следами неоднократного разведения огня.

Несколько отличаются от Дашти-Козы и Муминабада погребения и развеянные стоянки степного круга, обнаруженные в низовьях Зеравшана (Гулямов и др., 1966: 187 и сл.). Орнаментированная лепная керамика здесь близка тазабагьябской посуде и так же как и в Кокче 3 представлены бронзовые височные подвески, близкие материалам из могильников Поволжья (Гулямов и др., 1966: табл. XXIII, 1). Возможно, низовья Зеравшана, так же как и низовья соседнего Мургаба, осваивались тазабагьябскими племенами, расселявшимися из районов древней дельты Амударьи, где, перейдя к ирригационному земледелию, они обеспечили заметный рост численности популяции.

Достаточно отчетливы свидетельства культурного синтеза в юго-западном Таджикистане, где имеются и четкие свидетельства прямой инфильтрации степных комплексов. В Северном Афганистане, соответствующем Южной Бактрии античных историков, фрагменты лепной керамики степного облика происходят из развеянных стоянок, теснящихся, как и в Маргиане, по периферии оседлых оазисов (Сарианиди, 1977: 141, рис. 66). В керамических материалах налицо федоровские традиции, доживающие почти до времен раннего железа. Но наиболее примечательна здесь вахшская культура, как бы синтезировавшая традиции степей и оседлых цивилизаций юга. Рассмотрение проявлений такого синтеза будет осуществлено в дальнейшем изложении. Если суммировать обзор свидетельств распространения степных культур и их компонентов в Средней Азии, то прежде всего обращает на себя внимание их пришлый характер. Повсюду они не имеют местных истоков, а как бы перекрывают зоны, освоенные неолитическими охотниками и рыбаками — кельтеминарской культурной общности и племенами Центральной Ферганы, образующими специфическую в культурном отношении локальную группировку. Какие-либо генетические связи с предшественниками, чьи территории были заняты носителями культуры степного круга, практически не обнаруживаются. Показательна концентрация памятников степного круга в южном Таджикистане, где, как справедливо это подчеркивает Л.Т. Пьянкова, природные условия благоприятствовали круглогодичному выпасу скота. Особое значение именно горных пастбищ подчеркивает и авестийская традиция. В гимне Михр-Яшт описывается, как Митра, достигнув вершин гор, откуда бегут многочисленные реки к основным оседлым областям от Согда до Маргианы, взирает на «весь арийский край». Показательна и следующая характеристика района местопребывания этого воинственного божества; «где на горах высоких, укромных полных пастбищ пасется скот привольно» (Авеста, 1990: 67). В тех случаях, когда эти условия не были столь благоприятными, наблюдается поразительное смещение хозяйственных акцентов: степные пастухи и земледельцы ориентируются, в первую очередь, на поливное земледелие (Тазабагьяб). Поскольку пришлые комплексы в

зоне евразийских степей имеют достаточно сложную, но, в принципе, бесспорную линию генетического развития, следует заключить, что имело место передвижение из этой зоны населения, принесшего в Среднюю Азию свои традиции в обрядовой практике и в сфере материальной культуры. Формируются оригинальные двухкомпонентные культурные комплексы. Их характеристика и составляет третий блок вопросов, связанных с рассмотрением процесса культурогенеза.

Это проблема формирования сложных, двухкомпонентных комплексов, объединяющих степные и урбанистические традиции, и вопросы интеграции степных компонентов в саму культуру и культурные традиции урбанистических цивилизаций юга. Смена в обширной северной зоне Средней Азии архаических обществ охотников и рыболовов степными группировками скотоводов и земледельцев с более высоким культурным статусом безусловно меняла ситуацию взаимодействия высокоразвитых центров южных цивилизаций и их ближайших северных соседей. Большую роль безусловно играла и инерция продвижения степняков на юг, оказывавшая воздействие и на оседлые оазисы и урбанистические центры. Свидетельства определенного взаимодействия этих двух историко-культурных зон можно обнаружить и в евразийских степях — таковыми считаются находки бирюзовых бус уже в памятниках петровского времени, то есть синхронных Синташте (Аванесова, 1987). Обнаружена в степных памятниках и гончарная керамика южного производства, видимо, ставшая там предметом экзотического импорта.

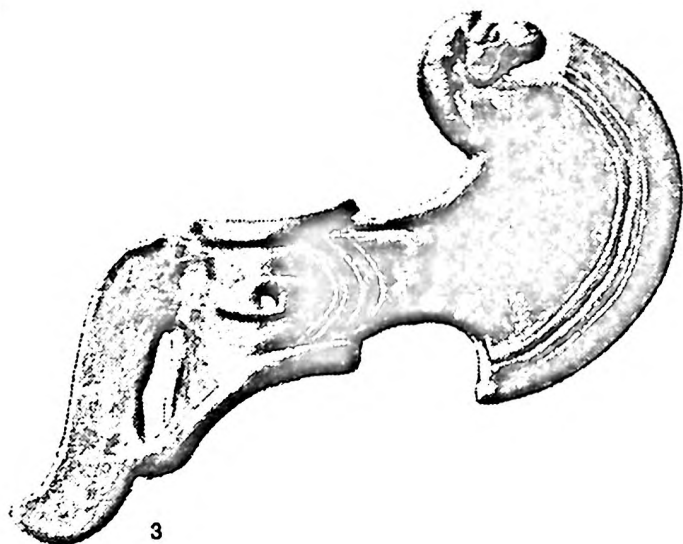
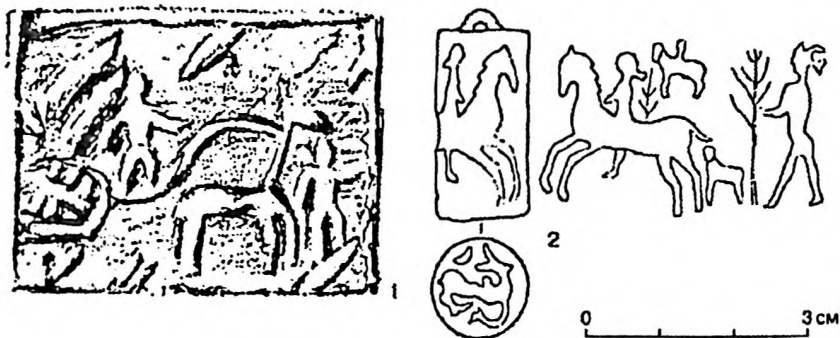
Бесспорным свидетельством северных воздействий можно считать появление в Средней Азии домашней лошади и распространение культа коня (рис. 10). Н.М. Ермолова установила наличие костей домашней лошади на маргианском поселении Келлели, которое является одним из наиболее ранних в этой области и относится ко времени позднего Намазга V (Ермолова, 1986: 116–117). Видимо, по крайней мере с 2000 г. до н. э. лошадь прочно входит в жизнь и быт древних цивилизаций юга. Цилиндрическая печать с воспроизведением колесницы с конной запряжкой происходит из погребения Гисар IIIB (Schmidt, 1937: fig. 118, 4892). Изоб-

РИС. 10. Изображение лошадей
в комплексах цивилизаций бронзового века:

1 — цилиндрическая печать из Гисара IIIВ;

2 — цилиндрическая печать из Гонура;

3 — церемониальный парадный топор из Северного Афганистана

ражение коней мы видим на другом цилиндре, найденном в Маргиане. Сама форма цилиндрической печати безусловно восходит к традициям месопотамской глиптики, но в данном случае на торцевой стороне цилиндра выгравировано изображение животного, что, как отмечает В.И. Сарияниди, является специфическим приемом маргианской школы глиптики

(Сарианиди, 1986: 44). Эта цилиндрическая печать была найдена на маргианском поселении Гонур, где в широких масштабах производилось вскрытие слоев раннего Намазга VI, то есть непосредственно следующих за Келлели. К сожалению учет и определение остеологического материала здесь не производились, но ряд обстоятельств не оставляет сомнений в том, что лошадь была используемым и, возможно, почитаемым животным. Так, здесь обнаружено захоронение жеребенка и бронзовая голова лошади, видимо, служившая навершием культового жезла (Сарианиди, 2001: 37–38). Костяные псалии, видимо, от набора, связанного с конями, запрягаемыми в колесницу, были найдены в Северной Бактрии на могильнике Джаркутан, в основном синхронном Гонуру. Надо полагать, что конь и колесничие все более прочно входили в повседневное бытие среднеазиатских горожан бронзового века. О распространении на территории Киргизии кинжальных клинков с навершиями в виде фигур коней уже говорилось выше. Исключительное значение для характеристики процессов культурного синтеза имеет булавка с зооморфным навершием из Зардчахахи. Сам тип такого изделия весьма обычен для южных цивилизаций и абсолютно не известен в евразийских степях. В равной мере на юге абсолютно неизвестно использование образа коня для подобного навершия. Там преобладают козлы, бараны, джейраны, а иногда и целые сцены вроде доения коровы с подпуском теленка. Совершенно ясно, что именно северные связи, а, скорее всего, и само проникновение степного населения со своими идеологическими концепциями и представлениями сформировали своего рода социальный заказ мастерам, изготовившим это изделие. В Южной Бактрии найден церемониальный топор, навершие которого воспроизводит голову коня (Amiet, 1986: fig. 167).

Об активно идущем процессе культурного синтеза и взаимной ассимиляции свидетельствует появление как бы двухкомпонентных комплексов, наиболее ранним среди которых является то же погребение в Зардчахахи. Усопший был захоронен в сопровождении предметов, отражающих две культурные традиции – местную, оседлую и пришлую, степную. К последней относятся характерные костяные псалии, упомянутый образ коня, использованный местными ремес-

ленниками, и, возможно, каменная обкладка гробницы, хотя она в значительной мере оказалась разрушенной хозяйственными работами. Традиции оседлой цивилизации круга Сапалли представляют керамические и бронзовые сосуды, а, возможно, также и золотые, хотя последние пока не известны в некрополях сапаллинского круга, где к настоящему времени не обнаружено погребений столь высокого элитного положения усопшего. Показательна находка шести костяных псалий, видимо, подразумевающих использование трех взнузданных коней, и отсутствие такого характерного для гробниц синташтинского круга оружия, как копья и стрелы с кремневыми наконечниками. Видимо, это свидетельствует о том, что помещаемые в гробницу псалии, указывающие, скорее всего, на использование коней в запряжке колесниц, необязательно связаны с воинским статусом. Это могло в более общем плане подчеркивать особое положение погребенного, который мог применять такой способ передвижения в повседневной жизни.

Позднее в том же верхнезеравшанском районе мы видим дальнейшее взаимопроникающее сочетание традиций, дающих новое и достаточно устойчивое культурное явление. Это могильник Дашти-Козы, достаточно тщательно исследованный Т.М. Потемкиной (Исаков, Потемкина, 1989). Захоронения совершались в ямах с катакомбами или подбоями, то есть по типичному обряду носителей культуры Сапалли. Вместе с тем, налицо и устойчивые свидетельства значительной роли огня в заупокойных церемониях. Во всех погребениях есть следы кострищ, а на площади некрополя выявлены большие ямы со следами неоднократного разведения огня. Это совершенно не характерно для Сапалли и одновременных ему центров южных цивилизаций и явно указывает на практику, обычную для евразийских степей. В погребальном инвентаре Дашти-Козы сочетаются гончарные сосуды южной традиции и лепная керамика, в орнаментации которой исследователи усматривают воздействие позднеалакульских и алексеевских традиций. Смешанным оказалось и население, оставившее этот могильник — здесь налицо особи средиземноморского типа, к которому принадлежали все южные племена, и особи андроновского антропологического типа.

На основе симбиоза этих двух культурных традиций формировались и целые культуры, как это можно видеть на примере вахшской культуры юго-западного Таджикистана (Пьянкова, 1989). Синтез здесь еще более выразителен. Погребения следуют сапаллинской традиции и совершаются в катакомбах и подбоях. Вместе с тем налицо и такая чисто степная черта, как курганные насыпи и кольцевые каменные обкладки. О степных чертах в погребальном инвентаре уже не приходится говорить. Вместе с тем достаточно интересен керамический комплекс. Он, в основном, представлен сосудами, следующими по форме сапаллинским прототипам, но в отличие от них изготовленными без помощи гончарного круга. В сосудах степного типа налицо воздействие традиций федоровского этапа.

Судя по всему, формы культурной ассимиляции, отражаемой в культурном обряде, были достаточно подвижны и разнообразны. В том же юго-западном Таджикистане, но уже в районе Гисарской долины, ближе к основным центрам сапаллинского общества исследован могильник Куйсай (Виноградова, Пьянкова, 1990). Погребения здесь подбойно-катакомбного типа, но нет каменных обкладок и курганных насыпей. Вместе с тем по типам керамики исследователи относят его скорее к кругу выделяемого Н.А. Аванесовой зеравшанского варианта андроновской культуры, чем к собственно к культуре Сапалли (Виноградова, Пьянкова, 1990: 110). Однако в отличие от Дашти-Козы, андроновский антропологический тип здесь не представлен, все погребенные принадлежат к восточносредиземноморскому типу. Видимо, здесь местное население было достаточно полно охвачено культурной ассимиляцией.

Весьма показательны и черты такой ассимиляции в памятниках самой сапаллинской культуры, расположенных в Северной Бактрии вне зоны прямых контактов со скотоводческим населением степного облика, осваивавшего горные массивы с круглогодичным выпасом. Неоднократно обращавшийся к этим вопросам А. Аскаров отмечает целый ряд степных компонентов, изучавшихся им сапаллинских памятников (Аскаров, 1989; 1990). Таковы, прежде всего, инновации в погребальном обряде, где в общих некрополях появляются могилы со следами трупосожжения (Аскаров, Абдуллаев, 1983: 49) и в каменных ящиках. Они относительно немно-

гочисленны, но могут свидетельствовать о вхождении в состав местного населения инोकультурного компонента, придерживающегося традиционных обрядов даже на общих с аборигенами некрополях. Имеются в комплексе оседлоземледельческой культуры бронзовые изделия и глиняные сосуды степного типа. По крайней мере на определенном этапе развития культуры Сапалли вырабатывается сложный заупокойный ритуал с использованием огня, как об этом свидетельствуют раскопки могильника Бустан VI тщательно проведенные Н.А. Аванесовой (Аванесова, 1995). Захоронения совершались в подбоях или катакомбах, а также в овальных или подпрямоугольных ямах. Все могилы на поверхности отмечены каменными выкладками, в чем следует видеть использование степных традиций. Представлены обряды как ингумации, так и кремации. С последней был связан особый сакральный центр, включавший камеры для кремации, кострища многократного использования и алтари. Последние исследовательница по тонким полевым наблюдениям считает возможным функционально подразделить на алтарь для возлияний, алтарь для ритуальных трапез и алтарь-жертвенник. В принципе ничего подобного неизвестно ни на юге, ни в евразийских степях, и совершенно ясно, что с использованием разных традиций, прежде всего, особой роли огня в погребальных культах, создается новый и достаточно четкий ритуал. Показательна находка фрагмента сосуда, опять-таки степного круга – дандыбай-бегазинского типа с пастовой инкрустацией. Видимо, контакты со степной зоной, а, возможно, и прямое проникновение из нее отдельных групп населения продолжалось едва ли не все второе тысячелетие до н. э., поскольку соответствующие памятники в Казахстане датируются X–VIII вв. до н. э.

Таким образом намечаются общие контуры процесса культурогенеза, связанного со взаимодействием степных культур и южных цивилизаций. Бесспорно продвижение нового населения из зоны евразийских степей, происходившее, видимо, на протяжении всего II тыс. до н. э. и ставшее особенно широким во второй его половине. Это было не массовое переселение или вторжение, а постепенное перемещение отдельных групп, своего рода просачивание, хотя и не исключены периоды концентрированных и руководимых

передвижений. По периферийным областям южных цивилизаций, а также, видимо, и в самой их среде активно развиваются процессы культурного синтеза, которые в самих периферийных областях ведут к формированию комплексов и культур двухкомпонентных в своей основе, включая даже такой консервативный ко всяким инновациям компонент, как погребальный обряд. Это формирование хорошо представлено на верхнем Зеравшане могильником Дашти-Кюзы, где двухкомпонентен даже антропологический состав населения. Классическим примером симбиоза являются памятники вахшской культуры, в могильниках которых подбойно-катакомбный обряд, принятый в соседней местной цивилизации Сапалли, сочетается со степными традициями создания надмогильной курганной насыпи с каменной кольцевой оградой. А.А. Аскаров даже полагал, что речь должно идти о прямом освоении сапаллинцами новых мест обитания, где они в своей хозяйственной деятельности стали отдавать предпочтение скотоводству (Аскаров, 1973: 128–129). Но, скорее всего, имел место культурный и, видимо, этнический синтез, тем более что носители вахшской культуры наряду с прямым использованием гончарной керамики, видимо, импортированной из сапаллинских центров, в основном изготавливали глиняную посуду, следующую этим формам, но сделанную уже без помощи гончарного круга.

Все это позволяет в самом общем плане сопоставлять продвижение населения из евразийских степей на юг, восстанавливаемое на основании данных археологии, с реконструируемым по другим источникам расселением племен индоиранской языковой группы.

Разумеется, речь не должна идти о каких-то прямых сопоставлениях, которыми зачастую склонны увлекаться археологи, удручаемые молчаливым характером своего основного источника — памятников материальной культуры. Уже сами археологические материалы указывают, насколько сложна была реальная картина этих событий, когда передвижения могли происходить из разных центров, осуществляться носителями культурных традиций, имеющими локальное своеобразие и создающими на новых местах обитания культурные комплексы, внимательное изучение которых свиде-

тельствует об их значительном разнообразии. Разумеется, количество таких свидетельств будет увеличиваться по мере нахождения новых материалов и их более тщательного изучения. Да и данные лингвистики далеки от представлений о некоем монолитном единстве носителей этих языков. Так, в районы Индостана одними из первых продвигались племена кафирской языковой группы (Harmatta, 1992), а затем – лардской. Могли быть и другие лингвистические группировки, как в индоарийской, так и в ираноязычной среде.

Показательно сближение итоговых формулировок, которые можно предложить на основании данных археологии и выводов историков и лингвистов, которым большинство этих данных было абсолютно неизвестно. Так, И.М. Дьяконов писал, что речь должна идти не о внезапном индоарийском нашествии, а «об отдельных передвижках, разделенных между собой поколениями» (Дьяконов, 1989: 384). Я. Харматта также говорит, что, скорее всего, можно говорить о слабой инфильтрации отдельных групп, а не о массовой миграции, которая, возможно, могла иметь место к концу этого процесса (Harmatta, 1981: 82). Показательно, что И.М. Дьяконов, исходя из общих историко-лингвистических реконструкций, давно высказывал мнение, что носители оседлых культур типа Намазга VI и им подобных «почти наверняка были индоираноязычными» (Дьяконов, 1971:31; см. также Дьяконов, 1960).

Особенно важным является вопрос о взаимодействии продвигающихся степняков и цивилизаций юга Средней Азии и северного Афганистана, открытие которых было одним из ярких событий восточной археологии второй половины XX века. Целый ряд общих черт этих археологических комплексов, характеризующий высокий уровень местных культур урбанистического облика, позволил предложить объединять их в группу или блок цивилизаций протобактрийского типа по имени древней Бактрии, одного из ведущих центров древневосточной ойкумены (Masson, 1988). В рамках этого блока речь может идти и о локальных формопроявлениях начиная с наиболее древней, развивающейся на основе местных раннеземледельческих обществ цивилизации Алтын-депе (Массон, 1981). Такими же путями на основе пласта местного раннеземледельческого общества формиру-

ется и цивилизация Тепе Гисара, объединяющая памятники, расположенные в долине р. Гюрген, древней Гиркании. Советским исследователям принадлежит честь открытия и более восточных центров этого блока, в том числе, и на территории Бактрии. Это было осуществлено узбекистанской экспедицией под руководством А.А. Аскарова (Аскаров, 1973; 1977) на правом берегу Амударьи (Северная Бактрия) и отрядом Советско-афганской археологической экспедиции под руководством В. И. Сарияниди на левом берегу, в Бактрии Южной (Сарияниди, 1977). В.И. Сарияниди даже предложил объединить эти памятники в бактриано-маргианский археологический комплекс. Видимо, речь должна идти отдельно о цивилизации Бактрии бронзового века с двумя локальными группировками: Дашлы – на левом правобережье Амударьи и Сапалли – на правом берегу (Массон, 1986). А.А. Аскаровым разработана и схема археологического членения комплексов типа Сапалли на четыре этапа – сапаллинский, муллалинский, джаркутанский и бустанский, приближающий нас уже к эпохе раннего железа. Первые поселения бронзового века Маргианы были обнаружены в 1955–1956 годах и среди них были выделены две хронологические группировки – ранняя, типа Аучин, и поздняя, типа Тахирбай 3 (Массон, 1959: 12–28). В принципе такое деление подтвердилось и В.И. Сарияниди именует ранние памятники типом Гонур и более поздние – типом Тоголок (Sarianidi, 1981). Затем И. Масимовым была открыта группа поселений Келлели, оказавшаяся наиболее ранней в дельте Мургаба и имеющая прямые аналогии в материале верхних слоев Алтын-депе или позднего Намазга V по южнотуркменистанской археологической систематике (Масимов 1979). Имеются и иные терминологические предложения. Известный американский исследователь К. Ламбер-Карловский и его ученики предпочитают говорить о «цивилизации Окса» (Lamberg-Karlovsky. 1994; 1996) по античному названию Амударьи, по берегам которой расположена Бактрия, но в стороне находится Маргиана.

И в Бактрии, и в Маргиане соответствующие археологические комплексы не имеют, в отличие от Алтына и Гисара, генетических предшественников и являются, судя по всему, результатом экспансии носителей культуры типа Намазга V,

постепенно осваивающих восточные области с формированием там естественных локальных формопроявлений. Этот вопрос подробно рассмотрен А.А. Аскарковым (Аскарков, 1973: 118 и сл.). В.И. Сарияниди, исходя от отдельных аналогий экстраординарным типам артефактов, предпочитает видеть источником происхождения маргианских и бактрийских комплексов центральноиранские оазисы (Сарияниди, 1987). Вместе с тем, нельзя не признать, что по основным показателям массовой обыденной культуры от керамики до сырцового кирпича налицо развитие местных традиций. К. Ламбер-Карловский с полным основанием пишет, что в основе материальная культура Маргианы полностью местная (Lamberg-Karlovsky, 1996: 208).

Ряд общих черт, характерных именно для всего блока цивилизаций протобактрийского типа, особенно заметен на группах артефактов, связанных с элитарной субкультурой в ее как светском, так и духовном проявлении. Это касается, например, каменных колонок с поперечным желобком, являющимся явным обязательным компонентом определенных культовых установлений. Именно в этой зоне распространены сосуды, выточенные из мраморовидного известняка достаточно характерных форм, причем истоки этой традиции уходят в пору энеолита. При естественных локальных вариациях общие черты можно проследить и в глиптике. Здесь, наряду с традиционными для раннего Алтына и Гисара перегородчатыми печатями, распространяются цилиндрические печати месопотамского образца с сюжетами, либо использованными на селективной основе, либо полностью местными. Полностью местное явление в глиптике это плоские квадратные каменные печати с яркими выразительными изображениями. Расцвет этого блока вторичных цивилизаций, располагавшихся между Месопотамией и Индостаном, характеризует формирование целой школы торевтики, которая впервые стала известна по т. н. Астрабадскому кладу из долины Гюргена (Rostovtzeff, 1920), а затем по фулолскому кладу из Северного Афганистана (Duprai and all, 1971; Tosi and all, 1972). Сюда же примыкает целый ряд первоклассных изделий из случайных находок в той же Южной Бактрии и предметы из клада в Кветте. Общую характеристику этого нового явления в

древневосточной культуре хорошо дал П. Амье (Amiet, 1986: 186, 201 и сл.). Местные корни ярко представлены в фулолском кладе геометрическими орнаментами, прямо следующими орнаментальным схемам энеолитической керамики карадепинского и геоксюрского стиля. Вместе с тем налицо и прямое стилистическое и сюжетное влияние шумерской торевтики, правда, уже в переработанном виде, но отчетливо проявляющей свою архаическую основу, что порой смущало исследователей при определении датировки соответствующих находок.

Именно с этими высокоразвитыми для своего времени культурами пришли в соприкосновение продвигавшиеся с севера племена степных скотоводов. Видимо, с первых контактов и началось их проникновение в оседлую среду, свидетельством чего являются погребения степняков, осуществленные на общем кладбище, но по иным, степным обрядам. Автором этих строк было выдвинуто предположение, что имел место двусторонний процесс: культурная ассимиляция пришельцев и параллельно – лингвистическая ассимиляция аборигенов (Массон, 1982; Masson, 1985), особенно, если воинственным воинам на колесницах удалось утвердить политические приоритеты. Лингвистическая ассимиляция сначала могла идти на элитарном уровне с сохранением на определенное время двуязычия. Разумеется, в условиях городского образа жизни, обеспечиваемого продукцией ремесленников-профессионалов, не было необходимости в массовом использовании архаической глиняной посуды, которая могла сохраняться для кухонных нужд или как чистые раритеты. В других областях культуры уже в среде населения оседлых оазисов можно усмотреть свидетельства культурного синтеза, которые на земледельческой периферии столь ярко проступают в материалах той же вахшской культуры. Могли иметь место и смешанные браки. В Дашти-Козы в одну могилу были помещены особи двух разных антропологических типов – восточносредиземноморского и андроновского.

В принципе, если исходить из общего сопоставления мира степных племен с индоиранской лингвистической группой, можно предположить, что со времени финальных этапов Намазга V, когда отмечаются для южных цивилизаций первые отчетливые свидетельства контактов с миром евразийс-

ких степей, началась индоиранизация аборигенов. Если исходить из того, что первыми продвигались носители протоарийских и арийских языков, их воздействие могло предшествовать последующему утверждению иранских языков, которые здесь застают как в топонимике, так и в других свидетельствах источники с середины I тыс. до н. э.

Нами высказывалось предположение о принадлежности создателей цивилизации Алтын-депе кругу протодравидских языков, что могло объяснить и находку на Алтын-депе печати с одной только протоиндийской надписью без каких-либо сопровождающих изображений (Массон, 1977). Исходя из этого и учитывая наличие в дравидских языках свидетельств контактов с финно-угорским лингвистическим миром, можно было сделать заключение о принадлежности к последнему северных соседей цивилизации Алтын-депе – кельтеминарцев. В принципе, такое заключение поддерживается многими авторами, например, Я. Харматтой, который добавляет, что носители архаического горного неолита, представленного гисарской культурой, могли принадлежать к языковой группе буришков (Harmatta, 1992: 371). Именно этот исходный лингвистический пласт должны были перекрывать индоираноязычные скотоводы.

Археологические материалы доставляют определенные свидетельства культурного синкретизма в среде цивилизаций юга Средней Азии. Здесь появляется значительное число инноваций, которые не могут быть генетически выведены ни из предшествующих традиций, ни из месопотамо-эламских связей и которые для элитарной субкультуры этого времени довольно отчетливы. Такова, в первую очередь, интеллектуальная деятельность, важным проявлением которой являются ритуальная практика и сфера искусства в его образно-стилистических восприятиях.

В сфере идеологии особенно важно появление крупных монументальных культовых комплексов, которые есть все основания именовать храмами (Sarianidi, 1994). В Маргиане таким крупным общерегиональным центром был комплекс, раскопанный на поселении Гонур-депе. На позднем этапе развития маргианской цивилизации его сменил храм Тоголок-депе. Оба сооружения укреплены обводными стенами

квадратной планировки подобно квадратным обводам поселений, которые в Маргиане появляются уже в пору раннего Намазга V. О культе огня свидетельствует не просто наличие алтарей для его возжигания, а особое отношение к продуктам горения в виде специальных хранилищ «священной золы». Это известно и по более поздним памятникам, например, по храмам зороастрийского культа в античном Хорезме (Джанбас-кала), согдийском Пенджикенте преарабской эпохи. Отмечен и ритуал возлияний, причем налицо следы эфедры – растения, из которого готовили священный напиток – хаома. Подобная культовая практика была распространена достаточно широко. Как отмечалось выше, в церемониальном комплексе могильника Бустан VI специально были выделены алтарь для возжигания огня и алтарь для возлияний. И сами храмы, и особенно отношение к культу огня являются новшеством по сравнению с раннеземледельческими традициями, на которых зиждилась цивилизация Алтын-депе. Вполне вероятно, что появление таких культовых центров сформировалось не без воздействия особого отношения к священным функциям огня, известным по обрядовой практике степных племен. Вместе с тем, нет оснований видеть здесь буквально зороастрийские церемонии, что вызвало справедливые сомнения у Ламбер-Карловского, подчеркивавшего большой хронологический разрыв времени существования маргианских храмовых комплексов и самой ранней датировки проповеди Зороастра (Lamberg-Karlovsky, 1996: 208). Разумеется, нет особых оснований для прямолинейных сопоставлений. Ясно, что в среде протобактрийских цивилизаций на основе соединения двух мощных культурных и интеллектуальных традиций формировалось новое идеологическое поле, которое могло быть использовано и последующими религиозными системами. Поэтому, когда Потье видит в бактрийской иконографии бронзового века сюжеты, перекликающиеся с ведической или авестийской традициями (Potier, 1984), то речь должна идти не о прямом отождествлении, а о традициях самого общего характера.

Многокомпонентный характер культурного комплекса Маргианы II тыс. до н. э. хорошо иллюстрируется типами печатей. Первая группа этих изделий четко продолжает тра-

диции, существовавшие еще в пору Алтын-депе. Это плоские перегородчатые печати с ушком для подвешивания на тыльной стороне, в основном изготовленные из металла: бронзы и, реже, серебра. Вторая группа типологически не вызывает сомнений в месопотамских связях — это цилиндрические печати. Наконец, третья группа, названная В.И. Сарияниди печатями-амулетами, весьма своеобразна: это обычно подквадратной формы каменные изделия с просверленным сквозным отверстием для шнура. Форма этих изделий, численно доминирующих, явно своеобразна и является инновационным изобретением цивилизаций протобактрийского круга. Идентичные изделия в изобилии известны и в Бактрии, особенно на левом берегу Амударьи. Изображения на всех этих видах печатей, особенно целые сцены, развертывающиеся на цилиндрах, представляют исключительный интерес с точки зрения иконографии (см. сводку: Сарияниди 1986) и особенно с позиции реконструкции сложных идеологических и культовых систем, практиковавшихся в этих цивилизациях во II тыс. до н. э.

Разумеется, здесь представлены традиционные культы и мифологические сюжеты местных обществ предшествующего периода. Налицо и месопотамские, и особенно эламские воздействия. Но в целом, особенно в сочетании всех компонентов, это весьма яркая и оригинальная система, отражающая интеллектуальный взлет, имевший место в Бактрии и Маргиане рассматриваемой эпохи. Разумеется, прямые поиски в этих сценах и сюжетах истоков зороастрийских сюжетов и представлений едва ли будут результативными. Но едва ли приходится сомневаться, что именно здесь формировался тот богатейший потенциал мифологических сюжетов и идеологических концепций, который мог быть использован создателями одной из великих мировых религий. Существенные разработки по маргианским идеологическим системам осуществлены А.П. Франкфортом, который, кстати, прямо отмечает возможные зороастрийские реминисценции отдельных сюжетов и образов (Francfort, 1994). Его основные усилия вместе с тем были направлены на выявление блока ритуалов, связанных с шаманистическими традициями, которые, как и использование растений наркотического действия, скорее всего связаны с северной зоной и такими культурами, как Афанасьеве,

Окунево и Андрон (Francfort, 1994: 416). Это вполне могло осуществиться в ходе этнической метисации, которую позволяют предполагать памятники материальной культуры.

Показательно, что храмовые монументальные комплексы стали характерной чертой и в бактрийской цивилизации бронзового века. В Северной Бактрии был открыт монументальный комплекс Джаркутана, а в Южной Бактрии – на памятнике Дашлы 3. Автор раскопок В.И. Сарияниди предполагал, что одно из вскрытых строений является культовым центром, а другое – дворцовым зданием. Но скорее всего, это два храма, посвященные двум божествам, возможно, священным супругам (Массон, 1986: 125). Весьма примечательно, что одно из сооружений, круглое в плане, почти полностью повторяет планировку круглой крепости Аркаим, одного из ярких памятников степных племен на Южном Урале, на что уже обращали внимание многие исследователи. Прямая архитектурная планировочная аналогия здесь налицо с разницей в строительном деле – сырцовая кладка в Бактрии и глиняно-деревянные конструкции на Южном Урале. Учитывая факты инфильтрации в среду городского населения южных цивилизаций степняков, такая аналогия едва ли является случайной. Надо сказать, что к признанию индоираноязычности цивилизаций бронзового века юга Средней Азии давно склонялся И.М. Дьяконов (Дьяконов, 1960). В одной из последних работ он останавливается в этой связи еще на одном аспекте – делении общества индоариев на страты знатных жрецов и рядовых общинников.

В этой связи он пишет: «видимо, на самом деле речь идет о чертах, выработанных при совместном сосуществовании индоарийцев и определенной группы ираноязычных племен в условиях достаточно высоко развитой цивилизации на начальной стадии имущественной и сословно-классовой дифференциации. Подобную цивилизацию по пути продвижения индоиранских племен с их прародины до Индостана можно искать только среди древних культур юга Средней Азии и востока Ирана» (Дьяконов, 1989: 385). Действительно, такой средой мог стать блок протобактрийских цивилизаций, постепенную индианизацию, а затем, видимо, и иранизацию которых по языку мы предполагаем. Обращение к считающемуся привычным в индоиранской традиции трехчленному

сословному членению общества часто упоминается, а порой и используется в археологической, да и в околону научной литературе. Стремясь обращаться к первоисточнику, автор пользовался при этом консультацией видных отечественных востоковедов В.А. Лившица и Я.В. Василькова. Сословное деление общества в ведийской традиции включает кшатриев – воинскую знать или царские роды, брахманов-жрецов и рядовых сородичей ваяья – полноправных общинников-ариев, занимавшихся земледелием и скотоводством. В поздних гимнах появляются и шудры – не-арии, не принадлежащие к трем высшим рангам, бывшие, видимо, в основном аборигенами. Понятийные соответствия трехчленному делению (без упоминания, в отличие от Ригведы, в единой, взаимосвязанной цепочке) можно найти и в древнеиранской традиции. Таковы жрецы-атраваны, воинская знать райташатры – знатные воины-колесничие и рядовые сородичи. Примечательна цветовая связь определенных рангов: жрецов с белым цветом, знатных воинов – с красным. Одно из почитаемых божеств Митра (известное еще по Гатам, гимнам, восходящим к поре еще до Зороастра) описывается как мчащееся на колеснице, запряженной конями, и вооруженное копьем с серебряным наконечником.

Лидерство военной знати на колесницах хорошо представлено в материалах степных культур в самой евразийской степной среде, и гробница в Зардчахалифа, судя по всему, фиксирует ее продвижение в среднеазиатское междуречье. Нет оснований идеализировать политическую ситуацию на юге Средней Азии во II тыс. до н. э., где существовали оазисы со своими центрами (типа городов-государств) и разные племенные группы, сочетавшие в различной степени в культуре степные и оседлгородские компоненты. Об этом свидетельствуют не только находки оружия, в том числе церемониальных парадных топоров, украшавшихся, в частности, скульптурами коня. Резко возрастает на некрополях число кенотафов, отражая, видимо, усиливающиеся столкновения, сопровождаемые гибелью людей на стороне. Так, Л.Т. Пьянкова отмечает необычно большое число кенотафов в могильниках вахшской культуры. На могильнике Джаркутан, представляющему оседлую культуру Сапалли, соседствующую с вахшской, процент кенотафов постепенно возрастает с 2 до 12 %.

Хотя наличие служителей культа в среде степных племен вполне вероятно, на материалах евразийских степей эта социальная страта несмотря на предпринимавшиеся усилия (Синюк, 1996: 299 и сл.), пока во всяком случае, четко не выделяется. В зоне же Бактрии Маргианы необходимость обслуживать такие крупные культовые комплексы, как Гонур и Тоголок, несомненно стимулировала выделение жреческого сословия. Примечательна приверженность к белому цвету при оформлении интерьеров сакральных помещений храмовых комплексов Маргианы. В раннеземледельческую эпоху на юге Средней Азии стены святилищ оформлялись многоцветной, в том числе сюжетной росписью, как ясно показали раскопки Илгынлы-депе. Судя по всему, в эпоху бронзы на юге Средней Азии складывается традиция особого отношения к белому цвету в культовых действиях и церемониях. Обрядовая практика особого отношения к этому цвету в зороастрийской традиции могла использовать этот обычай, который, разумеется, мог соответствовать и особому отношению к белому цвету в среде евразийских степняков, чему, однако, пока нет конкретных свидетельств.

Показателен еще один аспект культурных процессов, происходивших на юге Средней Азии и в прилегающих областях Ирана и Индостана. Уже на материалах А. Стейна было высказано предположение о проникновении на юго-восток Ирана в провинцию Бемпур населения с керамикой типа Намазга V и VI (Массон, 1964: 226). В свете новых исследований в среднеазиатской археологии становится ясно, что раскопанная А. Стейном гробница с большим числом нерасписных сосудов практически идентична погребениям Сапалли. Явно к кругу изделий, представленных в Тепе Гисаре, да и в Бактрии, принадлежит бронзовое навершие из Кураба, увенчанное фигурой верблюда (Mawell-Hylsop, 1955). В Северном Белуджистане обнаружены печати бактрийско-маргианского типа, а, судя по комплексу Сибри, там вполне мог развиваться локальный центр цивилизаций протобактрийского круга. Торевтика клада из Кветти также входит в круг изделий художественного металла, представленного кладами Астрабада и Фулола. Поэтому американскими исследователями, в первую очередь К. Ламбер-Карловским, был поставлен вопрос о продвижении создателей

«цивилизации Окса» на юг, в районы Бемпура и Северного Белуджистана и чуть ли не до долины Инда (Lamberg-Karlovsky, 1996: 228–243). Правда, в отношении городов долины Инда едва ли об этом можно говорить с уверенностью, столь единичны находки там соответствующих артефактов. Эти инновационные культурные комплексы группируются как бы по границам хараппской цивилизации. Примечательно, что аналогии в значительной части касаются блока элитарной субкультуры. Это может свидетельствовать о продвижении на юг именно групп лидеров, опирающихся, в частности, на военную силу. В принципе, было бы допустимо сопоставление этого явления с продвижением первых групп индоарийских группировок, своего рода предариев. Более массовое продвижение, если опираться на предлагаемую лингвистикой ведийскую хронологию, могло уже совпадать со временем широкого проникновения в Среднюю Азию носителей федоровских традиций степной зоны. Следует подчеркнуть, что подобные продвижения на юг происходили через своего рода барьер южных цивилизаций, культурно ассимилировавший пришельцев и поэтому мало перспективно искать в Индостане лепную посуду степного облика.

Вместе с тем необходимо еще раз отметить, что все эти сопоставления проводятся в самом общем плане, упрощая и идеализируя безусловно сложную и многоликую картину реальной исторической действительности. Сложна была и картина культурогенеза, которую мы познаем пока лишь в первом приближении. Уже сейчас достаточно многообразна картина локальных вариантов и сложных процессов культурных влияний и взаимодействий. Такова же, видимо, была и ситуация этнического и лингвистического многообразия.

В ретроспективном плане достаточно вспомнить существование группы памирских или припамирских языков как реликтовых свидетельств лингвистического богатства и разнообразия восточноиранского языкового мира. Здесь насчитывается пять различных языков и два диалекта (Оранский, 1960: 335 и сл.). Ландшафтная расчлененность горного региона способствовала этой мозаичности и многообразию. Такова же, в принципе, могла быть картина и в древности, в том числе в горных районах на севере Пакистана, где выявляются культурные комплексы, имеющие определенные среднеазиатские и, шире, степ-

ные аналогии (Кузьмина, 1972) и не без основания сопоставляемые с народами индоарийской языковой группы, являющимися, скорее всего, лишь одиночными свидетельствами былого лингвистического и этнокультурного многообразия (Dani, 1967; Tucci, 1977). Новые находки, сделанные в этом регионе, публикует проф. А.Х. Дани (Дани, 1999).

Вторая оговорка должна быть сделана в связи с вопросами хронологии, которые в настоящей статье упоминаются лишь в самом общем плане. Безусловно, предстоит большая работа по выработке системы археологической хронологии, учитывающей и удревание волго-уральских степных комплексов, и необходимость более строгой корреляции с хронологическими системами, предлагаемыми зарубежными исследователями для областей северного Индостана. Сводка радиоуглеродных определений по памятникам Средней Азии, подготовленная Л. Б. Кирчо и С.Г. Поповым (Кирчо, Попов 1999), может послужить началом такой работы, которая будет иметь немаловажное значение и для собственно археологии, и для исторической интерпретации получаемых этой наукой данных, включая и проблему распространения носителей индоиранских языковых групп.

Литература

- Аванесова Н. А. 1985. Новые памятники андроновской культурно-исторической общности Узбекистана // Достижения советской археологии в XI пятилетке. ТД. Баку. С. 38–40.
- Аванесова Н. А. 1987. Степи Севера и оазисы Юга: проблема культурных взаимодействий в эпоху бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. ТД. Алма-Ата. С. 53–55.
- Аванесова Н. А. 1995. Новое в погребальных обрядах сапаллинской культуры // АВ. № 4. СПб. С. 63–72.
- Авеста. 1990. Избранные главы. Перевод и комментарий И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе.
- Аркаим. 1995. Исследования, поиски, открытия. Челябинск.
- Аскаров А. А. 1962. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана // ИМКУ. Вып. 3. С. 28–41.

- Аскарлов А. А. 1969. Раскопки могильника эпохи бронзы в Му-
минабаде // ИМКУ. Вып. 8. С. 56–62.
- Аскарлов А. А. 1973. Сапаллитеп. – Ташкент: Фан.
- Аскарлов А. А. 1977. Древнеземледельческая культура эпохи
бронзы юга Узбекистана. – Ташкент: Фан.
- Аскарлов А. А. 1989. Степной компонент в оседлых комплексах
Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие
кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата:
Наука. С. 158–166.
- Аскарлов А. А. 1990. Степные компоненты в комплексах оседлых
культур эпохи бронзы в Северной Бактрии // Проблемы
древней истории Северного Причерноморья и Средней
Азии. Л.
- Аскарлов А. А., Б. Н. Абдуллаев. 1983. Джаркутан. – Ташкент: Фан.
- Бернштам А. Н. 1952. Историко-археологические очерки Цен-
трального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. № 26.
- Бобомуллоев С. 1993. Раскопки погребального сооружения из
Зардчахаалифа // Изв. АН Республики Таджикистан. Се-
рия востоковедения, истории, философии. № 3.
- Бобомуллоев С. 1999. Раскопки гробницы бронзового века на
верхнем Зеравшане // Stratum Plus. № 2. СПб; Кишинев;
Одесса. С. 307–313.
- Бочкарев В. С. 1991. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи
поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в истори-
ческом аспекте. Л. С. 24–27.
- Бочкарев В. С. 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский
очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и
дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – брон-
зы Средней и Восточной Европы. СПб. С. 18–29.
- Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. 1981. Второй Каракольский клад
Киргизии // КСИА. Вып. 167. 48–53.
- Виноградов А. В., Итина М. А., Яблонский Л. Т. 1986. Древ-
нейшее население низовьев Амударьи. ТХАЭЭ. т. XV.
- Виноградова Н., Пьянкова Л. 1990. Могильник Кумсай в Юж-
ном Таджикистане // ИБ МАИКЦА. Вып. 17. С. 98–112.
- Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е. 1986. Контакты степных и
земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы /

/ Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока. М. С. 126–151.

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. 1992. Синташта. Челябинск.

Гончарова Ю. В. 1999. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псаониями в степной и лесостепной зонах Евразии // *Stratum Plus*. № 2. СПб; Кишинев; Одесса. С. 336–349.

Григорьев С. А. 1996. Синташта и арийские миграции во II тыс. до н. э. // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.

Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. А. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент.

Дани А. Х. 1999. Новые открытия в Северном Пакистане и проблема происхождения дардской культуры // *Stratum Plus*. № 2. СПб; Кишинев; Одесса. С. 362–367.

Дьяконов И. М. 1960. Рец.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы // ВДИ. № 3. С. 196–203.

Дьяконов И. М. 1970. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // ВДИ. № 4. С. 39–63.

Дьяконов И. М. 1971. Восточный Иран до Кира // История иранского государства и культуры. М. С. 122–154.

Ермолова Н. М. 1986. Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // Древние цивилизации Востока. – Ташкент: Фан. С. 110–117.

Зданович Г. Б. 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск.

Зданович Д. Г. 1995. Могильник Большекараганский (Аркаим) и мир древних индоевропейцев урало-казахстанских степей.

Ильин Г. Ф., Дьяконов И. М. 1989. Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тысячелетия до н. э. // История древнего мира. Ранняя древность. М.

Исаков А. И., Потемкина Т. М. 1989. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. № 1. 145–167.

История Афганистана. 1982. М.

Итина М. А. 1961. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3 // МХАЭЭ. Вып. 3.

- Итина М. А.* 1977. История степных племен Южного Приаралья. М.
- Кузнецов П. Ф.* 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб. 56–69.
- Кузьмина Е. Е.* 1970. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней бронзы // КСИА. Вып. 122. С. 44–48.
- Кузьмина Е. Е.* 1972. Культура Свата и ее связи с Северной Бактрией // КСИА. Вып. 132. С. 116–121.
- Кузьмина Е. Е.* 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Кутимов Ю. Г.* 1999. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // Stratum Plus. № 2. СПб; Кишинев; Одесса. С. 314–322.
- Лев Д. Н.* 1966. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда // КСИА. Вып. 108. С. 101–104.
- Мандельштам А. М.* 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. № 145.
- Мандельштам А. М.* 1966. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. Вып. 108. С. 105–108.
- Масимов И.* 1979. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. № 1. С. 111–131.
- Массон В. М.* 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. № 73.
- Массон В. М.* 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
- Массон В. М.* 1977. Печати протоиндийского типа из Алтын-депе // ВДИ. № 4. С. 147–155.
- Массон В. М.* 1981. Алтын-депе. Л.
- Массон В. М.* 1982. Диалектика традиций и инноваций и культурный процесс в древней Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи. ТД. Душанбе. С. 9–13.
- Массон В. М.* 1986. Древние культуры Афганистана // Археология зарубежной Азии. – М.: Высшая школа. С. 119–129.
- Массон В. М.* 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ // АВ. № 5. – СПб: Дмитрий Буланин. С. 255–267.

- Оранский Н. М. 1960. Введение в иранскую филологию. М.
- Пряхин А. Д., Беседин И. В., Левых Г. А., Матвеев Ю. П. 1989. Кондрашкинский курган. Воронеж.
- Пьянкова Л. Т. 1989. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе.
- Сарианиди В. И. 1975. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. № 2. С. 20–29.
- Сарианиди В. И. 1977. Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сарианиди В. И. 1986. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н. э. // СА. № 2. С. 34–46.
- Сарианиди В. И. 1986а. Древнебактрийский пантеон // ИБ МАИКЦА. Вып. 10. С. 5–21.
- Сарианиди В. И. 1988. Юго-западная Азия: миграции, арии и зороастрийцы // ИБ МАИКЦА. Вып. 13. С. 52–65.
- Сарианиди В. И. 2001. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте р. Мургаб.
- Синюк А. Г. 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Толстов С. П. 1948. Древний Хорезм. М.
- Толстов С. П. 1963. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Трифонов В. А. 1996. К абсолютному датированию микенского орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб. С. 60–64.
- Amiet P. 1986. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J. C. Paris.
- Avanessova N. A. 1996. Pasteurs et agriculteurs la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au debut de l'âge du Bronze: relations et influences mutuelles // Lyonnet B., A. Isakov. Sarazm (Tadjikistan) céramiques: (Chalcolithique et Bronze Ancien). – Paris: Boccard. P. 117–131/
- Burrow T. 1973. The Proto-Indo-Arians // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. No 2.
- Dani A. H. 1967. Tiwargerha and bandhara grave culture // Ancient Pakistan. Vol. III.
- Duprai P., P. Gouin, N. Omar. 1971. The Khosh Tepe hoard from North Afghanistan // Archaeology. 24.
- Francfort H.-P. 1989. Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris.

- Francfort H.-P.* 1994. The Central Asian dimension of symbolic system in Bactria and Margiana // *Antiquity*. Vol. 68, no. 259.
- Harmatta J.* 1981. Proto-Iranians and Proto-Indians in Central Asia in 2nd millennium BC (linguistic evidence) // Этнические проблемы истории Средней Азии в древности (II тыс. до н. э.) М. С. 75–83.
- Harmatta J.* 1992. Emergence of Indo-Iranians: the Indo-Iranian languages // *History of civilizations of Central Asia*. Paris.
- Hiebert F.* 1994. Origins of the Oxus civilization // *Antiquity*. Vol. 68, no. 259.
- Kammenhuber A.* 1968. Die Aries in Vorderen Orient. Heidelberg.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* 1994. The Oxus civilization: the Bronze Age of Central Asia // *Antiquity*. Vol. 68, no. 259.
- Lamberg-Karlovsky C. C.* 1996. Beyond the Tigrus and Euphrates: Bronze Age civilizations. Jerusalem.
- Masimov I. S.* 1981. The study of Bronze Age sites in the Lower Murghab // Kohl Ph. (ed.) *Bronze Age civilizations of Central Asia*. New York.
- Masson V. M.* 1985. La dialectique les traditions et les innovations dans la development culturel de la Bactriane // *L'Archéologie de la Bactriane ancienne*. Paris.
- Masson V. M.* 1988. Proto-Bactrian group of civilizations in the Ancient East // *Antiquity*. Vol. 62, no. 236.
- Maxwell-Hyslop.* 1955. Note on the saft-hole axe-pick from Khurab, Makran // *Iran*. Vol. V. XVII.
- Rostovtzeff M.* 1920. The sumerian treasure of Astrabad // *Journal of Egyptian archaeology*. VI.
- Pottier M.-H.* 1984. Matériel funéraire de la Bactriane méridional à l'âge du Bronze. Paris.
- Parpola A.* 1986. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dosas // *Studia Orientalia*. 64.
- Sarianidi V. I.* 1981. Margiana in Bronze Age // Kohl Ph. (ed.) *Bronze Age civilizations of Central Asia*. New York.
- Stein A.* 1937. Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London.
- Schmidt E.* 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia.
- Tozi M., R. Wardak.* 1972. Fullol Hoard: a new find from Bronze age Afghanistan // *East & West*. Vol. 22.
- Tucci G.* 1977. On Swat. The Dards and connected problems // *East & West*. Vol. 27.
- Zaccagnini C.* 1978. Pferde und Streitwagen in Nuzi // *Yahrberieh Institute fur Vorgeschichte*. Frankfurt am Main.

Степной образ жизни и общества древних народов

Благодаря специфической природной ситуации, обширные просторы евразийских степей стали зоной, где, как своеобразная адаптивно-адаптирующая система, сформировался особый феномен мировой истории – степной образ жизни. Его проявления в материальной культуре, в интеллектуальной и поведенческой сфере достаточно устойчивы и как подоснова повторяются с естественным своеобразием в целом ряде общественных и этнических образований на огромных пространствах от Молдавии до Монголии. Для материальной культуры здесь характерно развитие колесных экипажей, а затем и верховой езды. В погребальном обряде утверждаются курганные насыпи, маркирующие захоронения на степных плоскостных просторах. Весьма ранним является установление на курганах антропоморфных стел, бывших зачастую просто деревянными. Завершение формирования стандартов степного образа жизни происходит с утверждением кочевничества и всадничества. Целый ряд эталонов утверждается в среде материальной культуры. При всех этнических и локальных вариантах они, в целом, характерны именно для степного образа жизни. Таков тип жилища разборного и легко переносимого. То же следует сказать и о типах посуды, специфических как по доминирующему материалу (дерево, кожа), так и по ряду форм (корытца, подносы, столики на ножках, изделия шаровидной формы и уплощенные фляги, удобные в транспортировке). Исключительно характерны типы одежды от мягкой бескаблучной обуви до шаровар и поясного ремня, характер которого приобретает также престижно-знаковое значение. Налицо и особые эстетические каноны и эталоны, а также формирующийся менталитет, в котором необходимость в повседневной подвижности и инициативе способствует развитию пассионарности в том смысле, какой ей придавал Л.Н. Гумилев.

В общем плане можно говорить о трех больших исторических эпохах, которые прошли народы и племена степного пояса Евразии, связанные со степным образом жизни. Первая

эпоха относится к III–II тыс. до н. э. – ко времени палеометалла. В эту пору как общая тенденция устанавливается скотоводческая доминанта в экономической системе с отчетливыми проявлениями его подвижных форм. В культурогенезе налицо формирование крупных общностей, вырабатывающих стандарты и эталоны, распространяющихся на широких пространствах, демонстрируя значимость интеграционных начал. Таковы, в принципе, комплексы ямного, катакомбного, срубного и андроновского типов (Массон, 1998). Этим образованиям свойственен определенный динамизм и большой жизненный потенциал. Так носители комплексов ямного типа, бывшие в целом сравнительно бедным народом с невзрачными проявлениями в сфере материальной культуры, активно расселяются в западном направлении. Они пересекают Днепр, достигают Молдавии и Венгрии, интродуцируясь в местное общество с богатой культурой оседло-земледельческого типа. Наблюдается возвышение элиты с явной тенденцией развития по пути военного аристократического политогенеза. Пиком этих тенденций стало общество первой половины II тыс. до н. э., передвигавшееся на легких колесницах с упряжными лошадьми, взнузданными псалями, оставившее гробницы элиты (Массон, 1999). Особая значимость коней для этого динамичного общества ярко проявляется в использовании их в престижных гробницах как компонент особо значимых погребальных обрядов. Судя по всему, это было олигархическое общество без четкого утверждения в социально-политической системе суперлидеров.

Кардинальный скачок в развитии степных обществ произошел во вторую эпоху, в пору перехода к всадничеству и кочевому скотоводству или собственно нomaдизму. По социологической значимости этот скачок сопоставим с так называемой городской революцией в зоне оседлых культур, когда формировались основы урбанизма и первых цивилизаций (Массон, 1989). Для этой эпохи достаточно удачен термин «ранние кочевники», введенный М.П. Грязновым и нашедший широкое признание.

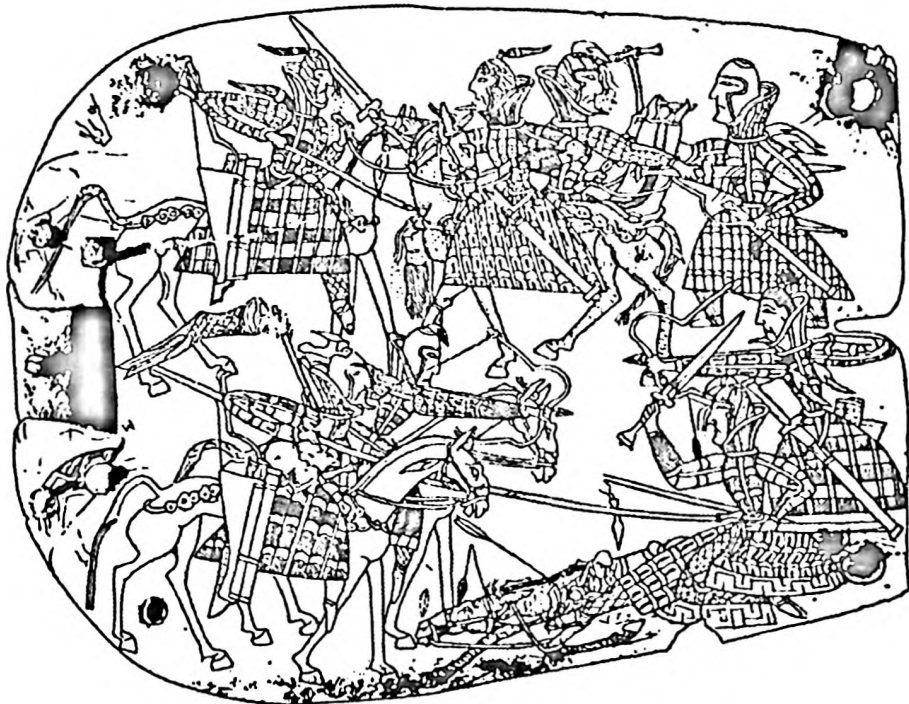
С точки зрения культурогенеза в это время происходит формирование эпохального типа культуры, который по традиции, восходящей к Геродоту, наиболее полно описавшему

этот тип общества, можно именовать «скифским». Появление всадничества и инновации в материальной культуре, которые (опять-таки традиционно) можно именовать «скифской триадой» были знаменем эпохи. Это конская упряжь, вооружение, рассчитанное в первую очередь на всадника, и принципиально новое явление в художественной культуре, получившее наименование «скифо-сибирского звериного стиля». Они составляют внешние признаки этого типа культуры, хорошо улавливаемые археологией. Археология является основным, и в ряде случаев единственным, источником информации об обществах этого типа. Однако само понятие «скифский тип эпохальной культуры» не должно заслонять значительные различия рассматриваемых обществ, в том числе и различия этнические. Равным образом понятие «эпохальный тип первых цивилизаций» распространяется на самые различные общества, нередко даже диахронного развития.

Эпохальный скифский тип культуры – это культура конных кочевников, только что перешедших от пастушеских обществ бронзового века к новым формам хозяйства и бытия. В этом отношении скифская триада отражает базовые аспекты новой культурной системы. Таков, прежде всего, новый верховой способ передвижения, многократно увеличивший скорости общения и как бы раздвинувший границы мира. Во-вторых, это новые ценностные и поведенческие ориентации, связанные с психологией вооруженных всадников в обществе, склонном к милитаризму (рис. 11). В-третьих, новое художественное восприятие и эстетические ориентиры отражали энергию и динамизм общества нового качественного состояния. Все это порождало как бы взрывное появление пучков инноваций, формирование их в зонах лидирующих очагов импульсивного культурогенеза.

Эпохальный тип культуры ранних кочевников, естественно, имеет целый ряд локальных формопроявлений. Здесь особым блоком можно считать региональный тип культуры, объединяющий целый ряд археологических общностей, различных в деталях, но имеющих общие характерные черты.

Для азиатских просторов и для Средней Азии и южных районов Казахстана можно говорить о региональном типе культур, который следует именовать сакским. Вероятнее все-

го, именно сакской была и его этническая подоснова. Свидетельства письменных источников делают вполне оправданным использование понятия «сакский» для регионального типа культур ранних кочевников южного пояса Центральноазиатского региона. Для этого регионального типа культуры, помимо скифской триады, характерен, как наиболее распространенный, погребальный обряд, практикующий ямные подкурганые захоронения с использованием дерева для перекрытия, а иногда и самого устройства гробниц, положение усопшего на спине с ориентацией головы на запад, устройство дромосов в элитных погребениях. Разумеется, существовали и местные различия за счет значительной территориальной протяженности и, главным образом, за счет местного «досакского» культурного наследия. В равной мере следует иметь в виду, что

речь идет именно о типе культуры, а его носителями могли быть различающиеся этнические группы, хотя, скорее всего, они, в большинстве случаев, в значительной мере ассимилировались сакским этносом.

Эталонами для сакского регионального типа культуры являются памятники Северного Кыргызстана и юго-восточного Казахстана с нуклеарным центром в Семиречье. Концентрация могил суперлидеров, таких как Бешатыр (Акишев, 1978; Акишев, Кушаев, 1963) или Иссык (Акишев, 1978), характеризуют Семиречье как важный политический и идеологический центр сакского общества. На это же указывает находка устойчивого набора художественных бронз, связанных с культовой практикой — жертвенных столиков, светильников, котлов для коллективных трапез (Зима 1941; Бернштам, 1952). Возможно семиреченских саков, фигурировавших в ахеменидских текстах под наименованием саков-тиграхауда, следует именовать «царскими саками» по аналогии с термином Геродота, именовавшего скифскую группировку, наиболее приближенную к скифским лидерам, «царскими скифами». С точки зрения археологической систематики семиреченские памятники, относящиеся к региональному типу культуры, названному нами «сакским», можно было бы именовать «иссыкской культурой» по наиболее представительному памятнику, дающему комплексную информацию об обрядовой практике и разнообразии типов артефактов.

Другой группой археологических памятников, относящихся к сакскому региональному типу, можно считать могильники Тянь-Шаня и Алтая. Репрезентативным памятником здесь является некрополь Кетмень-Тюбе, так что можно было бы говорить о кетменьтюбинской археологической культуре. Особую территориальную группу образуют памятники Восточного Приаралья, которые также могут быть выделены как локальная уйгаракская культура в рамках сакского регионального типа (Вишневская, 1973). Несколько особое положение занимают раннекочевнические памятники Памира. Сюда рано проникли традиции скифской триады, как об этом свидетельствуют раскопки могильника Тамды (Бернштам, 1952; Литвинский, 1972). Вместе с тем погребальный обряд необычен для сакского мира — скелет расположен на боку в скорченном положении.

Видимо, особую группу в кочевом мире этого времени занимали племена, обитавшие на юго-востоке сакского мира, которые можно условно именовать дахо-массагетами. Эта группа пока не представлена богатыми и выразительными археологическими комплексами. Курганы с каменно-земляными насыпями имеются в центральных Каракумах, будучи расположенными вдоль Узоя, бывшего, видимо, в то время частично обводненным руслом. Здесь выявлены и сложные каменные сооружения, которые по наличию алтарей можно рассматривать как культовые центры. На одном таком памятнике в местности Ичанлыдепе в верхней части комплекса располагалась вымощенная камнем площадка со следами неоднократного возжигания огня. Имеются и части туш животных, приносимых в жертву, в том числе конские копыта и черепа коней. Судя по последним остаткам, это были шкуры животных, мясо которых могло быть употреблено в ходе культовых трапез. С этим кругом кочевых племен связано и важное историческое событие, детально освещенное Геродотом — гибель основателя ахеменидского государства Кира в битве с массагетами, предводительствуемыми царицей Томирис. Эта группировка, скорее всего, играла важную роль в этногенезе туркменского народа, вопрос об этом был поставлен еще антропологом Л.В. Ошаниным (Ошанин, 1926). Из этой среды, скорее всего, вышло и племя парнов, завоевание которыми территории, носившей наименование Парфии, положило начало формированию могущественной державы мира.

Эпоха ранних кочевников была важнейшим рубежом в развитии обществ, практикующих степной образ жизни. Происшедшие перемены социологически выводили эти общества в ранг социо-политических систем, именуемых в среде оседлых цивилизаций «ранними государствами». Правда, в отличие от последних, не формировалась целая машина управления обществом, достигающего нового качественного состояния. В среде кочевых номадов инновации проявились, прежде всего, в формировании феномена верховного лидерства, правда, с чертами, отличающимися исключительной яркостью и выразительностью. В результате кардинальных изменений в элитной структуре выделяется ее верхушечный слой, который грекоязычные авторы с полным основанием именуют

царями (Массон, 1994). Основными источниками этой новой социальной группировки являются неординарные гробницы, вскрываемые археологией. Критериями их неординарности являются монументальные масштабы, требующие массового организованного труда, жертвоприношения, в том числе человеческие. Особенно массовыми на ранних этапах были жертвоприношения лошадей, гипертрофировавшие традицию, заложенную еще в пору бронзового века гробницами элиты колесничих. Важным показателем является наличие в составе инвентаря высоко художественных изделий, особенно золотых. При этом следует иметь в виду, что это могли быть не просто утилитарные ценности, а предметы особого престижного звучания. Золотые изделия явно стояли в семантическом ряду с понятиями света, огня, солнца. Отмечена и группировка элитных гробниц, видимо, образующих, при такой концентрации, семейные, династические некрополи. Наличие в элитных гробницах рядового и парадного оружия указывает на бесспорную военную функцию погребенных в них лидеров. Фигура удачливого предводителя военных походов является логическим завершением военно-аристократического пути политогенеза, начатого колесничими бронзового века. Вместе с тем в ряде престижных гробниц оружие отсутствует, тогда как другие объекты, в частности, фигурные головные уборы коней, имеют довольно сложную символику. Поэтому ряд исследователей допускает, что это были усыпальницы жреческой элиты и к их числу, возможно, следует относить некоторые курганы горного Алтая.

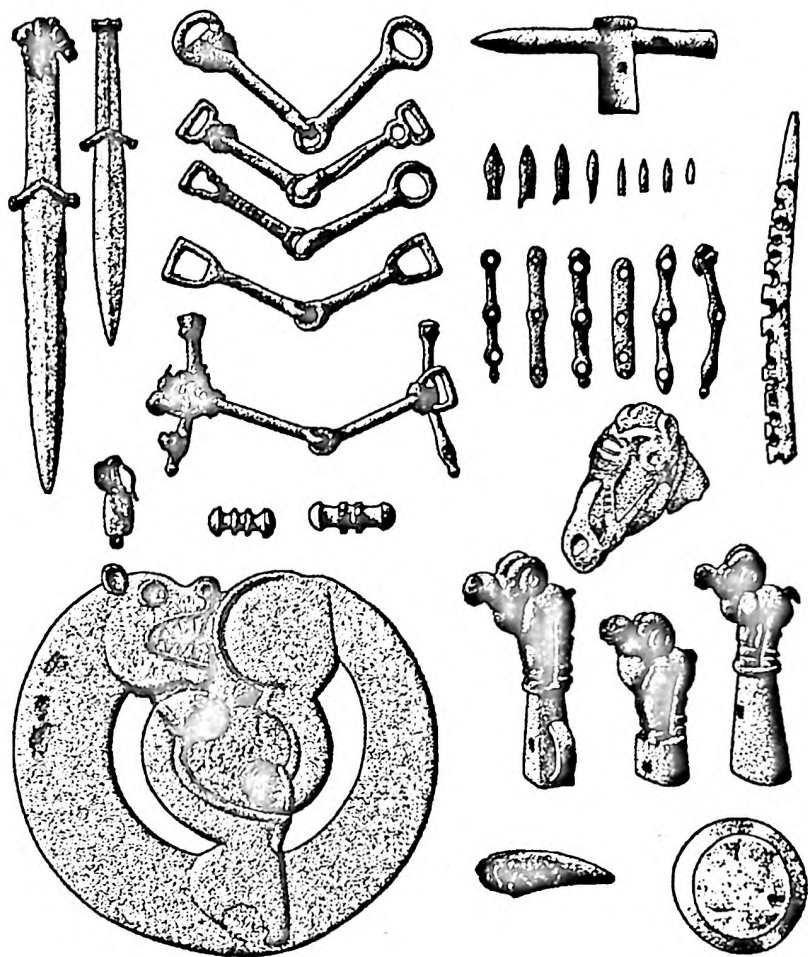
Социальные изменения привели к формированию особого культурного пласта — элитарной субкультуры, набор материальных объектов которой и заполняет гробницы суперлидеров. Это было качественно новое явление по сравнению с бронзовым веком, где культурная дифференциация не была столь яркой и кричащей. Элита скифской эпохи в отличие от элиты поры степной бронзы объективно выполняла важную культурологическую функцию. Независимо от степени интеллектуальной утонченности ее представителей изготовление престижных объектов (будь-то оружие, культовые предметы или вещи повседневного бытия) представляло собой социальный заказ, стимулирующий развитие искусств и художе-

ственных ремесел. Вернувшиеся из удачных походов военные лидеры могли превращать свои резиденции, будь они юртами или срубам, в подлинные музеи искусства народов Востока. По выборкам, вошедшим в состав погребального инвентаря, мы знаем, что таковыми были в горном Алтае художественные изделия Передней Азии и далекого Китая (Руденко, 1953; 1960). Элита скифской эпохи, чем выше был ее ранг, тем большую роль играла в процессах культурной интеграции, охватившей огромные пространства. Элитарная субкультура вносила надэтнический фактор в мозаичную этнокультурную среду этого времени. Можно сказать, что именно эта субкультура реализовала огромные новые возможности общения и взаимообогащения, открывшиеся в раннекочевническую эпоху с созданием нового информационного поля повышенной коммуникабельности.

В меньшей мере можно судить о внутрисполитической структуре и значимости этих новых образований, возглавляемых лидерами, относимых древними авторами к числу царей. Этот аспект частично затронут М.П. Грязновым (Грязнов, 1980) по ходу его филигранного изучения раскопанной в Туве гробницы суперлидера IX–VIII вв. до н. э. — кургана Аржан (рис. 12). Здесь в центре грандиозной усыпальницы, внешнее кольцо которой имело в диаметре 120 метров, в центральной камере находились мужчина и женщина, в которых можно видеть царя и царицу по терминологии грекоязычных авторов. Кроме того, в погребальный комплекс были помещены 15 человек старческого и преклонного возраста. Показательна дифференциация в убранстве лошадей, помещенных в качестве жертвенных животных в гробницу, число которых достигало 300. В семи камерах находились кони с псалиями идентичного характера, указывающими на принадлежность к одному культурному кругу с устойчивыми традициями. М.П. Грязнов полагал, что это подношения основного массива «подданных царя», которых он именовал аржанцами, будь то племя или союз племен. На конях четырех других камер были псалии отличного типа, хотя и идентично повторяющиеся в пределах этой группы конских захоронений. М.П. Грязнов полагал, что это приношение группировки населения, не относящейся к нуклеарному слою

РИС. 12. Гробница Аржана. IX–VIII вв. до н. э.

аржанцев, но приносящих дань уважения или преданности усопшему суперлидеру. Такого типа политическое формирование, вырастающее из союза племен, едва ли было особо устойчивым. Стабильность при раздробленности власти в раннекочевнических обществах могла быть весьма значительной, если бы в отдельных случаях не возникала мощная фигура самого верховного объединителя. Показательно, что тогда юечжийское объединение опрокинуло Греко-Бактрийское

царство, новая политическая структура оказалась состоящей из пяти отдельных владений с пятью лидерами вчерашних кочевников во главе. Примечательно, что в текстах составляемых ахеменидской бюрократией, выросшей в условиях строгой государственной централизации великой монархии древнего Востока, лидер саков-тиграхауда Скунха именуется вождем или предводителем, но не царем, как величались основные враги Дария I, вставшего во главе областей, отпавших от царя царей.

Судя по всему, заметные перемены в этом отношении произошли в третью эпоху, характеризующую дальнейшую эволюцию общества степной зоны. Здесь формируются огромные военно-политические образования, отличающиеся определенной устойчивостью во временном протяжении.

Первым таким объединением была держава сюнну-хунну, а наибольших военно-политических успехов среди сменяющихся этнических приоритетов в домонгольскую эпоху достиг тюркский каганат. Представляется, что адекватным термином для обозначения этих обществ является понятие «кочевая империя», широко использовавшееся Г.Е. Марковым (Марков, 1976). Исследователи отмечают, что империя как политическая структура характеризуется по меньшей мере двумя показателями – огромными размерами и наличием колониальных и зависимых владений. В кочевых империях роль последних, помимо зависимых кочевых группировок, как правило, играли оседлые оазисы, часто образующие небольшие города-государства, как это ярко представлено в Синьцзяне. Кочевые империи становились выражением определенной военно-политической централизации подвижных скотоводческих племен. Характерен многоуровневый характер общественных структур. У хунну-сюнну налицо триединый характер членения верхнего звена, начиная с вооруженных сил, где выделялись правое и левое крыло и центр во главе с шаньюем. Показателен десятичный принцип организации вооруженных сил. Налицо тенденция к установлению монархического абсолютизма. Важным шагом в развитии кочевых империй было создание собственной рунической письменности, осуществленное в тюркской державе. Оно реализовало тенденции к бюрократическому самоуправлению

верховой власти и кодификации ее программ и деяний. В целом это был социологический аналог мировым державам Древнего Востока, но не идентичный им, что заставляет прибегать к особой терминологии. Вместе с тем кочевым империям как таковым была свойственна внутренняя слабость, приводившая в конечном итоге к их крушению и к смене этнических приоритетов в создании подобных систем. Жесткое утверждение новой политической структуры сдерживали родоплеменные порядки. В первую очередь отсутствие строго легитимной линии в вопросах престолонаследия. Обычное право давало юридическое основание, освященное традицией, внутридинастийным склокам в правящей верхушке. Безусловно, слабым звеном было отсутствие развитого бюрократического административного аппарата. Заимствования в этой сфере у государств оседлого пояса в основном сводились к стремлению упорядочить получение дани от подчиненных народов и покоренных областей, а не к созданию системы организационно-хозяйственного и административного управления. Тем не менее, нельзя не признать, что кочевые империи, особенно на начальных этапах своего существования, обладавшие, помимо прочего, колоссальным потенциалом свойственной степнякам пассионарности, становились важным явлением в мировой истории.

Особый аспект представляет проблема взаимоотношений кочевых и оседлых обществ и значимости таких взаимоотношений. Нередко в этой области порой господствует своего рода демонический негативизм, приписывающий кочевникам чуть не стабильно отрицательную роль в развитии оседлых цивилизаций. Здесь, безусловно, сказывается воздействие практики монгольских завоеваний, когда в качестве составной части военной доктрины входила стратегия устрашения. Следуя этому принципу без особой оперативной и политической надобности уничтожались города и целые оазисы, население уже захваченных центров подвергалось издевательствам и казням. Вместе с тем разумное рассмотрение накопленных и, скажем прямо, многочисленных материалов по Средней Азии, позволяет сделать по меньшей мере два конструктивных заключения. Во-первых, в стране, политически подчинившихся номадам-завоевателям, при сохранении значитель-

ной части кочевого населения, устанавливается своего рода территориальный симбиоз. Это хорошо видно, например, по бухарскому Согду, где демаркация проходила по линии областной стены (Обельченко, 1992). В самаркандском Согде кочевые племена группировались прямо среди оседлых оазисов (Пугаченкова, 1989). Благодатный симбиоз отчетливо представлен в Хорезме (Кочевники ..., 1979).

Второе обстоятельство связано со своего рода двусторонним направлением процессов взаимной ассимиляции. Кочевые племена устанавливали политическое лидерство в завоеванных областях, приносили ряд особенностей в материальную культуру, что видно по оружию и женским украшениям. В новообразованных политических системах, прежде всего в кушанской Бактрии и в Парфии, видимо, не возникало лингвистического антагонизма в силу принадлежности обеих групп населения к одной общей языковой семье. Вместе с тем отчетливо нарастает процесс культурной ассимиляции пришельцев, все более воспринимающих традиции высокоуровневой урбанистической культуры. В конечном итоге номады культурно ассимилируются и образуют полноправный компонент городского населения. В этом отношении весьма показательны детали начинающейся трансформации погребальной практики в курганных захоронениях, располагающихся на территории Бактрии и Согда во II—I веках до н. э., то есть сразу после юечжийского завоевания. В наборе ремесленных сосудов стандартное сочетание кувшина и бокала свидетельствует о стремлении предоставить усопшему напиток, происходивший, как это видно по остаткам на дне одного сосуда в погребении, раскопанном в Парфии, с виноградных угодий (Марущенко, 1959). Необычной чертой для кочевого мира является помещение в рот усопшему монетных кружков, что абсолютно не характерно для безденежных кочевых обществ, но отмечено в погребальной традиции оседлых бактрийцев, видимо, позаимствовавших эту практику у эллинской обрядности. И в Согде, и в Бактрии отмечены случаи, когда вход в погребальную камеру закладывается не камнем, как это принято в среде номадов, а сырцовым кирпичом, произведенным руками оседлых ремесленников. Вместе с тем сам исторический синтез имеет более впечатляющие масштабы. Огромный

пассионарный потенциал, приведший пришельцев в процветающие города из глубин Азии, сыграл немалую роль в общем динамизме новых политических образований – Парфии и кушанской державы, постепенно достигших уровня политических систем мирового ранга.

Литература:

- Акишев К. А.* 1978. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство.
- Акишев К. А., Г. А. Кушаев.* 1963. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата.
- Бернштам А. Н.* 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. № 26.
- Вишневская О. А.* 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. ТХАЭЭ. Т. VIII.
- Грязнов М. П.* 1980. Аржан. Царский курган раннесакского времени. – Л.: Наука.
- Григорьев В. В.* 1871. О скифском народе саках. СПб.
- Зима Б. М.* 1941. Иссык-Кульские жертвенники. Фрунзе.
- Кардин И. Н.* 2000. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути цивилизации. – М.: Логос. С. 314–336.
- Кочевники на границах Хорезма.* 1979. ТХАЭЭ. Т. XI.
- Литвинский Б. А.* 1972. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука.
- Мандельштам А. М.* 1966. Кочевники на пути в Индию. МИА. № 136.
- Марков Г. Е.* 1976. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. – М.: издательство МГУ.
- Марущенко А. А.* 1959. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана // ТИИАЭ АН ТуркССР. Т. V. С. 110–122.
- Массон В. М.* 1989. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука. С. 81–89.

- Массон В. М.* 1994. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. С. 1–8.
- Массон В. М.* 1998. Эпоха древнейших великих степных обществ // АВ. № 5. – СПб: Дмитрий Буланин. С. 255–267.
- Массон В. М.* 1999. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum Plus. № 2. СПб; Кишинев; Одесса. С. 265–285.
- Обельченко О. В.* 1992. Культура античного Согда. М.
- Ошанин Л. В.* 1926. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее прохождения. Опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркменского народа на краниологических и этнологических материалах // Известия Средазкомстариса.
- Пугаченкова Г. А.* 1989. Древности Мианкаля. Ташкент.
- Руденко С. И.* 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С. И.* 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.

Археология древних кочевников Центральной Азии

Выше уже неоднократно упоминались археологические памятники и комплексы, оставленные обществами кочевников, и расположение в зоне городских цивилизаций. Само развитие кочевых обществ в зоне евразийских степей и на примыкающих территориях является выдающимся историческим феноменом. Переход к подвижному кочевничеству и всадничеству по социологической значимости сопоставим с городской революцией в зоне оседлых обществ Востока, ставшей прологом к формированию первых цивилизаций и государств. Это был пик культурного и социального развития обществ, практиковавших степной образ жизни, истоки которого восходят по меньшей мере к поре палеометалла.

Сам термин «ранние кочевники» был введен в науку М.П. Грязновым и приобрел общее признание. Речь должна идти о формировании эпохального типа культуры, который по традиции, восходящей к Геродоту, наиболее полно описавшему этот тип общества, можно именовать скифским. Появление всадничества и инновации в материальной культуре, которые опять-таки традиционно можно именовать скифской триадой, были знаменем эпохи. Конская упряжь, вооружение, рассчитанное в первую очередь на всадника, и принципиально новое явление в художественной культуре, получившее наименование скифо-сибирского звериного стиля составляют внешние признаки культуры, хорошо улавливаемые археологией. Именно археология является основным, а в ряде случаев и единственным источником информации об обществах этого типа. Однако сами общества были различны, как, видимо, и их этнические составляющие. Эпохальный тип культуры, именуемый скифским, не должен этого заслонять, подобно тому как эпохальный тип первых цивилизаций распространяется на самые различные общества, нередко даже диахронного развития.

Эпохальный скифский тип культуры это культура древних конных номадов, только что перешедших от пастушеского общества бронзового века к новым формам хозяйствования и бытия. В этом отношении скифская триада выражает базовые аспекты новой культурной системы. Таков прежде всего новый верховой способ передвижения, многократно увеличивший скорости общения и как бы раздвинувший информационные границы мира. Во-вторых, это новые ценностные и поведенческие ориентации, связанные с психологией вооруженных всадников в обществе, склонном к милитаризму. В третьих, новое художественное восприятие и эстетические ориентиры отражали энергию и динамизм общества нового качественного состояния. Все это в целом порождало как бы взрывное появление пучков инноваций, формирования их в зонах лидирующих очагов импульсивного культурогенеза.

Для азиатских просторов и для Средней Азии и южных районов Казахстана таким обществом и, вероятно, этносом являются саки. Именно саков знают ахеменидские официальные источники (рис. 13), более близкие ориентальной специфике, чем античные авторы, которые везде были готовы

РНС. 13. Бехистунский наскальный рельеф Дария I.
Последний в ряду — сакский вождь Скунха.

видеть скифов. В китайских источниках саки известны как племена сэ. Испытав превратности судьбы, связанные со сменой лидеров в кочевой среде, саки сохраняли свое значение и в пору юечжийского разгрома Греко-Бактрии и скорее всего приняли в этом движении, по меньшей мере в районах Согда и Парфии, самое активное участие. Сражаясь с этими нашествиями, аршакидские правители имели дело, прежде всего, именно с саками, почему и называли провинцию, где удалось локализовать воинственных мигрантов, Сакастаном, сохранившим это древнее наименование в форме современного Сеистана. Вероятно, для Средней Азии и для Семиречья особенно можно говорить о «сакском времени» и о сакской культуре как региональном культурном типе, в пределах которого, разумеется, существовал и развивался целый ряд локальных культурных образований, сочетавших в себе эпохальные, региональные и специфические локальные черты.

Для последующего исторического периода предлагался термин «древние кочевники», связанный с порой формирования крупных и мощных политических образований, которые можно именовать кочевыми империями и прекрасным образцом которых является держава сюнну или хуннов. Со-

циологически древние кочевые империи являются аналогом древним цивилизациям и первым государствам в зоне оседлых культур. Это в целом позволяет проводить аналогию соответствующего периода в степной зоне с понятием «эпоха древности» в системе, предлагаемой И.М. Дьяконовым. Формированию таких политических образований способствовал четко выраженный в кочевой среде военно-аристократический путь политогенеза. Подвижное кочевничество с его милитаристскими наклонностями интенсифицировало институализацию власти, хотя в условиях отсутствия централизованной бюрократии не способствовало его стабильности. Правда, в развитии материальной культуры не столь явно выделяется такая пора «древних кочевников». И вооружение, и кочевническая узда если и не сохраняются полностью с поры ранних кочевников, то лишь претерпевают естественную временную эволюцию. Деградация скифо-сибирского стиля и замена его иными эстетическими концепциями, выросшими на его основе, касается лишь сферы художественной культуры. То же касается и последующего времени, когда используется понятие «средневековые кочевники». Оно естественно и удобно для хронологии при рассмотрении кочевого мира, синхронного с городскими цивилизациями, но вопрос о наличии в самой кочевой среде определенного качественного рубежа в сфере той же эволюционирующей материальной культуры, далеко не ясен. Поэтому пока наиболее практичным остается термин «ранние кочевники», распространяемый на всю древнюю эпоху.

Для Средней Азии, Южного Казахстана и, возможно, ряда других прилегающих областей региональный тип культуры ранних кочевников можно определить как сакский. Саками именовали среднеазиатских, а, возможно, и не только среднеазиатских кочевников ахеменидские официальные источники, у которых этот термин заимствовал и Геродот. При этом различались отдельные сакские группы. В частности для среднеазиатских пределов это саки-тиграхауда и саки-амюргии. О том, что самоназвание «саки» было привычным для центральноазиатских кочевых обществ, свидетельствует и сохраненная Ктесием эпическая традиция о сакской царице Зарине. Судя по сведениям античных авторов, саки как самостоятельная группировка существовали в ряде областей и в первых веках

нашей эры. Поэтому вполне оправдано использование термина «сакский» для регионального типа культуры ранних кочевников южного пояса центральноазиатского региона. Для этого типа помимо скифской триады, имеющей, правда, и локальные типологические особенности, например, в конской узде, характерен как наиболее распространенный погребальный обряд, предусматривающий ямные подкурганные захоронения с использованием дерева для перекрытия, а порой и для самого устройства гробниц, положение погребенного на спине с западной ориентацией, устройство дромосов в элитных погребениях (рис. 14). Разумеется, существовали и местные различия за счет значительной территориальной протяженности и главным образом местного «досакского» культурного наследия, но это не снимает самого существования эпохального культурного типа. В равной мере следует иметь в виду, что это был именно тип культуры и его носителями могли быть разные этнические группировки, хотя скорее всего они в большинстве случаев в значительной мере и ассимилировались собственно сакским этносом.

Эталонными для сакского регионального типа являются памятники Северной Киргизии и юго-восточного Казахстана с нуклеарным центром в Семиречье. Собственно это и была территория проживания сакских племен, известных в ахеменидских надписях как саки-тиграхауда, а у Геродота как саки-ортокорибантии, что в равной мере означает «саки в остроконечных шапках». Действительно такие остроконечные головные уборы представлены на изображениях саков на ахеменидских рельефах и в реконструкциях по материалам археологических раскопок. Обычно они скорее всего изготавливались из войлока или кожи и украшались металлическими, в первую очередь, золотыми нашивками. Венчали шапки изображения животных: горного козла, петуха или джейрана, верх расшивался листьями из золотой фольги. Представители элиты имели такой остроконечный головной убор сложной конструкции и декорации, как это видно по исыкскому погребению.

Скорее всего, именно Семиречье было важнейшим центром всего сакского мира. Весьма рано в этой области утверждается и сам новый тип эпохальной культуры, на основе

РИС. 14. Комплекс сакской культуры. VII—III вв. до н. э.

которого постепенно формируется и его региональное проявление, которое предлагается именовать сакским типом. Наиболее древние памятники раннекочевнического облика представлены отдельными погребениями и случайными находками. Форма погребального обряда еще неустойчива и продолжает в ряде случаев более древние традиции. Так, в Каргалы под каменной насыпью для усопшего был сооружен каменный ящик. Каменный ящик был раскопан и в долине р. Биже. На раннюю датировку указывают изогнутый трехдырчатый псалий и два навершия с головой горного козла, являющимися прямой репликой наверший, найденных в эталонной элитной гробнице Аржане. В погребении в Чилике перекрытие уже образовано деревом и ветками, усопший лежит головой на запад. Необычно здесь для сакского культурного круга захоронение коня, правда совершенное в отдельной могиле. Этот обычай, распространенный в других областях евразийской зоны и ярко представленный в Пазырыке, для комплексов, связанных с сакским региональным культурным типом, совершенно не характерен. Небольшой клад ранних вещей был обнаружен на Тянь-Шане в урочище Тюп. Здесь сохранились части узды и кольцевидная бляшка с изображением бегущих козлов и хищников, ярко представляя компоненты скифской триады. О раннем распространении артефактов, связанных с порой древнейших кочевников Азии, свидетельствуют находки каменных стел, носящих название по наиболее яркому сюжету «оленных камней» и широко представленных в коллекциях из Тувы, Монголии и прилегающих областей. Обнаружение такой стелы в каменной ограде Аржана подтверждает их весьма раннюю датировку. Несколько оленных камней найдены в Чуйской долине и на побережье озера Иссык-Куль. На них выбиты замкнутые окружности, изображения оленей, кабанов и других животных, а также контуры кинжалов и луков. По сравнению с высокохудожественными образцами лучших оленных камней из сердца Центральной Азии, северокиргизстанские стелы выглядят несколько упрощенными и как бы провинциальными. Но их принадлежность к этому типу памятников материальной культуры не вызывает сомнений. Эти ранние комплексы восходят к VII, если даже не к VIII в. до н. э.

Позднее, в VI–III вв. до н. э. районы Семиречья и Тянь-Шаня были широко освоены сакскими племенами. Многочисленные могильники могут быть объединены в несколько территориальных комплексов, возможно, соответствующих территориям обитания отдельных племенных групп. Курганные насыпи в могильниках располагаются как бы в хаотическом беспорядке, но крупные насыпи, явно устроенные над гробницами представителей элиты, обычно вытянуты в цепочки, возможно, соответствующие древним родственным коллективам. Устанавливается устойчивый обряд погребения – в вытянутом положении головой на запад.

Могильные ямы чаще всего перекрыты деревянными плахами. Иногда использовались для этой цели и каменные плиты. Крайне редки захоронения в каменных ящиках или прямо на дневной поверхности.

На лидирующее положение семиреченской сакской группировки указывают крупные гробницы элиты, которые по сложности устройства и по затраченным трудовым ресурсам можно причислить к памятникам монументальной архитектуры. Подобные крупные курганы сосредоточены группами, возможно, в соответствии с различными группировками местных лидеров. Таков некрополь Бешатыр, расположенный в предгорьях на правом берегу р. Или. Всего здесь в элитном могильнике насчитывается 31 курган, причем самый крупный имеет в диаметре 104 м при семнадцатиметровой высоте. Верхняя часть его выровнена так, что образована площадка диаметром в 32 м. Возможно, там находилась стела. В эпическом повествовании о сакской царице Зарине сообщается, что на ее надгробном кургане была установлена статуя. В бешатырском некрополе тщательно раскопан курган, имевший диаметр в 52 метра и семиметровую высоту. Его насыпь представляет собой сложную конструкцию, в которой перемежались слои насыпной земли и камня. Сама усыпальница представляла собой бревенчатое сооружение, возведенное на древней поверхности. В гробницу, которая была полностью ограблена, вел длинный коридор. Рядом располагались курганные насыпи менее внушительных размеров, в том числе и достаточно рядовые, где могильные ямы были просто перекрыты деревянными плахами.

На северном склоне заилийского Алатау расположена другая элитная группа – иссыкская. В этом некрополе насчитывается 45 крупных курганов с диаметром насыпи от 30 до 90 м. В одном из них, далеко не самом значительном (диаметр насыпи 60 м, высота 8 м), от грабителей уцелело не центральное, а одно из боковых погребений. Эта гробница представляла собой деревянный сруб, дно которого было выстлано материей, расшитой золотыми бляшками. В гробницу был помещен юноша 17–18 лет сравнительно небольшого роста (165 см). Но помещен он был в полном убранстве, причем вся его одежда, головной убор и обувь были богато украшены золотыми нашивками, что позволило почти полностью восстановить это парадное одеяние. У нательной рубахи были обшиты только рукава, тогда как короткий кожаный кафтан был богато обшит золотыми бляхами. Поверх кафтана был надет парадный наборный пояс. Штаны заправлялись в сапоги с длинными голенищами. Это была мягкая войлочная обувь. Из оружия следует отметить железный кинжал, богато инкрустированный золотом, и длинный железный меч, так же с золотой инкрустацией. Меч находился в деревянных ножнах, верх которых был окрашен в красный цвет. находка длинного железного меча достаточно примечательна. Для скифской триады более характерны короткие мечи, именовавшиеся акинаками. Такие мечи, кстати, и встречаются при раскопках рядовых сакских могил. Помещение в иссыкском кургане длинного меча, возможно имело престижный, ранговый характер. Рядом с усопшим находилось древко, увенчанное золотой моделью стрелы, явно представляя собой престижное или церемониальное оружие. Из утилитарных предметов в гробнице имеется разнообразная посуда. Это керамические миски и кувшины, часть из которых сделана на гончарном круге и явно принадлежит к числу импортных изделий. Сохранились, хотя и частично, деревянные миски и блюда. Имелась и металлическая посуда, подчеркивающая стремление к роскоши. Так, бронзовая миска с двух сторон украшена позолотой. Из серебра изготовлены две чаши и ложка. На одной из чаш имеется надпись из 26 знаков неизвестной письменностью, в которой некоторые исследователи готовы видеть именно сак-

ское письмо. Тексты с аналогичным алфавитом, пока не дешифрованным, известны на ряде предметов с территории Афганистана. Там имеется и большая наскальная надпись, выполненная той же письменностью и относящаяся скорее всего ко времени уже кушанской державы, когда эта система письма могла распространиться в Бактрии вместе с пришлыми кочевыми племенами. Иссыкский комплекс большинство исследователей относит к V в. до н. э., хотя предлагалась и несколько более поздняя датировка.

Элитные некрополи имелись и в других районах Семиречья и тяготеющих к нему областей. Так, на востоке озера Иссык-Куль раскапывался курган Шалба, представляющий собой огромную каменную насыпь диаметром в 104 м. Гробница в нем полностью разрушена грабителями, позаботившимися и об изъятии бывших в ней предметов. Найдена лишь одна золотая фигурка джейрана, видимо, утерянная охотниками за сокровищами, которыми, кстати, вполне могли быть, как свидетельствуют наблюдения, сделанные в других регионах, и современники сакского населения или даже сами саки.

В разных местах Семиречья найдены предметы, относящиеся к числу художественных бронз, встречаемые либо отдельно, либо группами в составе кладов. Они явно связаны с культовой практикой и миром интеллектуальных представлений сакского населения и представляют три основных функциональных типа. Это, прежде всего т. н. жертвенные столики на ножках обычно прямоугольной формы, по периметру которых помещены фигуры различных зверей: крылатых кошачьих хищников, пантер или яков. Зачастую это были весьма массивные предметы, явно рассчитанные на масштабное использование. Так, столик или алтарь, названный большим семиреченским, весит 184 кг. Второй вид этих художественных бронз — это т. н. светильники: овальные или прямоугольные столики с невысоким бортиком на высокой ажурной ножке, также имеющие по бортику изображения различных зверей. Наконец, третий вид — это большие котлы, явно рассчитанные на коллективные трапезы, по краю которых также воспроизведено шествие зверей из литых фигурок. Реже в таких композициях на всех трех видах изделий представлены лошади, лучники или сидящие люди. Совместная находка этих трех

видов художественных бронз — столика, светильника и котла — представлена набором из кыргынского клада. Скорее всего, эти объекты применялись в определенной культовой церемонии. Особый интерес представляет столик из чильпекского клада, ножки которого воспроизводят женские фигуры с воздетыми вверх руками, поддерживающими этот ритуальный объект. Вероятно, подобная композиция отражает участие в обрядовых церемониях и служительниц культа, условно именуемых жрицами. В могильнике Уйгарак в Восточном Приаралье исследователи выделяют группу женских погребений, принадлежащих, видимо, служительницам культа. В них, в частности находятся миниатюрные каменные алтари, в том числе в виде столиков на четырех ножках. О достаточно высоком положении женщин в обществах ранних кочевников Центральной Азии можно судить не только по сообщениям о сакской царице Зарине или о повелительнице массагетов Томирис, конница которой разгромила основателя ахеменидской державы Кира. Во многих женских погребениях встречены части конской упряжи, свидетельствующие, что это были равноправные всадницы. Примечательна и находка в Кетмень-тубе золотой плакетки, воспроизводящей коленопреклоненную женщину с сосудом типа ритона, имеющим протому в виде фигуры козла.

Возможно, значительный сакский центр располагался и на берегу Иссык-Куля, как свидетельствуют работы, проведенные усилиями подводной археологии. В числе находок здесь имеются раннекочевнические удила, псалии и предметы вооружения. Особое значение имеют многочисленные каменные изделия, в том числе зернотерки и орудия, связанные, как показала их трасологическая оценка Г.Ф. Коробковой, с металлургией. Не исключено, что под воду ушел важный центр сакского общества, которое в основном известно по погребальным памятникам.

Есть основания полагать, что в сакском обществе существовали особые культовые центры, обрядовый инвентарь которых и представляют художественные бронзы Семиречья. Соответствующие обряды сопровождались ритуальными трапезами. Раскопки, производившиеся на месте обнаружения чильпекского клада, открыли долговременное кострище и

обломки керамических жаровен. При семантической трактовке художественных бронз обычно придают значение одному из двух аспектов – магическому или мифологическому, тогда как реально скорее всего они составляли неразрывное единство.

Все эти виды археологических памятников: и элитные монументальные гробницы, где погребения совершались с претенциозной роскошью, и художественные наборы ритуальных объектов из древних святилищ, – подчеркивают значение Семиречья как важного политического и идеологического центра сакского общества. Известно, что Геродот именовал скифские племена, тесно связанные со своими верховными владыками, «царскими саками». Возможно, мы имеем в данном случае дело со своего рода «царскими саками», величие которых нашло отражение в эпических преданиях о царице Зарине как устроительнице сакского общества. С точки зрения археологической систематики, семиреченские памятники, относящиеся к региональному типу культуры, который предлагается именовать сакским, можно было бы именовать иссыкской культурой по наиболее представительному памятнику, дающему комплексную информацию об обрядовой практике и разнообразию типов артефактов.

Другой группой археологических памятников, относящихся к сакскому региональному типу, можно считать могильники Тянь-Шаня и Алая. Репрезентативным памятником здесь является некрополь в котловине Кетмень-Тюбе, так что можно было бы говорить о кетменьтюбинской культуре, входящей в этот региональный тип. В перспективе детальный анализ типов артефактов позволяет ставить вопрос и о более дифференцированном культурном районировании. Такой анализ позволил К.И. Ташбаевой поставить вопрос о наличии трех локальных группировок: тяньшанской, алайской и собственно кетменьтюбинской. Специфической локальной чертой здесь является наличие расписной и крашенной керамики ферганского производства и, что особенно существенно, использование приема росписи для собственной лепной глиняной посуды, в частности, для кружек с одной ручкой. В кетменьтюбинской котловине раскапывался крупный могильник Джал-Арык. Курганные насыпи земляные, с панцирной обкладкой из крупных валунов. Как и в других сак-

ских некрополях крупные курганы здесь расположены цепочками. Могильные ямы имеют арчевые перекрытия. В мужских погребениях представлено оружие: железные кинжалы, наконечники стрел, чекан; в женских — зеркала и украшения. Сакская лепная керамика в большинстве своем круглодонная. Таковы чаши, горшки, кувшины грушевидной формы. Имеются и достаточно характерные для сакских комплексов кружки с петлевидными ручками. Вместе с тем, почти треть керамики составляют сосуды, сделанные на гончарном круге, явно доставленные из оседлых центров Ферганы. Ферганскими же влияниями следует объяснять и несложные расписные узоры на местной лепной керамике. Хотя большинство погребенных по антропологическому типу является европеоидами, ряд погребенных имеет и монголоидную примесь. Были освоены и нагорные долины внутреннего Тянь-Шаня. Погребения сравнительно бедные. Мало даже железных изделий. Представлена лепная расписная керамика, в том числе типичные одноручные кружки. Это касается и раннекочевнических погребений Алая, где имеются как грунтовые могилы, так и в отдельных случаях захоронения в каменных ящиках.

Особую территориальную группу образуют сакские памятники Восточного Приаралья, которые следует выделять в отдельный уйгаракский комплекс или культуру. Здесь исследованы два могильника VII—V вв. до н. э. — Уйгарак и Южный Тагискен. Подкурганные погребения в вытянутом положении с западной ориентацией следуют сакскому региональному культурному типу. Редкие отклонения на юго-запад и случаи кремации вместо ингумации не меняют резко общей картины. Имеются и погребения на древнем горизонте, подобно тому, как на древнем горизонте возводились бревенчатые гробницы Бешпатыра. Шесть могил, выделяющихся относительным богатством, имели, опять-таки следуя региональной сакской традиции, дромосы длиной в 5–12 м. У ямных погребений были перекрытия из балок или ветвей, поверх которых укладывался слой камыша.

Оружие представлено наконечниками стрел, достаточно разнообразными, бронзовыми и железными кинжалами. Имеются и длинные железные мечи, в чем исследователи

склонны усматривать проявление связей с савроматами Предуралья, где было популярно такое оружие. В составе керамики наряду с местной лепной посудой, в том числе одноручными кружками, представлены и сосуды, выполненные на гончарном круге — явный импорт из зоны южных цивилизаций, как это уже наблюдалось в Иссыке и в массовом порядке представлено в Кетмень-Тюбе. Из конской упряжи налицо удила со стремячковидными окончанием и роговые трехдырчатые псалии. К числу компонентов скифской триады принадлежат изображения животных на предметах конского убора и на нашивных бляшках. Это олень, лошадь, кабан, горный козел и кошачьи хищники, в том числе, что достаточно показательно, львы. О восточном направлении связей свидетельствуют монголоидные черты, представленные в черепках женских погребений. Одно погребение, судя по инвентарю, принадлежит мастеру-металлургу.

К позднесакскому времени, скорее всего к IV—II вв. до н. э., относится и укрепленный центр городище Чирик-рабат, уже в ранний период своего существования имевшее обводные стены с прямоугольными башнями. Это явное проявление южной строительной традиции, своего рода наследие строителей мавзолеев раннего Тагискена, образующих могильник Северный Тагискен. Вместе с тем местная керамика еще довольно грубая и скорее всего кострового обжига. Прямо на городище располагался крупный курган, гробница которого имела, согласно сакской традиции, длинный дромос.

Несколько особое положение занимают раннекочевнические памятники Памира. Сюда рано проникли традиции скифской триады, как об этом свидетельствует один из курганов могильника Памирская I или Тамды. Здесь был обнаружен железный акинак и деревянный колчан с богатым набором стрел, в том числе с типичными бронзовыми наконечниками двухперыми втульчатыми и трехперыми с длинным черешком. Предметы искусства представлены нашивками на одежду с изображениями медведя и горного козла. Весьма архаичными являются удила и трехдырчатые псалии. Этот комплекс обычно датировали VI в. до н. э., но исследователь Аржана М.П. Грязнов предложил понизить эту дату до VIII—VII вв. до н. э. Вместе с тем, погребальный обряд необычен

для ранней сакской традиции по позе погребенного: он лежит на боку в скорченном положении. Это положение сохраняется и в памирских курганах более позднего времени, имеющих типичный раннекочевнический инвентарь. Перед нами безусловно воздействие древних местных традиций, восходящих к эпохе бронзы, так же как и временами встречающаяся подсыпка охрой. Поэтому памирский комплекс (культура Тамды?) трудно отнести к сакскому региональному типу, и действительно ряд исследователей предлагал видеть в ранних кочевниках Памира не саков, а другое население, проникшее сюда иными путями из Центральной Азии. Однако свидетельства античной географической традиции и другие соображения позволяют считать памирских кочевников саками, хотя и сохранившими глубокое своеобразие местных традиций. В курганах, относимых исследователями ко II в. до н. э. — III в. н.э., кости уже лежат в вытянутом положении.

Происхождение комплекса сакского типа имеет двуединый характер. На раннем этапе отчетливо выступают местные традиции, обуславливающие, в частности, черты локального своеобразия. К традициям местного бронзового века восходит обряд погребения в каменных ящиках, представленный в раннесакских памятниках Семиречья и на Алае. Местные традиции отчетливо выступают в уйгаракском комплексе, где погребальный обряд обнаруживает ряд черт, уходящих в местные традиции, выявленные в могильнике Северный Тагискен. Такие архаические черты не многочисленны, выявляются лишь в отдельных погребениях, но достаточно значимы. Таков прежде всего обряд кремации, господствовавший в мавзолеях Северного Тагискена. К этой же традиции восходят отдельные черты в небольшой, но отчетливо выделяющейся группе погребений на горизонте. Это следы столбовой конструкции, охватывающей захоронение двойным кольцом. Такой же прием отмечен и в нескольких могильных ямах, одна из которых имеет, как и один из семи тагискенских мавзолеев, овальные очертания. В этих ямах столбовые конструкции вдоль стен были устроены в пределах самой могилы.

Вместе с тем совершенно ясно, что скифская триада в раннесакских комплексах получила распространение как макрорегиональное явление, оформившееся скорее всего за

пределами распространения самих раннесакских памятников. Оленные камни, найденные в Семиречье, также являются местной репликой традиции, которая установилась в отдаленных от Семиречья областях Тувы и Монголии. Механизм распространения инноваций, помимо влияния общеэпохальной моды, соответствующей с новой эпохой степному образу жизни, был явно связан и с передвижением отдельных групп населения. Именно такими передвижениями объясняется, как отмечалось, появление монголоидной примеси в антропологических коллекциях из Уйгарака и Кетмень-Тюбе. Переход к подвижному скотоводству был отмечен, например, в Кыргызстане уже в эпоху бронзового века, как об этом свидетельствует могильник Арпа в местах сезонных горных выпасов стад. Движение к кочевничеству было для зоны евразийских степей своего рода глобальным явлением, обеспечивавшим быстрое распространение новых стандартов и эталонов.

Сформировавшееся на основе такого синтеза сакское общество, подобно другим раннекочевническим феноменам, стало мощным фактором в истории Старого Света. Импульсивное развитие, явный всплеск пассионарности, энергичная подвижность нового вида военной силы — вооруженных всадников — приводила к активному воздействию на южные цивилизации. Судя по косвенным данным, сакские походы или набеги в древневосточную зону могли совершаться уже в доахеменидскую эпоху, и поход Кира был своего рода ответным мероприятием. Именно южные контакты, южные эталоны, как бы они не попадали в сакский мир, мирным или немирным путем, способствовали распространению, например, образа льва в искусстве сакского общества. Примечательно, что в искусстве саков Приаралья образ льва был одним из наиболее устойчивых. Он представлен и на золотых тисненых пластинках, и на подпружных пряжках. Каноничные фигуры сидящих львов выполнены трафаретно и, видимо, мастером, который никогда не видел этих животных и следовал готовым образцам. Идущий лев, наоборот, воспроизведен более реалистично и вполне узнаваем. Этот более реалистичный вариант вызвал в свою очередь ряд подражаний, воспроизведенных в частности на бляшках от обрамления колчана. Об активности сакского общества свидетель-

ствует и эпическая традиция, переданная Ктесием, о сакмидийском противоборстве за главенство над областями Парфии. Это было начало мощного воздействия степного мира на южные цивилизации. С этой южной экспансией связано и прямое перемещение отдельных кочевых групп в зону оседлых оазисов, что положило начало новому после бронзового века витку культурного и этнического синтеза. Видимо, именно так формируется в Фергане акатамская культура. Появляются ранние, в том числе, видимо, и середины I тыс. до н. э. курганные могильники в Согде в долине Зерафшана. О том, что давление с севера на южные цивилизации продолжалось и после похода Александра Македонского, свидетельствуют как археологические материалы, так и косвенные свидетельства письменных источников. Число курганных захоронений в долине Зерафшана в это время увеличивается. Именно северная угроза, скорее всего и побудила Антиоха I оградить оазисы Маргианы со стороны пустыни специальной стеной. О реальности подобной опасности говорил и греко-бактрыйский царь Евтидем при переговорах с Селевкидами во время их восточной экспансии. Он прямо указывает на варваров, которые нависли над его границами, и, если Греко-Бактрия как некая преграда на пути этой агрессии падет, то положение всего южного цивилизованного мира станет небезопасным. Апогеем этого мощного воздействия для древнего мира были утверждение в Парфии династии Аршакидов кочевого происхождения, при которой это государство поднялось на уровень мировой державы, и поразившее эллинский мир крушение Греко-Бактрии с последующим утверждением там также кочевнической доминанты, завершившейся созданием другого великого государства этой эпохи — кушанского.

Собственно археология, изучающая памятники этих древних кочевников, при организации имеющихся материалов сталкивается с определенными трудностями. Письменные источники приводят имена целого ряда племен и племенных объединений кочевого мира, причем в этой информации встречаются западная, греко-римская, восточная и китайская традиции, сопоставление свидетельств и собственных имен которых порой весьма затруднительно. В области соб-

ственно артефактов своего рода эпохальным явлением стало распространение обычая устройства подкурганных могил кочевников в форме подбоев и катакомб. Попытки жестко сопоставить этот обряд с определенной этнической группировкой не дали положительных результатов. Видимо, упор придется делать на менее приметные детали погребального обряда, как то положение костяка, вариации ориентировки, характер и размещение погребального инвентаря. Однако нет полной уверенности в надежных положительных результатах такого подхода, поскольку в условиях постоянных передвижек, метисации и установления лидерства определенных группировок (что не могло не влиять на устоявшиеся традиции) картина становилась все более усложненной и мозаичной. Поэтому обычно древнекочевнические памятники Средней Азии рассматриваются по пространственным группировкам, в пределах которых предлагаются те или иные отождествления с народами и племенами, чьи имена известны по письменным источникам.

Эпицентром перемен в кочевом мире, затронувших и среднеазиатский регион, были глубинные области Центральной Азии, где складывались мощные военно-политические структуры, а их противостояние приводило в движение значительные контингенты вооруженных всадников, передвигавшихся вместе со всем племенным объединением. Как реконструируют некоторые исследователи, уже в V–IV вв. до н.э. юечжи, упоминаемые в китайских источниках в форме юйши и юйчжи, создали достаточно могущественное объединение, своего рода предтечу державы сюнну-хунну. Вероятно, их элите принадлежат богатейшие гробницы Пазырыка, как это, кстати, предполагал их первооткрыватель С.Н. Руденко. Потерпев поражение от поднимающегося нового военно-политического объединения хунну, часть юечжи, именуемая китайскими источниками Большие Юечжи, ушла на запад и в конечном итоге, повернув из Семиречья на юг, опрокинула греко-бактрийское царство, утвердившись на его землях первоначально на правобережье Амударьи. Одновременно в Семиречье в ходе этих событий передвинулись и племена усуней, частично потеснившие, частично, видимо, включившие в свой состав местные сакские племена. Поэтому соответствующий период в

истории Семиречья и Тянь-Шаня, ориентировочно со II в. до н. э. по V в. н. э., именуется усуньским.

Правда, надо признать, что характеристика усуньского общества в большей мере строится на свидетельствах китайских хроник, чем на данных археологии, где более осторожно следует говорить даже не об усуньских древностях, а о памятниках усуньского времени. Предполагается, что усуни и юечжи принесли с собой в Семиречье обычай погребения в катакомбах или в подбоях, сделанных в одной из стенок могильной ямы. Предпринимались даже попытки более жестко связать то или иное погребальное устройство с определенной этнической группой, но пока они остались малоэффективными. Видимо, племенная структура и соответствующие традиции были достаточно разнообразны и, как правило, сосуществовали. Детализированная классификация для усуньского времени выделяет 12 вариантов различных погребальных сооружений.

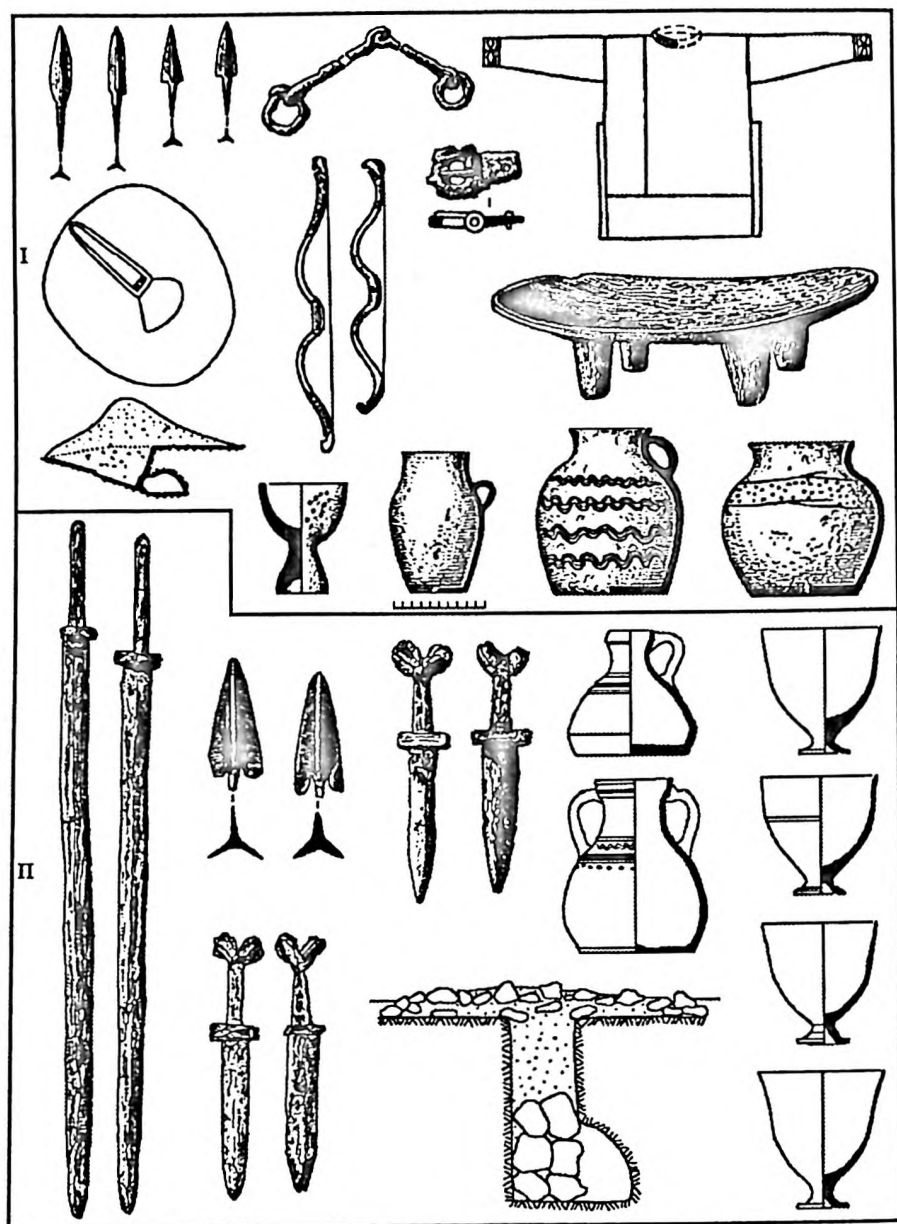
В раннеусуньское время преобладают грунтовые подкурганые захоронения с ориентацией погребенных, как и в сакские времена, на запад или северо-запад. Эти курганы часто имеют в основании каменную кольцевую обкладку. Курганы расположены небольшими цепочками по 5–6 насыпей в каждой. Имеются и крупные насыпи диаметром в 50–80 м при высоте в 8–12 м. Как правило, они тщательно ограблены, но даже сохранившиеся вещи: золотые бляшки от одежды, золотые серьги, бронзовые зеркала, деревянные шкатулки, — свидетельствуют об определенной состоятельности элиты этого времени. На территории Кыргызстана к этой поре относится Чильпекская группа памятников с курганами, содержащими погребения в ямах. Из специфических типов артефактов следует назвать бронзовые булавки, увенчанные фигурками птиц. Керамика лепная с использованием матерчатого шаблона почти вся круглодонная. Из форм отмечены чаши, миски, горшки. Иногда встречаются деревянные столики. В Талгарском могильнике стены могильных ям выложены камнем, а сами ямы перекрыты бревенчатым накатом. В одном богатом захоронении найдены золотые бляшки, напивавшиеся на красную кожу. Золотые бляшки, в том числе одна, изображающая всадника в плаще, обнаружены в богатой могиле в могильнике Тенлик. Яркий материал дало погребение в Каргалы, где была захоро-

нена женщина, видимо, связанная с отправлением культовых обрядов, почему ее часто именуют шаманкой. Из числа найденных здесь 300 золотых предметов многие имеют инкрустацию из бирюзы. Сложный сюжет воспроизведен на диадеме, которую в настоящее время исследователи склонны датировать II в. до н. э. — I в. н. э. В ряде мест обнаружены поселения усуньского времени с невыразительными глинобитными конструкциями в равнинных районах и каменными постройками в горных местах. Наличие таких поселений, как и находки зернотерок, свидетельствуют о каком-то развитии земледелия, хотя китайские информаторы, освещающие, правда, раннеусуньское время, описывают усуней, в первую очередь, как кочевников. Правда, сообщается, что ставка владельцев усуней находится в поселении Чэгу, которое, судя по примененному термину, должно было иметь обводные стены. По одному из предположений это поселение, древний усуньский центр, находилось в иссыккульской котловине, и с ним связаны некоторые древности, извлекаемые в ходе подводных археологических исследований. Позднеусуньские могильники характеризует уже бессистемное расположение курганных насыпей.

Особое положение в археологии древних кочевников Семиречья занимает комплекс Кенкол в долине р. Талас. Здесь большинство курганов имеют длинный дромос и катакомбную погребальную камеру (рис. 15, I). Погребения производились на деревянных ложах или в гробах. Инвентарь достаточно разнообразен. Мужчины снабжены оружием: железными мечами, кинжалами, стрелами с железными и костяными наконечниками. Имеются луки с костяной обкладкой. Керамика не похожа на усуньскую. Сосуды плоскодонные, иногда имеют процарапанный волнистый орнамент. Многие из сосудов сделаны на гончарном круге. Неплохо сохранились деревянные изделия: чаши, тарелки, кружки и кувшины. Найдены и плетеные корзины. Обнаружены бронзовые китайские зеркала, много деревянных изделий, в том числе низкие столики. Особенно интересна сохранившаяся одежда: штаны и шелковые рубашки со стоячим воротником и рукавами, отделанными узорчатым шелком.

Примечательно, что многие черепа имеют отчетливые черты монголоидной примеси. Открывший этот могильник

РНС. 15. Комплексы древних кочевников:
I — типа Кенкол; II — типа Аруктау.

А.Н. Бернштам связывал его с движением хунну, тем более что имеются свидетельства о западном походе одного хуннского предводителя в I в. до н. э. Однако кенкольский комплекс имеет мало общего с памятниками сюнну-хунну, известными в их метрополии, в том числе и в погребальном обряде. Сейчас в долине Таласа выявлено несколько таких могильников, которые ориентировочно датируются в пределах I–V вв. н. э. При некоторой поспешности эффектной гипотезы А.Н. Бернштама не приходится отрицать явный восточный компонент в этих материалах, скорее всего связанный с племенными перемещениями.

Характерной чертой времени древних кочевников является массовое распространение их могильников в зоне древних цивилизаций в Бактрии, Согде и Хорезме. Несколько достаточно обширных могильников древних кочевников исследовано на территории Бактрии. Весьма тщательные изыскания провел на Тулхарском могильнике А.М. Мандельштам, где им раскопано более 200 курганов. Наиболее западный из бактрийских могильников Бабашовский характеризуется каменными выкладками вокруг могилы, чаще всего округлыми, и подбоями в самой могильной яме, куда помещалось тело усопшего. Примечательно, что подбой закладывался не только камнями, но в отдельных случаях и сырцовым кирпичом, как материальным свидетельством тесного культурного взаимодействия с местными оседлыми традициями. Керамика, помещавшаяся в могилы, вся сделана на гончарном круге, то есть является продукцией гончаров-ремесленников, вероятно, из ближайших оседлых поселений. Таковы, в частности, бокалы, кубки и миски. Необычны для керамической традиции Бактрии сравнительно немногочисленные кружки с петлевидной ручкой – эта устойчивая форма кочевой среды начиная с сакских времен. Оружие, украшения и немногочисленные детали одежды, как, например, поясные пряжки, также восходят к степным эталонам. Из оружия следует отметить длинный железный меч, железные кинжалы и черешковые наконечники стрел – трехперые и трехгранные.

Сходную картину дают могильники, изучавшиеся в центральной группе памятников в Бишкентской долине, параллельной долине р. Кафирниган. Таковы могильники Арукта-

уский и Тулхарский. Здесь, правда, нет кольцевых обкладок. Захоронения совершались в подбоях, а могилы имели сверху небольшие каменные насыпи. В Тулхарском могильнике, за исключением одного единственного сосуда, вся керамика сделана на гончарном круге и принадлежит к числу ремесленной продукции. Это прежде всего кувшины, бокалы, миски и относительно редкие двояковыпуклые фляги. Последние зачастую встречаются в могилах среднеазиатских кочевников, но обычно преобладают формы, уплощенные с одной стороны. Типичным сочетанием для погребального инвентаря являются кувшин и бокал, возможно, как хранилище жидкого напитка и сосуд для его употребления (рис. 15, II). Здесь, так же как и в Бабашове, представлено железное оружие: длинные мечи, кинжалы и наконечники стрел — трехперые и трехгранные. Интересно, что и мечи, и кинжалы сохранили остатки деревянных ножен, окрашенных в красный цвет. Эта древняя традиция кочевой степи ведет свое начало по меньшей мере от погребения в Иссыке и представлена в курганных погребениях Согда. Необычной чертой для кочевого мира является помещение в рот монетных кружков, что абсолютно не характерно для безденежных кочевых обществ, но отмечено для погребальной традиции оседлых бактрийцев, видимо, позаимствовавших эту практику у эллинской обрядности. В Тулхарском могильнике таких монет четыре — три обола, чеканенных по типу монет Евкратида и один обол Герая. В другом могильнике Ксиров найдено шесть оболов, подражающих чекану Евкратида. Эти монетные находки позволяют, в частности, уточнить датировку могильников в пределах с конца II в. до н. э. и, видимо, до I века, скорее всего его начала, поскольку позднее уже начинается регулярный массовый выпуск монет кушанского типа.

Эти бактрийские могильники представляют собой устойчивый типологический и хронологический комплекс, что содействует решению вопроса об их идентификации со сведениями письменных источников. Совершенно ясно, что эти курганы оставлены кочевыми племенами и их наследниками, сокрушившими Греко-Бактрию и установившими первоначальное политическое господство на правом берегу Амударьи, распространив его позднее и далее на юг. Таких племен

античные авторы в одном перечне называют четыре (асии, пасианы, тохары и сакарваки), в другом — только два (асианы и сакарваки). О сопричастности к Бактрии именно тохаров свидетельствуют и более поздние географы, помещая эту народность именно в Бактрию, а также средневековая традиция, именующая Тохаристаном территорию, ранее именовавшуюся Бактрией. Китайские источники в целом говорят о юечжах как сокрушителях Греко-Бактрии. Видимо, осторожнее всего видеть по крайней мере в центральной группе могильников именно юечжей. Некоторые отличия в устройстве погребальных сооружений могильников Бабашова могут свидетельствовать о его принадлежности особой племенной группе, двигавшейся под юечжийским главенством.

Культурологически весьма важно отметить, что расположенные в бишкектской долине, бывшей, скорее всего местом зимнего выпаса стад, Тулхарский и Аруктауский могильники принадлежат скорее всего именно кочевому населению. Как справедливо отмечал А.М. Мандельштам, оружие, детали одежды, украшения указывают именно на кочевую среду центральноазиатских кочевников. Вместе с тем налицо и начальный этап акультуризации. Использование гончарной посуды не так показательно. Это отмечено и для курганных могильников многих областей, лежащих вне зоны урбанистических цивилизаций. Важнее факт использования сырцового кирпича для закладки могил. Еще более существенно такое новшество в погребальном обряде, как помещение в рот усопшему монет, обычай, который через бактрийскую среду в конечном итоге восходит к эллинским традициям. Вероятно, что сами кочевники все более включались в состав и городского населения. Показательно, что на Айртаме наряду с традиционными бактрийскими погребениями обнаружены и захоронения в могилах с подбоем. Позднее вчерашние кочевники уже полностью культурно ассимилируются, и, возможно, их потомки, приняв зороастрийские обычаи, захораниваются в наусах, как и сами бактрийцы. Как отмечают исследователи, в курганных могильниках Бактрии находки оружия весьма редки. Видимо, это уже не были воинственные всадники, а группы населения, мирно существовавшие в покоренной ими стране.

В отличие от Бактрии курганные могильники в Согде более многочисленны и охватывают достаточно значительный отрезок времени. Наиболее ранние, правда, раскопанные в небольшом количестве, относятся еще к середине I тыс. до н. э. Сами погребения устраивались или на древнем горизонте или в могильной яме. В одном случае, когда могила была не потревожена, налицо традиционное для сакских традиций положение усопшего в вытянутом положении головой на запад. В погребениях этого времени встречена керамика, сделанная на гончарном круге, характерных для городской культуры этого времени баночных форм.

Более многочисленны захоронения под курганными насыпями последующих периодов, изучавшиеся как в самаркандском, так и в значительных масштабах О.В. Обельченко в бухарском Согде.

В бухарском Согде это группа погребений, относимая ко II в. до н. э. — I в. н. э., то есть одновременная юечжийским могильникам Бактрии. Датировку этой группы погребений в бухарском Согде помимо аналогий вооружения с сарматскими памятниками подкрепляют находки в двух курганах монет. В одном случае это тетрадрахма последнего греко-бактрийского царя Гелиокла, в другом — местная монета, чеканенная в подражание эмиссии греко-бактрийского правителя Евтидема. Эта монета принадлежит к чекану, центром которого был скорее всего именно бухарский Согд, где такие монеты встречаются в первую очередь. Как и в Бактрии, здесь представлено даже в несколько большем количестве оружие из железа: длинные двулезвийные мечи, более редкие кинжалы и наконечники стрел, трехгранные черешковые с оттянутыми жальцами. От деталей одежды сохранились части поясного набора и в их числе две ажурные пряжки с изображением верблюда, терзаемого тигром. Имеется и часть костяной пластины, на которой выгравирован пеший воин. Погребения совершались в подбоях, но иногда и в катакомбах.

Несколько катакомбных могил исследовано в самаркандском Согде в Орлатском могильнике, изучавшемся экспедицией Г.А. Пугаченковой. Среди курганных насыпей имеется одна достаточно крупная, высотой в 20 метров при пятидесятиметровом диаметре, уменьшившемся за счет обкопки насыпи.

Раскапывались достаточно рядовые, судя по размерам насыпи (до 30 м), курганы. Все могилы катакомбные. Вход в катакомбу нередко заложен сырцовым кирпичом стандартного для урбанистического Согда формата – 40 x 40 x 10 см. Определенная адаптация к строительной практике оседлого населения отмечена в катакомбе, чьи стены были обложены сырцовым кирпичом. Почти при всех погребениях имеются длинные двулезвийные мечи, причем сохранились части ножен, обтянутых красной тканью – традиция, представленная в Тулхаре и восходящая к сакскому времени. Такие же ножны имели и более редкие кинжалы. Наконечники стрел достаточно типичные: черешковые трехперые с оттянутыми жальцами. Из керамики встречены фляги, уплощенные с одной стороны, и сделанные на гончарном круге кувшины. Как и в бухарском Согде, в курганах найдены костяные изделия с художественной резьбой. Эти костяные пластины были либо нагрудными украшениями, либо накладками на колчан. Две из них достаточно крупные украшают целые сдены, выполненные художником с незаурядным мастерством. На одной из них изображены четыре пары сражающихся воинов, облаченных в тяжелые доспехи (рис. 11). На другой три всадника охотятся на диких животных: один преследует двух архаров, другой – трех косуль и третий – трех куланов. Аналогии предметов вооружения позволили отнести орлатские курганы ко времени II–I вв. до н. э.

В бухарском Согде изучены и курганные погребения, условно относимые ко времени II–IV вв. н. э. и, возможно, даже к более позднему времени. Здесь встречаются как подбои, так и катакомбы. Есть и захоронения и в дощатых гробах, скрепленных железными скобами. Инвентарь в этих захоронениях немногочислен, в частности почти отсутствует оружие. Видимо, это были не воинственные антагонисты, а часть согдийского населения, придерживающаяся старых погребальных традиций своих предков, которые культурно, а, вероятно и хозяйственно, были интегрированы в состав согдийской народности.

Едва ли приходится сомневаться в том, что появление на границах Согда, да и в самой гуще оседлых оазисов, курганных могильников связано с движением кочевников, которое

подхлестнуло наступление юечжей на среднеазиатское междуречье. Вполне вероятно, что в могилах с подбоем, так похожих на тулхарские, можно видеть погребения одного из юечжийских племен. Вместе с тем в бактрийских курганных некрополях нет катакомбных захоронений и встреченные в Согде курганы с таким устройством могил принадлежат скорее всего иным племенным группам, продвинувшимся вместе с юечжийским нашествием. Г.А. Пугаченкова, исходя из того, что наиболее близлежащие могильники с катакомбами лежат в ташкентском оазисе, отождествляемом с метрополией Кангюя и, имея в виду косвенные свидетельства китайских источников о продвижении кангюйцев на юг, считает орлатские курганы принадлежащими именно кангюйцам и в изображениях на пластинах видит кангюйских воинов и охотников. О.В. Обельченко, опираясь на аналогии с материалами Нижнего Поволжья и Южного Урала, наоборот, готов видеть в кочевниках, оставивших согдийские курганные могильники, племена сарматского мира. Скорее всего о сарматских аспектах следует говорить лишь в самом общем плане, тогда как более реальны привязки к близким племенным группировкам.

Памятники кочевого типа известны и на периферии другой среднеазиатской цивилизации — Хорезма. Соответствующее население проживало здесь достаточно стабильно, о чем свидетельствуют и наличие поселений, хотя постройки на них достаточно примитивны — землянки и каркасные строения. Исследователи поэтому предпочитают говорить даже не о кочевниках, а о скотоводах, стационарно располагавшихся на периферии хорезмийских оазисов. Наиболее благоприятные природные условия в этом отношении были на амударьинском левобережье, особенно в Присарыкамышье. К середине I тыс. до н. э. здесь относится культура, названная куюсайской. Вытянутые погребения под небольшими курганными насыпями близки сакской традиции, и вся культура явно тяготеет к сакскому культурному миру. Наряду с лепной керамикой местного изготовления имеется и импорт из оседлых областей, даже из такой сравнительно отдаленной, как культура архайского Дахистана в юго-восточном Прикаспии. Позднее ремесленную посуду доставляли гончары хорезмийских ремес-

ленных центров. Воздействие этих центров сказывается и весьма примечательным образом: в курганных насыпях появляются захоронения в сосудах, как их называют исследователи Хорезма – сосудах-оссуариях. Считается, что такой обряд получил распространение с V в. до н. э. По существу это такое же воздействие на среду кочевников-скотоводов культурных стандартов оседлых оазисов, как и монеты-оболы в юечжийских погребениях Бактрии. Здесь даже проявилась более кардинальная трансформация при сохранении самой идеи курганной насыпи. Считается, что в это время в поселениях Хорезма распространяется оссуарный обряд погребения, связанный с зороастрийскими верованиями и ритуалами.

В первых веках нашей эры, а, может быть, и чуть раньше, появляются курганные захоронения с подбоями и катакомбами, что представляет собой явную параллель с процессами, наблюдаемыми в Согде и в Бактрии. Учитывая некоторые отличия от эталонного Тулхарского могильника, Б.И. Вайнберг полагает, что эти погребения оставлены юечжийской группой, но не той, которая в Бактрии дала кушанскую династию, и, так же как и О.В. Обельченко, говорит о связях с сарматским кругом племен. Продвижение кочевнических групп в Хорезм в юечжийское время могло иметь для местной цивилизации и политические последствия, когда верховная власть переходит к лидерам пришельцев. В этом отношении очень существенно, что на хорезмийских монетах, дающих хорошую генетическую линию от изначальных подражаний греко-бактрийской эмиссии, рано появляется характерная тамга, отличная от кушанской, и затем прочно устанавливается как официальный тип обратной стороны монет образ государя-всадника.

В культурогенезе, связанном с миром ранних и древних кочевников следует различать две линии. Одна представлена в зоне их стабильного естественного обитания, важнейшим центром которого издревле было Семиречье. Здесь налицо формирование устойчивых культурных традиций, передающихся из поколения в поколение и дающих себя знать много столетий спустя после их формирования. Вместе с тем спонтанная трансформация здесь представлена лишь на ограниченных временных отрезках. Импульсивный динамизм частых передвижений и перемещений значительных масс

населения приводил к постоянной смене и симбиозу казалось бы устоявшихся стабильных установлений. Неизменными оставались лишь связи с оседлыми цивилизациями в форме получения оттуда конкретных наборов материальных объектов и некоторых интеллектуальных новаций. Но эти явления не приводили к процессу стимулированной трансформации, они не затрагивали основных компонентов культурного комплекса, восходящего к степному образу жизни. Второй аспект — это взаимодействия кочевых обществ и оседлых цивилизаций в условиях продвижения первых в зоны традиционной оседлости и установления там, как правило, политического лидерства. Это служило началом активнейших процессов культурных взаимодействий, в которых устойчивые стандарты урбанистических культур постепенно ассимилировали пришлые группировки, оставляя за ответными воздействиями, если иметь в виду одну материальную культуру, сравнительно узкую сферу одежды, оружия и украшений. Вместе с тем сам исторический синтез имел более значительные масштабы. Огромный пассионарный потенциал, приведший пришельцев в процветающие города из глубин Азии, в процессе взаимной ассимиляции, в том числе этнической, играл огромную роль в общем динамизме. Именно такое взаимодействие двух культурных миров дало впечатляющие результаты в кушанской державе и государстве Аршакидов, чьими усилиями, хотя и при колоссальных потерях на линии Месопотамии, была остановлена агрессия римских полководцев и императоров, неизменно мечтавших повторить подвиги Александра Македонского, дошедшего до Бактрии и Индии.

Литература:

- Акишев К. А.* 1978. Курган Иссык: Искусство саков Казахстана. — М.: Искусство.
- Акишев К. А., Г. А. Кушаев.* 1963. Древние культуры саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата.
- Бернштам А. Н.* 1952. Историко-культурные очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА. № 26.
- Вишневская О. А.* 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. ТХАЭЭ. Т. VIII.

- Грязнов М. П. 1980. Аржан. Царский курган раннесакского времени. – Л.: Наука.
- Зима Б. М. 1941. Иссык-Кульские жертвенники. Фрунзе.
- Кочевники на границах Хорезма. 1979. ТХАЭЭ. Т. XI.
- Литвинский Б. А. 1972. Древние кочевники «Крыши мира». М.
- Мандельштам А. М. 1966. Кочевники на пути в Индию. МИА. № 136.
- Массон В. М. 1998. Древние кочевники Азии: общие черты развития // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы. С. 89–95.
- Обельченко О. В. 1992. Культура античного Согда. М.
- Пугаченкова Г. А. 1989. Древности Мианкаля. Ташкент.
- Степная полоса азиатской части СССР в скифско-сарматскую эпоху. 1992. Археология СССР. – М.: Наука.

Полито́генез дре́внекочевнических обществ и политическое наследие

1. Одним из важнейших феноменов и факторов исторического процесса является культурное наследие. Достаточно широкое и обобщающее понятие «культурное наследие» включает в себя и многочисленные материальные проявления, и менталитет, определяющий нравственные нормы и ценностные ориентации, и различные, устойчивые традиции в художественной, социальной и политической жизни. Соответственным образом можно говорить о разных формах культурного наследия, начиная с наследия лингвистического. Одной из таких форм является политическое наследие. Для анализа политики, этимологически характеризующейся с греческого как государственные дела, важно рассмотрение отношений между различными общественными структурами и организационными формами, в которых это взаимоотношение осуществляется. Собственно государству, как сложной машине

управления, предшествовал длительный период формирования соответствующих составляющих, в целом условно именуемый государственностью. Само изучение этого процесса удачно укладывается в рамки понятия политогенез.

2. Формы политогенеза представлены двумя основными вариантами – организационно-управленческим и военно-аристократическим. Функции организационно-управленческого и военного лидерства порой персонифицировались в одном лице или в одном общественном органе. Но доминанта той или иной функции накладывает зримый отпечаток на все развитие данного общества. Исключительную значимость организационно-управленческая функция приобретает в оседло-земледельческих обществах, требующих строгого регулирования общественно-организованного труда, особенно в условиях поливного земледелия. Для военно-аристократического пути политогенеза показательным значение войны в жизни общества, что, прежде всего, заметно по установлению особого статуса воинов. Военная функция лидера, опирающегося на преданную дружину, прообраз будущих вооруженных сил, стимулирует процесс политогенеза, институализацию власти. В исходных формах доминировали процессы самоуправления, но затем все более четко идет структурализация управленческих процессов. Выделяются особо значимые структуры, организационно обособляющиеся от общества. Происходит знаковое обеспечение этих структур на поведенческом и бытовом уровне. Генетически такие явления восходят к почтительному и уважительному отношению к старейшинам. Это видно на примере элитных погребений поры активного политогенеза. При этом существенно не просто наличие богатых гробниц, а особая полифункциональная значимость погребенных лидеров. Это подчеркивалось специфическими группами погребального инвентаря, отражая функции военного лидерства, организатора культовых действий, организатора производства.

3. Для территории Кыргызстана есть основания говорить о нескольких пластах культуругенеза, трансформирующихся, иногда даже с деструкцией с учетом ритмов культуругенеза, как антитезы упрощенному подходу формационного эволюционизма. Так, достаточно определенно можно говорить о культурном пласте, характеризуемом комплексами типа степной бронзы, связанными со степным образом жизни. В Кыргызстане располагался один из центров обширного блока культурного наследия степной зоны Евразии поры палеометалла, протянувшегося от Молдавии до Монголии. К этой поре восходят истоки политогенеза, развивающегося по военно-аристократическому пути. Об этом свидетельствуют гробницы военной элиты Южного Приуралья, в которых захоронены воины, вооруженные боевыми топорами, копьями и луком со стрелами, передвигавшиеся на легких двухколесных колесницах. Судя по всему, это было олигархическое общество без четкого утверждения социально-политической системы суперлидеров. О том, что это было широко распространенное явление, свидетельствует нахождение у Пенджикента богатой гробницы с псалиями коней, запрягавшихся в такие колесницы. Находки в Кыргызстане боевых топоров и копий бронзового века свидетельствуют о наличии здесь сходных общественных процессов.
4. Кардинальный качественный скачок в степной зоне произошел в пору перехода к всадничеству и массовому подвижному скотоводству или к номадизму в собственном смысле слова. По социологической значимости этот скачок сопоставим с так называемой городской революцией в оседлой зоне, заложившей основы формирования первых цивилизаций и соответствующих им государственных структур. Интенсивные процессы протекали в сфере политогенеза, где активно шло превращение архаического общества в структурируемую политическую систему, возглавляемую лидером или суперлидером. Шло формирование государственности и протогосударственных образований как предтечи кочевых империй.

5. Для Семиречья и Тянь-Шаня можно говорить о развитии политического наследия, формировавшегося в сакскую и усуньскую эпохи. Знаковое обособление лидеров на бытовом и поведенческом уровнях по имеющимся материалам ярко проявляется в распространении элитных гробниц. Знаменитые некрополи Пазырыка и Аржана располагались в своего рода заповедных зонах, в глубине гор, на окраине Великой степи. В Семиречье и на Тянь-Шане, судя по материалам археологии, сформировалась региональная культура скифской эпохи, которую с полным основанием можно именовать сакской, даже с уточнением самоназвания как саки-тиграхауда – носящие, как и современные, и енисейские кыргызы остроконечную шапку. Здесь представлены монументальные гробницы с масштабными насыпями, требующими применения массового организованного труда, направляемого управленческими структурами (Иссык, Басштыр, ряд курганов Северного Кыргызстана). Парадное оружие в кургане Иссык подчеркивает военную функцию лидеров. В условиях доминанты в обществе энергичных конных воинов и постоянных военных противоборств военно-аристократический путь политогенеза становится доминирующим. Характерные для Семиречья находки культовой триады в виде жертвенных столиков, светильников и котлов для коллективных трапез указывают на развитие функции культового лидерства, будь это особая жреческая каста или лидер полифункционального действия. Главу саков-тиграхауда, плененного Дарием, древнеперсидские тексты называют «наибольшим» (мапишта). Когда лидером политогенеза в центральноазиатском регионе становится кочевая империя хунну-сюнну, одновременно формируются политические образования сходного облика, хотя и не столь значительные. Одним из них было объединение усуней. Мы знаем местный титул усуньского суперлидера – «гуньмо». Перипетии престолонаследия, сообщаемые китайскими хрониками, свидетельствуют, что здесь налицо большие сложности с четкой регламентацией вопросов престолонаследия. Это, кстати, было

одной из причин внутренней слабости и кочевых империй хунну, тюрок или суперимперии Чингизхана. Сакская и усуньская эпохи дают, таким образом, четкие образцы политогенеза как составляющих частей политического наследия. Судя по всему, структурированной системой более высокого ранга было государственное объединение енисейских кыргызов с начатками бюрократической организованности. Как и другие виды культурного наследия, которые в процессе исторического развития, наряду с прямолинейной преемственностью, являют яркие образцы стагнации и даже деградации, политическое наследие на уровне микроизменений подвержено тем же колебаниям. Однако на уровне макроизменений эти проявления пунктуализма явно уступают место картине градулистического развития.

ДРЕВНЯЯ ФЕРГАНА И ДРЕВНИЙ ОШ

Древний Ош:

Перспективы и задачи исследования¹

В жизни цивилизованных государств XX века важное значение имеет познание и использование богатого культурного наследия обитавших здесь народов и племен. Разумное использование различных культурных традиций поднимает планку уровня современной культуры, делает ее богаче и разнообразнее. В этом немалую роль играют и памятные даты, способствующие как концентрации общественного внимания, так и сосредоточению исследовательских сил (и реализации их разработок) на отдельных направлениях. В этом отношении решение руководства Кыргызстана о проведении памятной даты, связанной с культурным и археологическим наследием города Ош является весьма важным и перспективным.

Город Ош традиционно является выдающимся экономическим, культурным и интеллектуальным центром Южного Кыргызстана, да и всей Ферганской долины. Судя по археологическим изысканиям, проведенным Ю.А. Заднепровским, у его истоков стояла функция культурного и идеологического центра, формирующегося вокруг выразительного горного массива Сулейман-Тоо, воспринимаемого в народной традиции как Трон Сулаймана. На его склонах открыто террасно расположенное поселение бронзового века, относя-

---

¹ Первая публикация: *Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. 1998. Вып. 1. Изучение древнего и средневекового Кыргызстана.* — Бишкек: Мурас. С. 3.

щеся к чувстской культуре, памятники которой широко распространены в Ферганской долине, в том числе и в Ошском оазисе. Высокий процент парадной расписной керамики выделяет это поселение по сравнению с другими памятниками чувстской культуры. Уникальными являются и изображения в этой росписи козлов, явно связанные с анималистическими культами, которые вообще кроме Ошского поселения нигде неизвестны на памятниках чувстского круга. Обнаруженные на утесах Сулейман-Тоо наскальные рисунки частично также восходят к весьма ранней эпохе. Есть основания считать, что здесь был культовый центр, который служил местом обитания служителей культа. Скорее всего здесь надо искать начало развития Оша как важного культурного центра. Серия радиоуглеродных анализов органических материалов, осуществленных радиоуглеродной лабораторией Института истории материальной культуры Российской Академии наук, подтверждает датировку этого памятника началом I тыс. до н. э., если даже не более ранним временем.

Последующая динамика развития поселения, судя по всему, связана с перемещениями его нуклеарной части подобно тому, как это было в выдающемся центре городской культуры Востока — древнем Мерве. Археологические изыскания могут позволить выявить слагающие компоненты формирования здесь урбанистических начал и городской культуры. Высокой степени эти процессы достигли в первые века нашей эры, как об этом свидетельствуют новые раскопки городища Ак-Буура, где обнаружена превосходная керамика кушанского типа. Видимо, Ак-Буура была одним из городков древнеферганской цивилизации Давань, как именовали местное государство китайские источники. Фергана вовлекалась в систему международных трансматериковых связей, известных в современной литературе как Шелковый путь, по которому шел активный процесс развития экономических, культурных и интеллектуальных взаимодействий, в частности, продвигался в направлении Китая и Японии буддизм, как выдающееся достижение идеологии Востока.

В дальнейшем археологические материалы все более смыкаются со свидетельствами письменных источников, характеризующих Ош как один из крупнейших городов Ферганской долины. Ош и Ошский район были в XI веке важным политическим центром западного каганата династии Караханидов, чьи мавзолеи в Узгенде являются выдающимся памятником средневековой архитектуры Центральной Азии. В XV веке Ош стал любимой резиденцией последнего тимурида Бабура, знаменитого основателя династии Великих Моголов Индии. Намечаемая программа научных, в том числе археологических исследований Ошского региона будет способствовать более полному освещению его прошлого и его древней и средневековой культуры. Вместе с тем, предполагается, что эта программа будет носить достаточно широкий характер, способствуя, в частности, публикации огромных материалов по культурному, в том числе, археологическому наследию народов Кыргызстана, лежащих нереализуемым грузом в музейных фондах и хранилищах, а порой и в частных коллекциях. Ученые Кыргызстана уже опубликовали немало статей и монографических работ, делающих эти материалы, как и результаты новых полевых исследований, достоянием научного социума, да и широкой общественности. В современные, непростые времена этому оказывают посильное содействие различные фонды, акционерные общества, деловые проекты. С использованием этих возможностей следует надеяться, что программа Ош-3000 станет объединяющим государственным стержнем этой большой и важной работы.

Урбанистические процессы В среднеазиатском регионе и ферганские городские центры²

Урбанизация и связанные с ней процессы являются важным феноменом эпохи сложных обществ, которые по схеме, декларируемой историческим материализмом, характеризуются как классовые. Жесткая детерминированность понятия «класс» и особенно политизированная привязка к нему понятия «классовая борьба» в последние годы вызывает негативное отношение к подобному подходу. Хотя, разумеется, нет никаких сомнений в том, что общества имели сложную социальную структуру, где были социальные противоречия и конфликты. В принципе здесь различия идут не на содержательном, а на понятийном уровне. Например, по известной схеме М. Фрида выделяются три этапа развития общества – общество эгалитарное, общество ранжированное и общество стратифицированное (Fried, 1967).

Наиболее общая характеристика города определяет его как место концентрации населения: производственного, культурного и интеллектуального потенциала. Важное значение имеют и функции, выполнявшиеся соответствующими центрами. Во многом базовой для города и генетически наиболее ранней является функция центра сельскохозяйственной округи, по отношению к которой город выполняет свои регулятивные функции. К числу иных функций городских центров относятся функции торговая, ремесленная, военно-административная и другие.

Урбанизацию следует рассматривать и как определенный культурный процесс. Формирование и развитие городов вызвало к жизни целый комплекс культурных, социальных и психологических явлений, которые в целом определяют и саму урбанизацию. Важнейшим проявлением процесса урба-

---

² Первая публикация: *Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. 1999. Вып. 2. Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. — Бишкек: Мурас. С. 4–6.*

низации стала градостроительная деятельность. Происходит также утверждение нового, городского образа жизни и изменение социопсихологического контекста. Возникнув как концентрация пассионарности (в том смысле, который Л.Н. Гумилев придает активной части популяции), город стимулирует различные виды активности, в том числе и предпринимательскую деятельность. Складывается особый психологический тип предпринимателя, особенно характерный для западных цивилизаций, происходит актуализация ценностных ориентации этого типа личности. Резкие усиление получили тенденции к стандартизации культуры и культурной ассимиляции.

Средняя Азия является регионом, где процессы урбанизации, начиная с весьма раннего времени, во многом определяли особенности культурного развития, оказывали определенное воздействие на характер и эволюцию социально-экономических структур. Активные археологические исследования позволили наметить две эпохи ранней урбанизации – древневосточного типа, приходящуюся на эпоху бронзового века, и классическую древнюю, когда в условиях заметного воздействия эллинских нормативов разворачивалась активная политика централизованного градостроительства, и нормы городского образа жизни определили весь облик древних обществ (Массон, 1973). Интенсивные археологические изыскания доставили впечатляющий новый материал для характеристик процессов урбанизации в засырдарьинских областях, начиная с поры раннего средневековья (Байпаков, 1986; Буряков, 1983).

Естественно процессы урбанизации были интегральной составляющей развития всего общества в целом, и в этом отношении сами выделяемые эпохи урбанизации достаточно примечательны. В историографии советского времени исторические периоды обычно рассматривались как эпохи двух социально-экономических формаций – рабовладельческой и феодальной. Как уже приходилось отмечать, сам по себе подход к исторической периодизации с позиций выделения социально-экономической специфики является одним из возможных. Другое дело, что ему был придан детерминистский характер, что позволяет говорить о своего рода формационном эволюционизме, когда стадии носили обязательный

характер: за первобытным строем следовала рабовладельческая формация, далее феодальная и капиталистическая (Массон, 1996). Между тем, в реальной истории, на конкретном уровне отдельных обществ и регионов были своего рода замедления, упадки и даже «шаги назад», что отражало своего рода ритмы, особенно заметные в сфере культурогенеза. Однако само существование крупных исторических эпох едва ли может вызвать сомнения.

В этом отношении в Средней Азии достаточно отчетлива эпоха, ранее именовавшаяся временем рабовладельческой формации, и вполне отвечающая понятию «древности» в подходе И.М. Дьяконова. В подготовленном по его инициативе трехтомнике истории древнего мира (История древнего мира, 1989) выделяются три большие эпохи: ранняя древность, расцвет древних обществ и упадок древних обществ. Нетрудно видеть, что первый период урбанизации Средней Азии, приходящийся на эпоху бронзы, стадияльно соответствует поре ранней древности, хотя в Средней Азии поступательное развитие общества было прервано на подступах к формированию полноценных государственных систем месопотамского типа. Второй период урбанизации древней Средней Азии полностью соответствует эпохе расцвета древних обществ, тогда как перепад в урбанистическом развитии, проявляющийся в IV–V веках н. э., — это время упадка древних обществ по системе И.М. Дьяконова. Что же касается социальной структуры, то не входя в подробные рассуждения, отмечу, что для основной страты «необщинников» наиболее адекватен термин того же И.М. Дьяконова «подневольные работники рабского типа» (см. подробнее: Массон, 1979 а). Подобная эпохальная разница видна и на характере урбанистических процессов. Они четко фиксируют и периоды перепадов, в частности того, что ранее прямолинейно называлось временем «кризиса рабовладельческого общества».

Общие процессы урбанизации среднеазиатского региона проявились и на ферганских материалах. Фергана занимает окраинное положение в системе урбанизированных обществ Средней Азии, находясь на рубежах контактной зоны с кочевым миром евразийских степей с их специфическим хозяй-

ственным укладом, политическими традициями и менталитетом. Это, в частности, определяло особую значимость для Ферганы трансрегиональных культурных связей.

Другая особенность Ферганы связана с характером ее политических центров, привязанных к определенным городским организациям. Эти центры носили мигрирующий характер, как это, например, наблюдается в Хорезме. Там древней, доарабской столицей был Кят (а до него, возможно, Топраккала). Позднее при Мамунидах центр перемещается на амурдарьинское левобережье в Ургенч, а затем опять переходит на правый берег в Хиву. Таковы же судьбы общеферганских центров. Не касаясь древнего, даваньского периода можно заключить, что в пору арабского завоевания столичным центром был Касан, в X веке главным городом считался Ахсикет, а в XIII веке монгольские правители Хайду и Тува основали столицу – Андижан. С 1709/1710 г., когда Шахрух образовал новое независимое владение, центром стал Коканд, бывший до этого небольшим городком (Бартольд, 1963).

При рассмотрении урбанизации как культурного процесса весьма важно распространение новых культурных стандартов и эталонов, связанных с новым образом жизни и меняющимся менталитетом. С этих позиций в истории Ферганы можно выделить три больших периода – период предурбанизационный, когда накапливался соответствующий потенциал, период древней урбанизации и период урбанизации средневековой. При этом два последних характеризуются активными культурными связями и проявлением интеграционных процессов, типичных для данных эпох.

Как и в ряде других областей Средней Азии в Фергане, в отличие от степного мира севера, исходным пластом урбанизационных процессов стало раннеземледельческое общество. Оно представлено памятниками чустской культуры. Их высокая концентрация в восточной части Ферганы свидетельствует об интенсивных демографических процессах, происходящих именно в восточных районах. Здесь же расположен и основной центр чустского племенного объединения Дальверзин, где отмечено и развитие архаической фортификации. Судя по раскопкам на чустском поселении на склонах горы Сулайман-Тоо, на территории г. Ош располагалось поселение

начала I тыс. до н. э., отличавшееся богатством материальной культуры и прежде всего количеством расписной керамики. Уникальными являются изображения в росписи на сосудах фигур козлов, явно связанных с анималистическими культами. Не исключено, что ряд наскальных изображений на склонах горы относится к этому времени. Можно предполагать, что Ошское поселение как важный культурный центр, возможно, даже служит местом обитания служителей культа. Скорее всего здесь надо искать начало развития Оша как культурного центра. Сами материалы чустской культуры обнаруживают определенную перекличку с памятниками западных районов КНР. В плане культурогенеза это был период формирования больших культурно-хозяйственных зон скотоводов степного облика на севере Кыргызстана и оседло-земледельческого феномена на юге. Архаические домашние производства чустской культуры со временем стали развиваться в специализированные ремесла. Сходные тенденции продолжались в Фергане и в середине I тыс. до н. э., когда здесь существуют комплексы типа Эйлатана-Актама, и начинают проявляться связи с миром сакских племен.

Период древней урбанизации охватывает время по крайней мере со II в. до н. э. по V в. н. э. Число поселений резко возрастает, причем отмечается их особо высокая концентрация опять-таки в Восточной Фергане. На этом основании некоторые авторы считают, что это был основной центр владения Давань, известного по китайским источникам. Эти источники сообщают, что в Давани было 70 «городов». Смущенный таким количеством В. В. Бартольд полагал, что это, «несомненно, деревни» (Бартольд, 1963). Судя по археологическим исследованиям, среди ферганских поселений этого времени можно выделить поселения городского типа. Н.Г. Горбунова, исходявшая из общих размеров конкретных поселений и их фортификации, считала что имелось по меньшей мере 16 поселений городского типа (Горбунова, 1977). Кроме крупных центров существовали и небольшие «городки», имеющие и оборонительные сооружения и своего рода цитадель — центральный холм. Культура этого времени приобретает отчетливые черты урбанизированных стандартов, хотя в ряде отношений уступает урбанизированной культуре Бактрии и Согда, сохраняя значительное своеобразие.

Обе эти черты – и стандартизация и локальное своеобразие – заметны уже по такому массовому материалу как керамика, которая становится продукцией мастеров-профессионалов, работающих с гончарным кругом быстрого вращения и с высокопроизводительными гончарными горнами. Вместе с тем, глубоко своеобразным является процарапанный орнамент на этой посуде, где, наряду с геометрическими и растительными мотивами, встречаются изображения лошадей и птиц. Некоторое время особняком стоят памятники Восточной Ферганы шурабашатского типа, где преобладает расписная керамика ручной лепки, придавая всему комплексу несколько архаический характер. Но постепенно культурная интеграция охватывает и эти области. В архитектуре ферганских памятников используются стандарты, выработанные в соседних странах, в первую очередь, в Бактрии и Согде. Такова фортификация и планировка городища Мархамат, возможно, тогдашнего столичного центра Ферганы. Его стены имеют прямоугольные башни, а при строительстве, по крайней мере частично, используется согдийский стандарт квадратного сырцового кирпича. Вместе с тем, в Фергане, в отличие от основных городских цивилизаций Средней Азии от Бактрии до Хорезма, почти не представлена мелкая терракотовая скульптура.

В древний период в Ферганскую долину широко и, видимо, неоднократно проникают группы кочевого населения, оставившие многочисленные могильники, в том числе, и в районе г. Ош. Материальная культура этих комплексов отражает процесс культурного синтеза кочевников и урбанистических начал. Это был важный этап этнических взаимодействий в пору преемственности этногенеза киргизского и узбекского народов.

В период средневековой урбанизации на начальном этапе в предарабское время отмечается заметное воздействие эталонов согдийского культурного комплекса, в первую очередь, в Западной Фергане. Этими же путями, надо полагать, происходило и распространение буддизма, что представлено открытием буддийского храма в Куве.

Предарабский город Ош, возможно, уже тогда носивший это имя, был открыт в ходе раскопок на городище Ак-Буура. Планировочно исходным центром была подквадратная в пла-

не крепость. Ее окружала стена, усиленная башнями и имевшая внутрискладный коридор. Стена неоднократно укреплялась, и в конечном итоге ее толщина достигла 8 метров. К этой крепости-цитадели примыкала группа монументальных строений явно особого назначения, расположенная на высокой платформе и обведенная отдельной стеной. Судя по всему, эти строения были разрушены и сожжены в период арабского завоевания. Внутри строений были обнаружены остатки сгоревших деревянных баз и самих деревянных колон. В завале обнаружены и куски стеной росписи. Наконец, третья стена, построенная в некотором отдалении от центральных комплексов, окружала все поселение в целом. Она наиболее мощная и её толщина достигает 12 метров. Здесь расчищена большая башня, видимо, располагавшаяся около ворот. В пределах этого внешнего обвода раскопано небольшое здание особого назначения, скорее всего, храм огня. Алтарь огня, располагавшийся около одной из стен, оформлен по краям двумя колоннами. Вдоль стен шла невысокая суфа. Керамический комплекс обнаруживает определенные аналогии в согдийском посудном наборе. Вместе с тем, к числу предметов местной художественной традиции принадлежит обломок сосуда, на стенке которого точечной техникой воспроизведены изящные фигуры лошадей, бывших одной из достопримечательностей древней Ферганы, что подчеркивают и китайские источники. Сама техника точечного изображения известна по раскопкам согдийского Пенджикента, но там представлены иные сюжеты. Культурная интеграция была одной из характерных черт процессов урбанизации и засырдарьинских областей в пору раннего средневековья (Массон, 1979).

Судя по первоначальным наблюдениям, предарабский Ош погиб в огне. Это было скорее всего связано с событиями арабского завоевания. Позднее город переместился ниже по течению реки Ак-Буура, на территорию, где раскинулся и современный городской центр.

События арабского завоевания, нанеся огромный урон местной культуре, отнюдь не остановили процесс урбанизации, которая, после некоторой стагнации, стала вновь набирать силу. Арабские географы отмечают, что в Фергане IX–X веков было 40 селений с пятничной мечетью, что считалось одним из при-

знаков центра урбанистических функций в сфере идеологии. Судя по поливной керамике и архитектуре, культура средневековой Ферганы ближе всего стоит к мавераннахрскому варианту урбанистической культуры мусульманской эпохи.

Восточные географы свидетельствуют о том, что Ош является в это время важным центром и считается третьим по величине городом Ферганы. Он описан как имеющий классическую трехчленную структуру – цитадель с дворцом и тюрьмой, собственно город-шахристан и пригород – рабат. Поскольку с тех пор территория города не изменялась, все эти структуры и строения погребены под современными постройками, и лишь случайные находки, главным образом глиняной посуды, свидетельствуют о значительной обжитой территории. Во всяком случае имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что Ош этого времени полностью вписывался в высокие городские стандарты образа жизни средневековой Средней Азии от типов поливной керамики до такого структурного элемента городского благосостояния как банный комплекс. Перспективы изучения древнего Оша как предарабского времени, так и поры развития средневековья, вполне обнадеживающие, и необходимы только систематические целенаправленные археологические и историко-топографические работы.

Литература:

- Байпаков К. М.* 1986. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – нач. XVIII вв.). Алма-Ата.
- Бартольд В. В.* 1963. Фергана. Соч. Т. III. – М.: Наука. С. 527–538.
- Буряков Ю. Ф.* 1983. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. – Ташкент: Фан.
- Горбунова Н. Г.* 1977. Поселения Ферганы первых веков н. э.: (Некоторые итоги исследования) // СА. № 3. С. 107–120.
- Заднепровский Ю. А.* 1985. Фергана // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. – М.: Наука. С. 304–316.
- История древнего мира.* 1989. Под редакцией И. М. Дьяконова, В. Д. Неверовой, И. С. Свенцицкой. Тт. I–III. – М.: Наука.

- Массон В. М. 1973. Процесс урбанизации в древней истории средней Азии // Древний город Средней Азии. ТД. Л. С. 3-6.
- Массон В. М. 1979. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // УСА. Вып. 4. Л. С. 3-7.
- Массон В. М. 1979а. О характере древнейших классовых обществ на Востоке // Изв. АН ТуркССР, СОН. № 5. С. 5-12.
- Массон В. М. 1986. Палеолитическое общество Восточной Европы: Вопросы палеоэкономики, культурогенеза и социогенеза. СПб.
- Fried M. H. 1967. The Evolution of Prehistoric Society. New York.

Древняя Фергана и степной мир³

Благодаря специфической природной ситуации, евразийские степи стали тем центром, где сформировался как адаптивно-адаптирующая система особый исторический феномен – степной образ жизни. Уже на ранних этапах, восходящих к поре палеометалла, сформировался ряд специфических черт этого образа жизни, нашедших прямое отражение в материальной культуре и в наборе типов артефактов. Это, прежде всего, развитие колесных экипажей, а в погребальном обряде курганные насыпи, маркирующие место захоронения в бескрайних плоскостных просторах. Столь же ранним является установка на вершине курганов антропоморфных стелл, бывших первое время скорее всего деревянными. Качественный скачок, связанный с переходом к кочевничеству, может быть по социальной и политической значимости сопоставим с т. н. городской революцией в зоне оседлых культур, когда были заложены основы урбанистических цивилизаций (Массон, 1989). С этого времени окончательно утвердился целый ряд показателей в материальной культуре типологически, но не функционально варьирующих в различной этнокультурной

---

³ Первая публикация: Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. 2000. Вып. 3. Ош и Фергана в исторической перспективе. — Бишкек: Мураc. С. 19-20.

среде. Это специфические виды посуды как по форме, так и по материалу, учитывая портативность изделий из кожи и дерева. Таковы также легкопереносимые жилища и типичная одежда всадника от шаровар до мягкой бескаблучной обуви. В целом это был устойчивый культурный комплекс, вместе с тем восприимчивый к интегрированию в повседневное бытие типов изделий зоны оседлых оазисов.

Фергана была одним из центральноазиатских, регионов, где особенно ярко проявились взаимодействия традиций кочевого и оседлого мира. Инфильтрация подвижного населения со степным образом жизни начиналась здесь еще в бронзовом веке и была постоянно действующим фактором на протяжении последующих периодов, оказывая заметное, порой систематизирующее воздействие на культурные комплексы, да и на этнические процессы.

Судя по всему племена степной бронзы активно проникают в Фергану и прилегающие районы. Так, на крайнем западе долины найдены развешенные поселения с керамикой андроновского типа (Литвинский и др., 1962). Здесь же отмечены следы активной металлургической деятельности и найдена каменная модель боевого вислообушного топора, аналогичного вооружению воинов-колесничих, чьи гробница были впервые раскопаны на Южном Урале. Костяные псалии от упряжи коней, запрягавшихся в подобные повозки, обнаружены в богатой гробнице Зардчахаалифа под Пенджикентом — не столь уже далеко от кайраккумских памятников. Наконечник крупного бронзового копья с втулкой, принадлежащий к тому же набору вооружения, найден в районе г. Ош. Проникновение в Ферганскую долину степного населения, возглавляемого вооруженной элитой, передвигавшейся на колесницах, позволяет предполагать демографические последствия. Так, Ю.А. Заднепровским был поставлен вопрос о возможности вхождения степных племен как одного из составляющих компонентов чустской культуры (Заднепровский, 1997), по основным параметрам бывшей оседлой и тяготеющей по ряду культурных связей к Синьцзяню. Учитывая массовость чустских поселений, вполне допустимо, что одним из демографических рычагов было оседание степняков и их акулкультурация.

Качественный скачок, осуществленный степными обществами, с наступлением номадизма нашел блестящее выражение в формировании особого эпохального типа культуры, который можно именовать скифским, но который разумеется объединяет группировки разного этнического характера.

В конкретных формах скифский эпохальный тип культуры представлен следующей иерархической структурой — региональным типом, который в свою очередь объединяет ряд локальных археологических культур и макрокомплексов. Для Центральной Азии такое определяющее значение имеет региональный тип культуры, который можно определять как сакский. Для него, помимо скифской триады, имеющей правда и региональные типологические особенности, характерен как наиболее распространенный погребальный обряд, предусматривающий ямные подкурганные захоронения с использованием дерева для перекрытия и порой для самого устройства гробниц, положение погребенных на спине с западной ориентировкой, устройство дромосов в элитных погребениях. Разумеется в рамках регионального типа культуры существовали и местные различия за счет значительной территориальной протяженности и, главным образом, за счет досакского культурного наследия.

Памятники сакского круга обнаружены в горных районах на севере (Кетмень-Тюбе) и на юге (Алай) Ферганской долины. Сравнительно богатый курган были раскопан в районе г. Узген в Узгенском оазисе (Винник, 1970). В числе находок здесь были серебряный кувшинчик и бронзовый котелок с двумя ручками. Материал этот не опубликован и имеется лишь его предварительная датировка VI—IV вв. до н. э. Проникновение пришельцев в среду местного населения явно продолжалось, что отражает двухкомпонентная культура Актам-Эйлатан поры раннего железа. Здесь традиции расписной керамики, берущие свое начало в чустских памятниках, сочетаются с погребальным обрядом явно сакского круга — от курганных насыпей до вытянутых костяков.

В условиях активного функционирования раннекочевнических обществ начинает формироваться такой военно-политический организм как кочевые империи, бывшие социологическим аналогом ранних государственных структур зоны

оседлых цивилизаций. Здесь доминирует военно-аристократический путь политогенеза. Подвижное кочевничество с его милитаристскими наклонностями интенсифицировало институализацию власти, хотя отсутствие централизованной бюрократии и пережитки родоплеменных традиций в вопросах престолонаследия не способствовали стабильности.

Первой такой кочевой державой была кочевая империя хунну-сюнну, а наибольших военно-политических успехов среди сменяющихся этнических приоритетов достиг в дочингисхановскую эпоху Тюркский каганат. Важным достижением тюркской эпохи было создание местной рунической письменности, поскольку более ранние свидетельства о существовании в сакском обществе «иссыкского письма» или неких хуннских надписей не вполне ясных. Племена, развивающие степной образ жизни, с военной элитой на колесницах, раннекочевнические общества и кочевые империи были тремя последовательными структурами, вкладом евразийских степей в мировую историю и культуру.

Особую проблему представляет вопрос о взаимодействии кочевого мира и оседлых цивилизаций. Довольно широко распространено трафаретное суждение о демоническом начале разрушителей, приходящих из кочевого мира. Разумеется, в военных столкновениях и набегах были и потери, и разрушения, за исключением пожалуй монгол-чингисхановской эпохи, в военную доктрину которых входила стратегия устрашения. Это все было в пределах обычных военных противостояний. Среднеазиатские материалы показывают, что более распространено постепенное проникновение групп населения из кочевого мира и соответственное развитие контактов и взаимодействий с оседлыми оазисами. Эти контакты бывали и мирными, и военными. В эпоху бронзового века племена степной бронзы на протяжении нескольких столетий постепенно продвигаются в Среднюю Азию, достигают границ урбанистических цивилизаций и постепенно входят в состав городского населения. Они претерпевают культурную ассимиляцию высокоразвитой культурой и видимо способствуют лингвистической ассимиляции городских аборигенов. Сходные процессы, хотя и не столь растяжимые во времени, происходили в Средней Азии в первые века нашей эры в Фергане и среднеазиатском междуречье.

В постсакское время, особенно в первые века нашей эры, по всей Ферганской долине четко выступают две характерные особенности культурогенеза. Первая – это массовое проникновение в регион инокультурного населения с четкими традициями, восходящими к культурному наследию степей и кочевий. Не касаясь деталей материальной культуры, таков прежде всего курганный обряд надгробных сооружений и такие способы захоронения как катакомбы и подбойи. Судя по расположению могильников, это население практиковало скотоводческое направление хозяйства, скорее всего, отгонного типа. Вторая черта – это поразительный симбиоз степных или кочевых традиций и традиций оседло-земледельческой культуры, насчитывающий в Фергане многие столетия. Своего рода нерасторжимое единство разнохарактерных наборов материальной культуры вынудило, например, Н.Г. Горбунову предложить двуединое наименование соответствующей культуры как кугайско-карабулакской, где Кугай – типичное оседлое поселение, а Карабулак – блестящий по находкам курганный могильник (Gorbunova, 1986).

Судя по размерам курганных могильников, скотоводческое население, концентрировавшееся на высокогорных участках, было не менее многочисленным, чем число горожан в городках и оседлых поселках. Показательно само число курганных насыпей в могильниках. Так, в Ворухском могильнике насчитывается 450 курганов, в могильнике Тураташ – 100, а в могильнике Кара-Булак – 900. Показательно, что под курганными насыпями находятся захоронения, совершенные по разному обряду. В Кара-Булаке преобладают подбойные захоронения, есть ямные и некоторое количество катакомб. Надо полагать, что это отражает достаточно пестрый состав скотоводческого населения, где разные группы придерживались традиционных погребальных установлений. Вместе с тем, материальная культура отражает предельный уровень интеграции с ориентацией на традиции ферганского урбанизма. Видимо подобная доминанта культурной ассимиляции и дала тот сплав населения городов и селений Ферганы поры развитого средневековья, где само количество поселений поражало арабских географов.

Литература:

- Баруздин Ю. Д. 1957. Кара-Булакский могильник // КСИЭ. Вып. 26. С. 96–102.
- Винник Д. Ф. 1970. Работы в Узгенском оазисе // Археологические открытия 1969 г. – М.: Наука. С. 433–434.
- Заднепровский Ю. А. 1997. Ошское поселение: К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. – Бишкек: Мурас.
- Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. 1962. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе.
- Массон В. М. 1989. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука. С. 81–89.
- Gorbunova N. G. 1986. The Culture of Ancient Ferghana. VI century BC – VI century AD. BAR International Series. 281.

Ош и Южный Кыргызстан: исторические судьбы

***(Некоторые итоги совещаний и разработок,
отраженных в серии публикаций «Ош-3000
и культурное наследие народов Кыргызстана»)⁴***

Одной из стратегических задач «Ош-3000» была интенсификация исследовательской деятельности, нацеленной на изучение прошлого народов Кыргызстана во всех его аспектах и проявлениях с уделением особого внимания южному региону и прежде всего, его историческому центру городу Ош. Мероприятия, организуемые через государственную структуру в лице дирекции «Ош-3000», позволили объединить

---

⁴ Первая публикация: Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. 2000. Вып. 5. Ош и древности Южного Кыргызстана. — Бишкек: Мурас. С. 4–6.

исследователей, независимо от их служебной и ведомственной принадлежности. Ведущие научные структуры республики принимали активное участие как в организации и проведении симпозиумов, так и подготовке публикаций по данной тематике. Среди таких учреждений следует назвать Национальную академию наук Кыргызской Республики, Национальный государственный университет (г. Бишкек), Ошский государственный университет, Кыргызско-Узбекский университет в г. Ош.

Соответствующее научно-организационное построение работы позволило рассматривать проблематику в широком аспекте различного исторического контекста, в первую очередь, ферганского, но также и центральноазиатского в целом. При этом учитывался опыт соответствующих разработок, осуществлявшихся учеными более отдаленных государств – России, Узбекистана, Азербайджана и Индии. Определенным итогом этой деятельности стало издание целой серии проблемно-целевых сборников под общим заглавием «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана».

Одновременно осуществлялись и полевые археологические изыскания. Именно результаты археологических работ послужили, по существу, стимулирующим толчком к выдвижению президентом А. Акаевым программы «Ош-3000».

Исходным моментом явились раскопки Ю.А. Заднепровского и Е.В. Дружининой памятника бронзового века, располагавшегося на склонах Сулейман-Тоо (Заднепровский. 1997). Он принадлежит к числу памятников чустской культуры, достаточно широко распространенных в Ферганской долине, особенно в ее восточной части. По сравнению с другими памятниками чустской культуры Ошское поселение выделяется высоким процентом расписной керамики среди всех находок образцов глиняной посуды. При этом уникальными являются изображения в росписи козлов, явно связанных с анималистическими культами. Такие изображения вообще, кроме Ошского поселения, не известны на памятниках чустского круга. Обнаруженные на склоне Сулейман-Тоо наскальные рисунки, особенно спиральные лабиринты, явно восходят к весьма раннему времени. Таким образом Ошское поселение, которое возможно даже было местом обитания служителей культа, позволяет видеть развитие города Ош

как важного культурного центра по крайней мере с 1000 г. до н. э., если даже не более раннего времени.

Другим важным открытием в числе ошских древностей стали раскопки городища Ак-Буура, проводившиеся под руководством Б. Аманбаевой (Аманбаева, Абдуллоев, 2000; Аманбаева, Грицина, Набоков, Абдуллоев, 2000).

Эти работы показали, что перед нами эталонный памятник ферганской археологии, подлинный форпост согдийской цивилизации раннесредневековой эпохи. Древнейшим ядром поселений была подквадратная в плане крепость, которая позднее стала играть роль цитадели. Расцвет города приходится на время VI–VIII веков. Стена цитадели имела внутренственный коридор, неоднократно укреплялась и в конечном итоге ее толщина достигла 5 метров. К стене основной крепости примыкал обширный участок, строения которого были возведены на высокой платформе, для устройства которой частично использовали естественный рельеф. Здесь были расположены постройки явно престижного характера, в том числе, видимо, резиденция правителя. В ее состав входило и помещение с алтарем, выполнявшее функцию домашнего храма огня. Внутри помещений в этом комплексе были обнаружены сгоревшие базы деревянных колонн и сами колонны, игравшие роль опорных столбов для перекрытия. Этот участок ограждала вторая оборонительная стена, имевшая толщину около пяти метров. Внутри строений в завалах обнаружены куски штукатурки со стенной росписью. Наконец третья стена окружала все поселение в целом. Она наиболее мощная, толщиной около 12 метров.

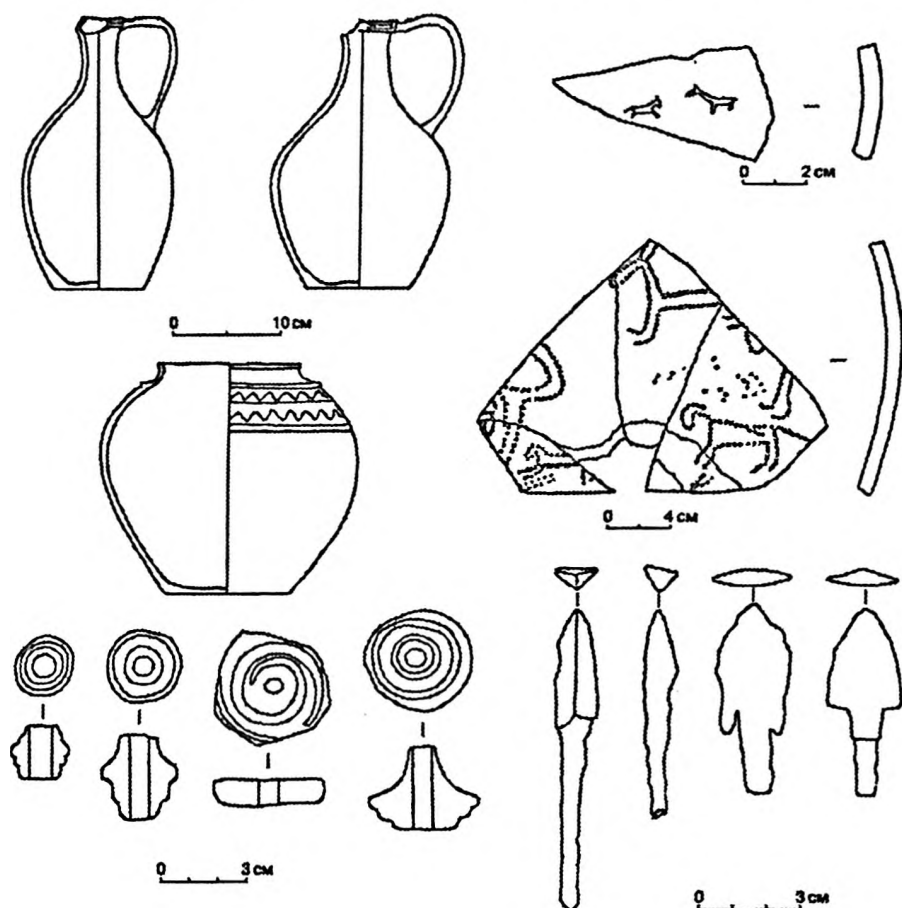
Сложная система укреплений, монументальные строения, богатая материальная культура не оставляют сомнений, что перед нами руины древнего города. Повсюду во вскрытых строениях отмечены следы мощного пожара. Сгорели деревянные колонны, стены местами прокалились до красноты, закопчены найденные здесь сосуды. Нет сомнений, что это следы бурных событий арабского завоевания VIII века и, что после неоднократных погромов город был перенесен ниже по течению реки Ак-Буура на место современного города Ош. Здесь при постройке домов повсеместно встречаются археологические материалы средневековой эпохи, в первую оче-

редь, поливная керамика. Именно здесь был город Ош, процветавший начиная с IX–X веков.

Храм огня, открытый среди монументальных строений за второй оборонительной стеной, не был единственным в городе. Еще один небольшой храм примыкал к этой второй стене с внешней стороны. В нем у одной из стен располагался алтарь огня, оформленный по краям двумя фигурными колонками. Напротив стоял большой хум, где находилась вода для омовения. Вдоль стен шла суфа. Раскопки показали, что культовое здание на этом месте существовало длительное время – ниже располагались друг над другом руины еще двух аналогичных храмов. Как и повсеместно, в Средней Азии в предарабском Оше процветал местный вариант зороастризма, связанный с культом огня.

Материальная культура Ак-Бууры имеет много общего со стандартами согдийской цивилизации. Ее образцы играли эталонную роль и широко использовались разными народами в процессе культурной интеграции. Таким был, в частности, тюрко-согдийский культурный синтез. В этом отношении примечательна находка на Ак-Бууре обломка сосуда, на котором точечной техникой нанесено изображение изящных коней (рис. 16). Такая техника известна в самаркандском Согде, но таких сюжетов там нет. Фигуры лошадей аналогичны стройным силуэтам лошадей древней Давани, чьи изображения известны по наскальным рисункам. Этих коней китайские войска, вторгшиеся в Фергану, считали одним из ценнейших трофеев. В этом отношении характерны некоторые изменения, происходившие в материальных проявлениях, связанных с погребальными традициями среднеазиатского зороастризма. Для согдийской метрополии форма глиняных оссуариев, куда помещались очищенные кости усопших, традиционно прямоугольная. Она явно подражает формам жилищ оседлого населения, часто с воспроизведением архитектурных деталей в виде колоннад. С распространением зороастрийской обрядности вне согдийской метрополии в зоны с сильными традициями кочевого образа жизни формы оссуариев изменились – они стали овальными. А.Н. Бернштам справедливо предлагал видеть в таких изменениях форм оссуариев влияние кочевого мира и называл последние северных областей «юрто-

РИС. 16. Городище Ак-Буура. Комплекс изделий VII–VIII вв. н. э.

образными» или «кибиткообразными» (Бернштам, 1950; см. также Кольченко, 1999). По имеющейся информации овальный оссуарий был найден и в окрестностях городища Ак-Буура, где видимо, находился и некрополь, организованный по зороастрийскому обряду. Таким образом, раскопки городища Ак-Буура, проводившиеся в рамках программы «Ош-3000», привели к открытию города предарабской эпохи, являвшегося, судя по всему, одним из наиболее развитых и богатых городских центров раннесредневековой Ферганы.

Таковы некоторые результаты археологических изысканий, проводившихся по этой программе. Раскапывались также древние поселения в Опском оазисе, учитывались случайные находки, происходящие на территории современного города и его окрестностей. Все это составило надежную информационную базу для новых разработок по истории культуры самого Оша и всего ферганского региона в целом. Среди проводившихся разработок, отраженных в изданиях, выпущенных по программе «Ош-3000», можно отметить несколько направлений.

Одним из таких направлений является изучение древних и средневековых городов и, шире, процессов урбанизации в целом. Это имеет особое значение не только для Центральной Азии, но и для других регионов, в частности, для Южного Кавказа (Д. Исмаилзаде, С. Достигаев, 2000). Археологами открыто на территории Ферганы значительное число поселений, многие из которых не без оснований считаются руинами городов (Горбунова, 1977). По свидетельству китайских источников, используемых отечественными исследователями в переводе Н. Бичурина, в Фергане было 70 «городов». Смущенный таким количеством В.В. Бартольд писал, что это «несомненно деревни» (Бартольд, 1963). Китаист И.Ф. Попова отмечает, что примененные в данном случае в китайских текстах термин «чен» имеет основные значения «крепостная стена» и «город» (Попова, 2000). Кроме того, под термином «чен» подразумеваются и городской ров, и поселение, окруженное каменной или земляной стеной. Скорее всего такие укрепленные поселки, глинобитные стены которых хорошо известны археологам, изучающим памятники Ферганы, и дали основания для подобного заключения китайских хроник, основывавшихся на сообщениях своих информаторов, скорее всего, участников военных походов в Фергану-Давань. Укрепления имеют многие памятники из числа изученных археологами в Ферганской долине, в том числе сравнительно небольшие замки-усады. Поселения же городского типа, как известно, отличаются размеры, отражающие феномен концентрации населения, экономического, культурного и интеллектуального потенциала. Именно выполнение поселением специфических функций указывает, в

частности, на его городской характер. В равной мере укрепления городов это не просто земляной вал, который, как мы видели, тоже подразумевается термином «чен», а фортификация определенных архитектурных канонов, включая тип башен и сложных предвратных сооружений. В этом отношении достаточно показательно городище Ак-Буура, представляющее собой руины предарабского Оша. Тройной обвод крепостных стен характеризует мощную систему фортификации. Стены имеют башни, а стена цитадели как главного укрепления, также и внутрстенный коридор, предназначавшийся для передвижения вдоль бойниц защитников города. Фортификационная функция военного центра здесь представлена зримо и фундаментально. Монументальное строение между основным укреплением и вторым обводом стен, имевшее в своем составе и внутренний храм огня, явно выполняло представительные функции резиденции правителя, обычно обозначаемые термином дворец. Это символ значимости предарабского Оша как административного центра. Наконец храмы огня, как проявление местного зороастризма воплощают функцию идеологического лидерства. Такие поселения городского типа при соответствующем анализе и интерпретационной оценке могут быть выделены среди древних поселений Ферганской долины как для древности, так и для средневековья.

Важным аспектом развития городов является урбанизация, которую можно рассматривать как культурный процесс, отражающий формирование городского образа жизни с его специфическими культурными и поведенческими стандартами и эталонами (Массон, 2000). Городской образ жизни при всем эпохальном и региональном разнообразии имеет некоторые общие черты. К ним относятся стандартизация, особенно в сфере материальной культуры, повышенная комфортность среды обитания, и социальная дифференциация образа жизни. Социальная дифференциация образа жизни соответствует как социальному статусу, так и сфере деятельности, особенно получающей все большее распространение, торговле. Возникнув, как концентрация пассионарности, в том смысле как ее понимает Л.Н. Гумилев, город стимулирует различные виды активности, в том числе и предпринимательскую деятельность. Складывается особый психологический

тип предпринимателя, происходит актуализация ценностных ориентации этого типа личности. Правда, на Востоке традиционная социопсихологическая система ценностей и политическая структура централизованной бюрократии играли в этом отношении сдерживающую роль. Как будто одним из исключений было согдийское купечество. Например, в Пенджикенте, судя по ряду признаков, существовала гражданская община, а бухарский Пайкенд вообще именуется «городом купцов». При этом, отсутствие сильной центральной власти в согдийской федерации и такого фактора как культ царя благоприятствовало развитию этой формы общественной активности.

Вторым важным направлением являются вопросы культурогенеза. В.Д. Горячева специально останавливалась на этом направлении в статье, опубликованной в четвертом выпуске ошской серии (Горячева, 2000). Исключительное значение изучения процессов культурогенеза и такой его составляющей, как культурное наследие, зачастую недооценивается современными исследователями. Например, одним из распространенных методологических заблуждений является отождествление этнического наследия и наследия лингвистического. При этом упускается такая важная составляющая этнического наследия как наследие культурное. Устойчивые блоки культурного наследия восходят к глубинным истокам культурного пространства и занимают заметное место в традициях и поведенческих структурах современных народов. В первую очередь, это касается такой сферы, как образ жизни. Образ жизни представляет собой устойчивый комплекс, сложившийся в результате утверждения специфических форм хозяйственной деятельности в условиях адаптации к экологической ситуации. Он включает как сферу материальной культуры, так и мир духовных ценностей, в том числе, что особенно существенно, нормы менталитета.

Ярким примером является утверждение степного образа жизни в зоне евразийских степей. На этой основе сформировался особый блок культурного наследия, который характерен для многих народов региона от башкир до монголов независимо от их языковой принадлежности. Степной образ жизни нашел зримое воплощение в материальной культуре и наборе типов артефактов, начиная с эпохи бронзы. Это

прежде всего развитие колесных экипажей, а в погребальном обряде курганные насыпи, маркирующие место захоронения в бескрайних просторах. Качественный скачок произошел с переходом к кочевничеству и освоением верхового коня. В материальной сфере степного образа жизни утверждаются легкие разборные жилища обычно овальные в плане, особые виды посуды из легких материалов – кожи или дерева, удобных для транспортировки. Формируется и тип одежды всадника от бескаблучной обуви до шаровар. Личность всадника определяет тип менталитета, в значительной мере ориентированный на индивидуальность, включая, кстати, и обрядовые отправления. Это сказалось и на сложении локальных форм ислама в областях с сильными традициями кочевого образа жизни. Глубинные истоки, устойчивое сохранение этих видов культурного наследия независимо от политических и лингвистических перемен несомненны. В Кыргызстане степной образ жизни начал утверждаться с проникновением сюда племен с культурой степной бронзы и прочно утвердился с эпохой номадизма, которая здесь блестяще представлена сакской культурой. Можно считать, что сакское культурное наследие в этом отношении образует глубинные основы позднейших народов, включая средневековых кыргызов. Это заметно в ряде отношений. Показательна такая, казалось бы внешняя деталь, как остроконечные шапки, продолжающие традиции саков тиграхауда-ортокорибантiev («носящих острую шапку»).

Перспективы новых подходов к истории формирования народов, составляющих население Ферганы, продемонстрированы в статье С.А. Полякова (Поляков, 2000). Предлагаемый им ранговый подход предусматривает учет при изучении истории населения экономического фактора. Он в частности отмечает, что взаимовыгодные связи земледельческого и скотоводческого населения отнюдь не регламентировались приоритетами «национальной», а точнее «этнической» принадлежностью партнера (Поляков, 2000: 40). Следует учитывать и духовное наследие, часто завязанное на традиционном менталитете. В этом отношении интересны разработки Д. Льюиса (Льюис, 2000). Все эти аспекты, также как и собственно культурное наследие, бесспорно имеют большое значение для

углубленной разработки вопросов истории народов, которая с советских времен закомплексована термином этногенез.

И, наконец, третье направление связано с рассмотрением проблемы культурных взаимодействий, особенно в их творческом аспекте, ведущим к сложению на интеграционной основе новых феноменов и структур. В этом отношении вырисовывается еще один немаловажный аспект программы «Ош-3000». Восточная Фергана издревле была полигоном, где разворачивалось взаимодействие культур, народов и цивилизаций. Это была зона ретрансляции культурных инноваций и творческих идей. Здесь постоянно отмечается движение населения, материальных и интеллектуальных ценностей. Для интегрированных аспектов важно взаимодействие кочевого и оседлого населения, что составляло специфическую черту жизнедеятельности, начиная по меньшей мере с поры ранних кочевников. В материальной культуре сакских племен, это, в частности, проявилось в появлении на глиняной посуде расписных орнаментов. Этот прием характерен для керамической традиции оседлой Ферганы, начиная с чустской культуры. Данный вопрос неоднократно рассматривался К.И. Ташбаевой, в том числе, и в ходе совещаний по программе Ош-3000. Сакские курганы с подобной керамикой были обнаружены неподалеку от самого Оша (Ташбаева, 2000). Хорошо известен такой феномен как тюрко-согдийский культурный синтез, проявляющийся, в частности, и в ферганских материалах. Для процесса взаимодействия культур и цивилизаций своего рода символом стал, так называемый Великий шелковый путь, разные аспекты которого рассматривались в ходе совещаний и нашли отражение в публикациях (Воропаева, Горячева, 1998). В одном из сборников материалов проводившихся конференций этому направлению был посвящен особый раздел – «Великий шелковый путь и интеррегиональные связи и взаимовлияния».

Таким образом, есть основания заключить, что научные изыскания, осуществлявшиеся по программе «Ош-3000» от археологических раскопок до сводных исследований и теоретических разработок, заметно содействовали движению исторической науки, обращающейся к прошлому Кыргызстана в широком контексте.

Литература:

- Аманбаева Б., Абдуллоев Д. 1999. Предарабский Ош в свете раскопок 1998 года // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 2. Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. – Бишкек: Мурас. С. 44–46.
- Аманбаева Б., Грицина А., Набоков В., Абдуллоев Д. 2000. Новые раскопки на городище Ак-Буура // Ош и Фергана в среднеазиатском контексте. Бишкек.
- Бартольд В. В. 1963. Фергана. Соч. Т. III. – М.: Наука. С. 527–538.
- Бернштам А. Н. 1950. Согдийская культура и тюркский каганат // Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА. № 14. С. 110–125.
- Воропаева В. А., Горячева В. Д. 1998. Великий Шелковый путь и культурные взаимосвязи Тянь-Шаня и Ферганы // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 1. Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. – Бишкек: Мурас. С. 34–39.
- Горбунова Н. Г. 1977. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (Некоторые итоги исследования) // СА. № 3. С. 107–120.
- Заднепровский Ю. А. 1997. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. – Бишкек: Мурас.
- Исмаилзаде Г., Достигаев Т. 2000. Изучение средневековых городов Азербайджана в сравнении с урбанизацией Средней Азии // Ош и Фергана в среднеазиатском контексте. Бишкек.
- Кольченко В. А. 1999. К типологии оссуариев Чуйской долины // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 2. Новое о древнем и средневековом Кыргызстане – Бишкек: Мурас. С. 49–54.
- Льюис Д. 2000. Национальные особенности и религии в Центральной Азии // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 4. Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез. – Бишкек: Мурас. С. 38–40.
- Массон В. М. 1999. Урбанизационные процессы в среднеазиатском регионе и ферганские городские центры // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 2.

Новое о древнем и средневековом Кыргызстане – Бишкек: Мурас. С. 4–6.

Массон В. М. 2000. Оседлый и городской образ жизни: пути культурогенеза // История, экономика, культура юга Кыргызстана. Ош

Поляков С. П. 2000. Фергана. История формирования населения (второе тысячелетие до н. э.) // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 3. Ош и Фергана в исторической перспективе. – Бишкек: Мурас. С. 44–47.

Попова И. Ф. 2000. Китайские источники о Фергане // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 3. Ош и Фергана в исторической перспективе. – Бишкек: Мурас. С. 48–49.

Ташбаева К. И. 2000. Культура ранних кочевников Ошского оазиса // Ош и Фергана в среднеазиатском контексте. Бишкек.

Список сокращений

АВ	Археологические вести. СПб.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ИБ МАИКЦА	Информационный бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. — М.: Наука.
Изв. АН ТуркССР, СОН	Известия АН Туркменской ССР, серия общественных наук. Ашхабад.
ИМКУ	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд.
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МГУ	Московский государственный университет. М.
МХАЭЭ	Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
СА	Советская археология. М.
ТД	Тезисы докладов.
ТХАЭЭ	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТИИАЭ АН ТуркССР	Труды института истории археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад.
УСА —	Успехи среднеазиатской археологии. Л.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЧАСТЬ I. Культурное наследие и современный мир	7
Археологическое и культурное наследие страны.....	7
Культурогенез, этногенез, глотогенез.....	12
Научное пространство СНГ и Евразийские блоки культурного наследия.....	15
Культурное наследие Кыргызстана: пласты культурного наследия и культурные взаимодействия	21
Культурное наследие и современная цивилизация	32
ЧАСТЬ II. Степная археология и древние кочевники Азии ...	38
Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии	38
Степной образ жизни и общества древних народов.....	81
Археология древних кочевников Центральной Азии	94
Политогенез древнекочевнических обществ и политическое наследие	123
ЧАСТЬ III. Древняя Фергана и древний Ош	128
Древний Ош: Перспективы и задачи исследования	128
Урбанистические процессы в среднеазиатском регионе и ферганские городские центры	131
Древняя Фергана и степной мир	139
Ош и Южный Кыргызстан: исторические судьбы	144
Список сокращений	156

Массон В.М.

**ДРЕВНИЙ КЫРГЫЗСТАН:
ПРОЦЕССЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ**

Подписано к печати 17.10.2003

Формат 60х84. Печать офсетная.

Объем 10 п.л.

Тираж 250 экз.

Издательство «Илим»

720071, Бишкек, пр-т Чуй, 265 а

**Массон
Вадим Михайлович**

АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК,
ПОЧЕТНЫЙ АКАДЕМИК НАЦИОНАЛЬНОЙ
АКАДЕМИИ НАУК КЫРГЫЗСТАНА,
ЧЛЕН РЯДА ЗАРУБЕЖНЫХ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ,
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР.

Один из видных ученых-археологов,
теоретик древнейших этапов истории и культуры
Евразийского региона.

В книге представлены методологические
разработки автора по культурогенезу, этногенезу,
политогенезу и культурному наследию
древнекочевнических обществ Центральной
Азии и их вкладу в мировые цивилизации.